

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ**
Материалы X Всероссийской научно-
практической конференции

Елабуга, 12 декабря 2025 г.

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕЛАБУЖСКИЙ ИНСТИТУТ**

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ**

**Материалы X Всероссийской научно-практической
конференции**

Елабуга, 12 декабря 2025 г.

КАЗАНЬ

2025

УДК 1+316.3
ББК 87.6

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Елабужского института (филиала)
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 2 от 26 февраля 2026 г.)*

Ответственный редактор

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии
Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета
С.В. Смирнов

Научный редактор

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Елабужского
института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета **Е.В. Громов**

Редакционная коллегия:

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Елабужского
института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета **А.Г. Ильин**;
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и методики ее преподавания
Набережночелнинского государственного педагогического университета **Н.М. Асратян**

Ч-39 **Человек в современных социально-философских концепциях** [Электронный ре-
сурс]: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Елабуга, 12
декабря 2025 г.) / отв. ред. С.В. Смирнов; науч. ред. Е.В. Громов; ред. кол.: А.Г.
Ильин, Н.М. Асратян. – Электронные текстовые данные (1 файл: 480 Кб). – Казань:
Издательство Казанского университета, 2026. – 179 с. – Системные требования:
Adobe Acrobat Reader. – URL: <https://kpfu.ru/elabuga/struktura-instituta/osnovnye-podrazdeleniya/fakultety/fakultet-istorii-i-jurisprudencii/kafedra-filosofii-i-sociologii/el-ektronnye-resursy> – Загл. с титул. экрана.

Настоящий сборник включает в себя доклады и выступления участников X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Аскадулы Галимзяновича Сабирова (1954-2025), «Человек в современных социально-философских концепциях», проведенной в Елабужском институте (филиале) Казанского (Приволжского) федерального университета 12 декабря 2025 г. Издание обеспечивает представление оригинальных идей в исследовании проблемы и служит дальнейшей разработке проблемы человека.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий, терминов и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей.

УДК 1+316.3
ББК 87.6

© Издательство Казанского университета, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1. «Человек в современных философских концепциях»	6
Багаутдинов А.А. «Мы» Е. Замятина как опыт социокультурной деонтологизации	6
Багаутдинов А.А., Воронина С.С., Казанцева А.М., Кмин А.И. Наставничество как антропологическая практика	9
Громов Е.В. Феномен русского миропонимания и его рефлексия в отечественной философии 19 века	12
Задворнов А.Н. Искусственный интеллект и человек: на радость, или на горе?	19
Керженцева Л.П. Философские основания музыкального жанра Heavy metal	26
Ли Сяочжоу. Сравнение моделей китайской и западной модернизации	36
Миллер В.И., Бельмакова И.А. Трансформационные процессы человека	42
Пантелеев В. Л. Подлинный смысл романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»	46
Смирнов С.В., Гарифзянова А.Р. Истоки представлений о национальной исключительности американцев	52
Чебанов А.А., Смирнов С.В. Эволюция философских представлений о месте и роли человека в природе	58
Шапошникова Т.Д., Ганичева Е.И. Образ человека в семейной системе: коммуникация, травма и устойчивость в контексте современной российской психологии	62
Шушкевич Р.В. Социально-философский контекст трансформации профессионального образования: человек и искусственный интеллект как конкурирующие агенты	68
Раздел 2. «Человек в современных концепциях социогуманитарных наук»	74
Абакумова Н.Н., Фахрутдинова А.В. Педагогический мониторинг инноваций и парадокс нефиксированной оценки	74
Абдыханов У.К., Латышев О.Ю. Воссоздание «исторического горизонта» современности в культурологической концепции казахской литературы XX века	78

Ван Хуэйжу. Глобальная цифровая образовательная среда: ретроспектива музыкального образования в общеобразовательных школах – сравнительный анализ современного состояния в Китае и России	93
Гарифзянова А.Р., Смирнов С.В. Этнический аспект молодежного предпринимательства (на примере г. Казани)	103
Додина О.Л. Киселева Е.О. Стратегия планирования работы преподавателя в практической деятельности в рамках новых социально-значимых изменений педагогических парадигм	110
Кондратьев А.Ю. Человек в правоприменительной деятельности: психологические и этические аспекты адвокатской практики	124
Латышев О.Ю., Латышева П.А., Радаэлли М.Э., Луисетто М. Человек в современных правовых концепциях в связи с возникновением локальных вооружённых конфликтов	128
Лучинин И.А. Лидерство в контексте цифровой трансформации: готовность студентов российских вузов	139
Нуралиева З.А. Эстетика хорового искусства	143
Сакаева Е.В., Ахунова Д.Э., Фатхутдинова Ю.М. Совместная работа узких специалистов в коррекционно-развивающей деятельности ДООУ как способ сохранения психологического, физического здоровья детей с ОВЗ	146
Староверов М.И. Выбор профессии как социально-философская проблема: человек в условиях неопределенности рынка труда	151
Тотолин В.С. Человек в современной экономике: поведенческие факторы в цифровой среде	155
Фань Сяюй. Исполнительская техника пианиста Как культурный феномен	160
Хайров Р.З. Роль искусства в формировании личности	164
Хайрова М.Р. STEAM-методика в обучении изобразительному искусству младших школьников	167
Хайрова Н.Р. Живое дыхание книги	169
Чэнь Ц. Формирование межкультурной личности в процессе обучения русскому языку как иностранному	174

СЕКЦИЯ 1. «ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ»

УДК 130.2

А.А. Багаутдинов

к. филос. н, доцент

Елабужский институт Казанского федерального университета

«МЫ» Е. ЗАМЯТИНА КАК ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕОНТОЛО- ГИЗАЦИИ

Аннотация. В статье дан социально-философский анализ романа Е.И. Замятина «Мы». Антиутопия «Мы» – это одновременно палата для душевно больных, тюрьма, концлагерь и страшное предупреждение что стремление создать социальный рай на земле, выстроенный на принципах тотального преобладания общественного над частным, может обернуться невиданной формой тоталитаризма.

Ключевые слова: идеально общество, утопия; антиутопия; Е.И. Замятин деонтологизация, деперсонализация, тоталитарное общество.

С момента своего появления на исторической арене человечество грезило о своем идеальном будущем. Первобытный человек связывал идеальное с тем сверхъестественным, которое его породило. В более сложных мировоззренческих системах, как, например в буддизме социальный идеал связывался с предшествующим текущему периодом истории. После второго «золотого века» люди живут в менее совершенном мире, полном обмана и несправедливости. Наступление эпохи царской власти было призвано преодолеть отчуждение и вражде между людьми. Античная философия дает нам две концепции идеального государства Платона и Аристотеля. Средневековье видит идеал в потустороннем мире, в «граде Божиим». Эпоха Нового времени создает разнообразные утопические модели идеального общества. Одна из этих утопических моделей была

настолько похожа на реально достижимую и вплоть до предпоследних десятилетий XX века казалось, что социальный идеал реально достижим. В первой же половине прошлого столетия появляются критические антиутопические произведения, высвечивающие ряд несовершенств гипотетического идеального мира. К числу подобных работ можно отнести роман Евгения Замятина «Мы». Этот роман, по сути, основание, от которого отталкивались Джордж Оруэлл с его 1984, Олдос Хаксли с его дивным новым миром.

Евгений Замятин – писатель, инженер-кораблестроитель, социалист с до-революционным «стажем». Во время поездки в начале века в Англию Замятин написал повесть «Островитяне». Пережив и прочувствовав революцию в России, он в 20-х годах пишет роман «Мы». В судьбе этого знакового произведения как в зеркале отражаются перипетии истории нашей страны. На родине роман издан не был, но вышел в английской версии за рубежом в 1924 году. В Советской же России роман был сочтен вредным и закрепил за автором ярлык «антисоветчика». Отечественное издание романо было сделано только в Перестройку в 1988 году.

«Мы» Замятина описывает тоталитарное государство, представляющее из себя специфический город XXVI века. Это идеальный деонтологизированный социальный организм, субъекты которого максимально деперсонализированы. У людей нет имен, только номера, отличительные признаки минимальны. Стены зданий этого города прозрачны, питание жителей искусственное на основе нефти. Вся жизнь жителей горожан строго регламентирована даже в части принятие пищи (которое происходит синхронно), распорядка дня с периодами труда и отдыха. Атмосфера и жизнь обитателей горда-государства напоминает какую-то полутюрьму-полупсихбольницу. Как в тюрьме им разрешены свидания с противоположным полом, свободы в выборе партнеров у жителей нет, «кандидатов» на половую совместимость определяет город и выдает талоны на встречу с правом закрыть шторы у жилища. Тяжкими преступлениями в этом тоталитарном государстве являются свобода мысли и передвижения. Территория за городскими стенами – место обитания людей-бунтарей. Нарушители законов и правил этого

тоталитарного социума за свои правонарушения как могут быть подвергнуты чему-то напоминающему лоботомию, так и физически уничтожены. Главный герой Д-503, дневниковые записи которого и составляют «плоть» романа проходит эволюцию от идеологически лояльного тоталитарному социуму гражданина до заговорщика. Затем он подвергается операции и снова становится лояльным, послушным социальным «винтиком» тоталитарной машины. Идеал этого «привёрнутого» общества – свод законов и правил под названием Скрижаль. Основа этого свода и «матрица» тотальной регламентации близкий к ней «образец» из нашего времени – система научной организации труда Фредерика Уинслоу Тейлора. Большая часть сил, ресурсов города-государства направлена на строительство и запуск космического корабля «Интеграла» для распространения законов и порядка тоталитарного социума на другие планеты.

Мы Замятина – около пифагорейская антиутопия, описание деперсонализированного тюремного социума, жители которого по какому-то недоразумению не являются роботами. Идеологи советского государства не зря видели в этом романе памфлет [2, С.329] и угрозу советскому строю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинов А.А., Рузметова Г.Б.К. Некоторые аспекты перевода авторских неологизмов и реалий Антиутопии Замятина «Мы»/ А.А. Багаутдинов // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сб. науч. трудов IX Международной научно-практической конференции, Елабуга, 10 октября 2025 г. / отв. ред. В.М. Панфилова, А.М. Зиатдинова, науч. ред. Е.М. Шастина. – Елабуга: Елаб. институт КФУ, 2025. - С.36-39.

2. Долгина Е.С. Проблемы культуры в русской литературной утопии XIX-XX веков: Монография/Е.С. Долгин. – Нижневартовск: Нижневарт. гуманит. ун-т, 2009. – 111 с.

3. Замятин Е.И. Мы: роман, повести, рассказы/ Е.И. Замятин. – М.: Детская и юношеская книга, 2023. – 464 с.

УДК 141.319.8

А.А. Багаутдинов

к. филос. н, доцент

Елабужский институт Казанского федерального университета

С.С. Воронина

учитель начальных классов

Средняя общеобразовательная школа №12 г. Альметьевска

А.М. Казанцева

студент

А.И. Кмин

студент

Елабужский институт Казанского федерального университета

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье дается анализ феномена наставничества как социокультурного феномена и значимой для становления личности практики. В качестве примеров наставников выступают народ, писатели-классики

Ключевые слова: Сократический поворот; проблема человека, антропологические практики, наставники духа.

В интеллектуальной истории проблема человека является одной из основополагающих. «Сократический поворот» к человеку является точкой отсчета классической античной философии, в которой человек предстает как влекомая роком часть космоса. Христианское средневековье ставит проблему диалектической борьбы триединой сущности человека. Фокус на обычного человека в Возрождении закладывает современное рассмотрение человека-индивида. Немецкая классическая философия, как и античная классика обращается к миру человека. Неклассическая мысль ставит проблему человека во главу угла, социально-гуманитарное знание становится социально-антропологическим. Можно

сказать, что с антропологического поворота вся наука так или иначе обращается к человеку. Человек – сложный для анализа объект и для простоты исследования выделяют ряд связанных с изучаемым объектом антропологических проблем. К ряду таковых относятся антропологические практики, анализ которых может способствовать конституированию «иной цивилизационной конфигурации современного мира» [1, с.5].

Согласно распространенной деятельностной концепции личности, обретение человеком себя происходит в процессе и по итогам разнообразных антропологических практик. Одной из старейших социальных практик конституирования человека является наставничество. Оно представляет из себя социальный инструмент развития человека через передачу знаний от наставника к ученику способствующий социализации и инкультурации индивида [3, с.13].

Наставником может быть народ, транслирующий через устное и зафиксированное на письме народное творчество, сказки, базирующуюся на народном опыте литературу [2].

Наставниками народа можно назвать классических авторов, стоявших у истоков литературного языка. К вечным наставникам русского народа можно отнести Александра Сергеевича Пушкина. Наставниками юношества могут служить даже авторские образы: князь Гвидон, королевич Елисей, Татьяна Ларина и т.д. К числу таковых же наставников можно отнести Гавриила Державина и Михаила Ломоносова и других классиков у нас. В англоязычной традиции можно также упомянуть классиков от Джеффри Чосера и Уильяма Шекспира. Их произведения служат ориентирами, взрастившими целые поколения. Через творчество классических авторов передаются важные этические принципы, идеи справедливости, добра, долга, что играет большую роль в воспитании личности. По сей день идеи Пушкина, Шекспира и других классиков остаются актуальными и востребованными, направляя современного человека в поисках смысла, нравственного выбора и духовного развития. Работы классиков адаптируются под современные реалии.

Формирование личности происходит также в процессе усвоения определенных моделей профессионального опыта и оттачивания его до уровня высокого мастерства и профессионального искусства.

К числу наставников, оказавших позитивное влияние на процесс развития музыкального мастерства и конструктивного его взаимодействия с народной певческой традицией, можно причислить Сергея Васильевича Рахманинова. В его творчестве, особенно в произведении «Всенощная» можно видеть основание для становления *Russica musica sacra nova* – квинтэссенции взаимодействия классической и духовной музыкальных традиций [4]. Благодаря Д. Бортнянскому, М. Глинке, П. Чайковскому, С. Рахманинову и др. из академической музыки не исчезли эталоны духовно-музыкальных произведений. Этим композиторов можно подлинно назвать наставниками дума композиторов и музыкантов.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что наставничество – это технология социализации личности и антропологическая практика. Она способствует становлению личности человека и также обретению им ценностей, идеалов, необходимых для успешного функционирования в обществе навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов О.Д. Антропологическая практика как невозможная возможность/ О.Д. Агапов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, вып. 1. – С. 4-8.

2. Бааутдинов А.А., Воронина С.С. Некоторые аспекты теории и практики формирования языковой личности//А.А. Багаутдинов, С.С. Воронина //Филология будущего, которое мы создаем: тенденции, смыслы, приоритеты: Материалы I Международной научно-практической конференции / Московский международный университет / Отв. ред. Л.М. Бузинова. – М., 2025. - С.13-17

3. Гринько Е.Н. Наставничество и наставник как социокультурные феномены/ Е.Н. Гринько//Человек. Культура. Образование – Human. Culture. Education. – 2023. – 1(47). – С.10-25

4. Кондратьева Е.А. «Всенощное бдение» С.В. Рахманинова – вершина русской духовной музыки/ Е.А. Кондратьева // Сборник Трудов Иваново-Вознесенской духовной семинарии. – 2015. – № 2. – С. 129-170.

УДК 130.2

Е.В. Громов

К. филос. н, доцент

Елабужский институт Казанского федерального университета

ФЕНОМЕН РУССКОГО МИРОПОНИМАНИЯ И ЕГО РЕФЛЕКСИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ 19 ВЕКА.

Аннотация: статья посвящена отображению феномена русского миропонимания в отечественной философской мысли рубежа 19-20 веков. Рассматриваются концепции русского миропонимания, предложенные в разное время такими философами, как И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв и рядом других. Особое внимание уделено проблеме религиозных истоков русского миропонимания и её освещению в российской философии.

Ключевые слова: русская философия, миропонимание, мировоззрение, религиозная философия, русский мир, И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьёв, К.Н. Леонтьев.

В последние годы вопрос о миропонимании россиян, его истоках и особенностях, приобрёл качественно новое значение. Из чисто философской проблемы он превратился в целый комплекс политических и социокультурных дискурсов, в которые оказались вовлечены самые разнообразные группы и представители не только российского общества, но и стран ближнего и дальнего зарубежья. Вопросы о менталитете русского человека, о восприятии им мира, самого себя, своего окружения, своей страны и всего человечества в целом, вышли за пределы поля научной дискуссии и начали дебатироваться в политическом пространстве,

в средствах массовой информации и в сетевой среде, причём дискуссия эта охватывает сейчас широчайший круг участников и становится по-настоящему массовой. Диапазон мнений по вопросу, в результате, расширяется, но, одновременно, снижается философский, культурный и даже языковой уровень дискуссии. Публичное обсуждение темы русского миропонимания стало одним из аспектов поиска новой российской идеологии, благодаря чему оно вновь стало привлекать внимание не только специалистов по русской философии, но и представителей власти, творческой интеллигенции, педагогического сообщества, пользователей социальных сетей. Результаты этой дискуссии находят отражение не только в мировоззрении современных россиян, но и в политике государства. Так, широкую известность получил вопрос о так называемом «крестопаде» - тенденции по удалению из изображений православных храмов и даже российского государственного герба крестов, мотивируемое соображениями политической корректности, повлекшее вынесение на обсуждение в Государственную Думу соответствующего законопроекта и принятие 15 июля этого года закона о защите религиозных символов [6].

Одним из последствий активизации дискуссии по вопросам русского мировоззрения стал рост интереса к наследию отечественной философии, в которой эта проблема разрабатывалась на протяжении многих десятилетий. Сравнительно позднее обращение к концепциям русского мировоззрения, выработанным российскими мыслителями, связано не только с практически полным их забвением в советскую эпоху, но и с негативным восприятием в начале постсоветского периода тех идей, в которых пристрастный читатель мог уловить хотя бы следы предполагаемого великодержавного шовинизма или национализма. Темы, связанные с особенностями русского менталитета, хоть и не были полностью табуированы, но разработка их велась с преимущественным упором на поиски истоков советского тоталитаризма и культурно-технической отсталости России. Только в последние пятнадцать – двадцать лет ситуация стала меняться, а с началом Специальной военной операции России на Украине интерес к разработке

проблемы русского миропонимания в религиозной философии России многократно возрос. Идеи русских философов начали дебатироваться в общественном пространстве, их цитируют представители современной российской политики и культуры [см., напр.: 8], часто вне контекста, порой с искажениями смысла. Это обуславливает необходимость ответить на вопрос о действительном содержании этих концепций, заложенных в них идеях и принципах. К сожалению, в современной российской философии этот вопрос ещё далёк от полного решения, что обуславливает необходимость его дальнейшей разработки. Из числа работ, опубликованных на эту тему в последнее время, можно отметить статьи А.Э. Долгиревой, С.В. Смирнова и ряда других авторов. Однако, лишь часть из них специально посвящены взглядам российских философов на миропонимание русского человека, и, таким образом, проблема эта сохраняет свою актуальность.

Исследование философских концепций русского миропонимания сопряжено с определёнными трудностями, обусловленными спецификой русской философской мысли. Прежде всего, понятийный аппарат её классиков заметно отличается от такового в современной философии. В наши дни проблема национального миропонимания разрабатывается в контексте проблемы менталитета, неизвестной до двадцатых годов прошлого столетия. Во многих источниках такие понятия как «мировоззрение» и «миропонимание» не употребляются вовсе, употребляются как синонимы или употребляются не в тех значениях, которые известны современному философу. Поэтому, рассматривая историю проблемы русского миропонимания в трудах отечественных религиозных философов, мы вынуждены акцентировать внимание на тех их идеях, в которых отражается рефлексия авторами миропонимания русского человека как характерного комплекса идей, взглядов и представлений, выражающих основные особенности его мировоззрения (религиозных, нравственных, политических и т.д.).

История разработки вопроса о русском миропонимании тесно связана с наследием славянофилов. Выступив против общепризнанного к середине 19 века тезиса о исторической отсталости России и благотельности для неё курса догоняющей вестернизации, они неизбежно должны были столкнуться с вопросом:

если Россия – не часть или окраина Европы, в силу исторической случайности оказавшаяся на долгое время вне путей прогресса, то что же именно отличает её от европейских стран? Что позволяет не считать русских одним из многих периферийных европейских народов? Поиски ответа на эти вопросы привели таких мыслителей, как И.С. Аксаков и Н.Я. Данилевский к выводу, что основное различие между русским и европейским культурными мирами лежит в сфере народного духа – особой ментальной общности, включающей, наряду с прочими компонентами, и особое, уникальное, осмысление бытия - миропонимание. Уже Н.Я. Данилевский в своей теории культурно-исторических типов отмечает как особенность русского миропонимания неприятие насильственности, свойственной, по его мнению, психическому типу Европы [3; стр. 214-227]. Насильственности европейца он противопоставляет терпимость русского человека. Попытки идеологического подражательства Европе ведут, по мнению Данилевского, к возникновению наиболее уродливых форм деструктивной идеологии, таких, как российский нигилизм [4; стр. 317]. Фактически, поздние славянофилы предвосхищали на целое столетие один из главных тезисов цивилизационной исторической модели, получивший развитие в трудах Ф. Броделя и С. Хантингтона – тезис о том, что среди сущностных признаков цивилизации важное место занимает особый, только ей присущий уклад мышления. Примечательно, что все без исключения западные сторонники этой концепции, вслед за славянофилами рассматривали Россию как особую, отличную от Западной Европы, локальную цивилизацию.

Наибольшее внимание особенностям русского мировоззрения и миропонимания уделял И.С. Аксаков. В отличие от большинства других славянофилов, Аксаков не склонен оптимистически оценивать ни современное ему состояние народного духа в России, ни его ближайшие перспективы. Важнейшей особенностью русского национального миропонимания Аксаков считает власть обычая, преобладающего над велениями закона и науки [1, стр. 73-77]. Именно в обычае, по его мнению, состоит сила общинного землевладения, и именно обычай со-

ставлял основу русского духа, направлявшего развитие России как в допетровскую эпоху, так и, пусть в неявной форме – после петровских преобразований. Однако это важное качество национального духа оказалось искажено и изуродовано в результате многолетних попыток пересадить европейские институты и европейские идеологии на русскую почву, попытки, инициатором которых выступало правительство, стремившееся к ограничению, а затем и упразднению земской свободы.

Новый импульс разработке вопроса о русском миропонимании дала дискуссия, развернувшаяся в российской печати по поводу открытия 6/18 июня 1880 года памятника А.С. Пушкину на Тверском бульваре в Москве. С речами на открытии памятника (опубликованными впоследствии) выступили, в частности, И.С. Аксаков и Ф.М. Достоевский. И.С. Аксаков в своей речи раскрывает истинно народный характер творчества Пушкина, сопоставляя его с предшествовавшей эпохой русской поэзии [2; стр. 589]. Искусственному, тяжеловесному, фальшивому тону поэзии восемнадцатого века, с её заимствованными из Франции эпохи Рококо Амурами и Психеями, он противопоставляет свободный, чисто русский слог Пушкина, истоки которого, по его мнению, следует искать в глубине народного духа, искажённого, но не уничтоженного слепым подражанием Западу. Пушкинская речь Достоевского интересна тем, что это одно из немногих его творений, в котором автор выражает свои философские взгляды не в форме художественной прозы. Достоевский, как и Аксаков, подчёркивает подлинно народный характер творчества Пушкина. С одной стороны, Пушкин впервые в русской литературе показал главную беду российской цивилизации – культурный раскол между вестернизированной интеллигенцией и собственно русским народом [2; стр. 596-597]. С другой - именно Пушкин показал красоту и величие подлинно русского духа в образах Татьяны, Гринёва, Инока из «Бориса Годунова» и многих других чисто русских по менталитету персонажей. Истоки их красоты и величия, по Достоевскому, следует искать в миропонимании русского народа, из которого черпает свою силу поэзия Пушкина. Для его стиха, для его лучших персонажей, характерны важнейшие, по мнению Достоевского, черты

русского духа – смирение, терпимость, готовность принимать достижения других народов, приветливость и сострадание к ближнему, а главное – духовное единство, связующее всю массу народа.

С критикой взглядов Достоевского выступил К.Н. Леонтьев. Апокалиптические взгляды Леонтьева обусловили не только главное его возражение Достоевскому – что христианское Откровение в конце мировой истории ожидает не всеобщего царства любви, но пришествия Антихриста, но и его точку зрения на сущность русского духа [7; стр. 732]. Источник русского духа – Православие, но Россия не смогла сберечь его в первоначальной полноте. Русская мысль не может просто смириться с евангельской истиной, но ищет какие-то новых («розовых», по определению Леонтьева) оттенков в христианстве. Подлинно русский дух сохраняет (тут Леонтьев согласен с Достоевским) многое, что было в нём воспитано Православием – доброту, сердечность, милосердие к побеждённым; но проявляются они во всей полноте только тогда, когда русский человек свободен от заискиваний перед европейским духом и европейской цивилизацией. Любые заимствования с Запада, любой компромисс с его культурой Леонтьев отвергает. Главные черты народного духа он видит в долготерпении народа, в его повиновении властям, его верности Церкви. Эти черты, по мнению Леонтьева, воспитаны в русском народе византизмом – греко-христианской культурой, творчески преобразовавшей в себе наследие античного мира и соединившей его с христианством. В русском народе византизм лежит в основе миропонимания, определяя существенные черты русской мысли, тогда как мироощущение его сформировано под влиянием славянства, сильно искажённым, начиная с петровской эпохи, европеизацией.

В.С. Соловьёв, в своей третьей речи в память Достоевского, возражая, в частности, Леонтьеву, выдвигает свою концепцию русского миропонимания, в основе которой лежит тезис о историческом предназначении России – искуплении «великого греха Византии», раскола между христианским востоком и христианским Западом [9]. Идеалом, но не действительностью, русского миропонимания, Соловьёв считает способность понять чужую культуру, принять то, что в

этой культуре от Бога и соединиться с ней ради торжества духа. Зачатки этого миропонимания Соловьёв видит в способности русского народа принимать и усваивать, перерабатывая в своей среде, влияния Запада, принимать в свою среду носителей западной культуры. Именно в этом и проявляется то смирение, которое Соловьёв, вслед за другими русскими философами 19 века, считает наиболее характерной чертой русского духа. Только русский народ, по мнению Соловьёва, способен осуществить историческую миссию объединения разъединённого христианства. В последние годы жизни Соловьёва его взгляды на характер русского миропонимания, начинают, по-видимому, меняться, но в его трудах эти перемены не успели найти отражение. Во всяком случае, в «Трёх разговорах», в «Повести об антихристе», старец Иоанн выступает как носитель мистической интуиции, которая и позволяет ему первым распознать Антихриста в «президенте земного шара».

Таким образом, в русской философии 19 века сложилась проблема специфического русского миропонимания, актуальность которой сохраняется и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Народ, государство, общество / Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / И.С. Аксаков. Составление и комментарии С. Лебедева / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 67-100.

2. Аксаков И.С. Речь о А. С. Пушкине при открытии памятника поэту в Москве 8 июня 1880 года/ Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / И.С. Аксаков. Составление и комментарии С. Лебедева / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С.

3. Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма. / Горе победителям. Вступительная статья, примечания, приложение А.В. Ефремова. Изд. 2-е — М.: «Алир», ГУП «Облиздат», 1998. — 416 с., стр. 317.

4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. /Н.Я. Данилевский. Составление и комментарии А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е — М.: Институт

русской цивилизации, Благословение, 2011. — 816 с.

5. Достоевский Пушкинская речь / Ф.М. Достоевский - URL: Ф.М. <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/pushkin.txt&page=5> (дата обращения: 30.10.2025).

6. Закон о защите религиозных символов, инициированный «Единой Россией», принят единогласно [Электронный ресурс] URL: <https://moscow.er.ru/activity/news/zakon-o-zashite-religioznyh-simvolov-iniciirovannyj-edinoj-rossiej-prinyat-edinoglasno> (дата обращения: 01.11.2025).

7. Леонтьев К.Н. О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике/ Славянофильство и грядущие судьбы России // К.Н. Леонтьев. - Сост., вступит. ст., указ. имен и коммент. А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 731-738.

8. Прилепин З.Г. 5 декабря 1803 года родился Фёдор Тютчев, поэт, дипломат, тайный советник. / З.Г. Прилепин - URL: <https://t.me/zakharprilepin/29033> (дата обращения: 01.11.2025).

9. Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского / В.С. Соловьёв - URL: Ф.М. <https://www.vehi.net/soloviev/trirechi.html> (дата обращения: 30.10.2025).

А.Н. Задворнов

к. филос. н, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЧЕЛОВЕК:

НА РАДОСТЬ, ИЛИ НА ГОРЕ?

Аннотация: В статье проводится сопоставление искусственного и естественного интеллекта, а также рассматриваются некоторые позитивные и негативные аспекты влияния небιологического разума на сферы общественной жизни и природу человека. Делается вывод о том, что искусственный интеллект, основанный на принципах гуманистики, способен придать импульс социальному прогрессу.

Ключевые слова: искусственный интеллект, человеческая природа, цифровая эпоха, когнитивность

В мае 2025 года вышел в свет очередной доклад Программы развития Организации объединенных наций (ПРООН), в котором отмечается, что прогресс в области человеческого развития замедлился до рекордно низкого уровня за последние 35 лет [1]. На фоне общего замедления прогресса происходит рост глобального неравенства между бедными и богатыми странами. Планы по устойчивому росту Индекса человеческого развития терпят фиаско и новой нормой становится угасающий тренд позитивной социально-экономической динамики. Авторы доклада призывают «срочно искать новые пути развития» [1]. В условиях глобальных потрясений администраторы ПРООН обращаются к возможностям искусственного интеллекта (ИИ). В частности, А. Штайнер заявляет: «ИИ стремительно проникает в различные сферы нашей жизни. Мы должны учитывать его потенциал. Почти ежедневно появляются новые возможности, и, хотя ИИ – не панацея, наши решения могут вновь дать импульс прогрессу и открыть новые горизонты» [1]. На наш взгляд, «ставка» на ИИ вполне оправдана по нескольким основным причинам:

1. ИИ перестал быть отдельной технологией и теперь он работает в связке с большинством современных технологий.

2. ИИ способен распознавать сложные паттерны без тысяч прописанных правил, машина в рамках статистического подхода сама учится и находит закономерности в данных.

3. Радикально выросла скорость внедрения: сегодня алгоритм, созданный в лаборатории, за неделю может распространиться по всему миру.

В начале 1980-х гг., в связи с созданием первого персонального компьютера массового пользования, научно-техническая революция (НТР) перешла в информационно-технологическую революцию (ИТР), которую также называют компьютерной или электронной. Понятие и содержание «ИТР» раскрыто в трудах Ж.-

Ж. Серван-Шрайбера, Т. Умесао, Ф. Махлупа, Э. Тоффлера и других исследователей. Важной попыткой осмысления ИТР стал 12 доклад Римского клуба, опубликованный в 1982 г. под авторством немецкого ученого Г. Фридрихса и польского философа А. Шаффа. Доклад получил название «Микроэлектроника и общество: на радость или на горе», что подчёркивало амбивалентный характер последствий микропроцессорной революции. Современное состояние и процесс развития ИИ, на наш взгляд, может быть назван революцией технологий ИИ, которая знаменует начало нового этапа научно-технического прогресса. Очевидно, что научная революция, которая происходит на наших глазах, несёт как радость, так и горе, а ее последствия способны существенно повлиять на человеческую природу.

В рамках статьи мы попытаемся наметить общие контуры возможных ответов на следующие вопросы:

1. Чем ИИ отличается от естественного интеллекта и какая «высота» человеческого мышления для ИИ недостижима?
2. Какие глобальные подходы к восприятию ИИ сложились в мире?
3. Каковы отрицательные и положительные последствия использования ИИ в различных сферах жизни общества?
4. Как в ближайшие годы может меняться человеческая природа, находясь в поле тотального взаимодействия с ИИ?

ИИ в отличие от естественного интеллекта имеет ряд ограничений. Здесь остановимся на двух из них. Во-первых, ИИ только имитирует интуицию, творчество, понимание контекста и юмор, используя, по терминологии М. Полани, явное знание (базы данных). В интеллектуальной деятельности человека существенную роль играет неявное знание, которым человек располагает, но не осознаёт. Однако, именно такое «молчаливое знание», как показано в концепции М. Полани, подспудно влияет на содержание и характер интеллектуальной деятельности. Кроме того, человек мыслит внутри определённого эмоционального фона. Как писал М. Полани: «В каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности» [2, С. 112]. Добавим к этому и то обстоятельство, что

мысль живёт в рамках и под влиянием социокультурного контекста, что порождает познавательные возможности недоступные для машины. В этой связи кажется сомнительной вероятностью полного и повторяющегося прохождения теста Тьюринга теми или иными моделями искусственного интеллекта. Во-вторых, ИИ не обладает самосознанием, то есть лишён переживания себя как центра собственного мира. Самосознание, как убедительно доказано Р. Декартом, является актом сомнения. Заложить данный акт в машину проблематично, поскольку причины сомнения носят не только рациональный, но и иррациональный характер. В итоге возникает эксцесс машинного сознания, показанный, в частности, в сюжете польского фильма «Последнее замыкание. Конец света». Важно понимать, что процесс самопознания не сводится к рефлексии. Он шире и включает в себя дорефлексивное чувство самости (тотальная личность) и внутренний диалог с собой. Предполагается, что данные ограничения должны быть сняты в модели сильного ИИ, однако последний представляет собой гипотетическую конструкцию и не реализован на практике. Тем не менее, в трансгуманизме создание сильного ИИ и последующее слияние с ним (идея «сингулярности») рассматривается как желаемый этап дальнейшей эволюции человека.

В мире сложилось два подхода к восприятию ИИ: евроатлантический и восточный. Первый характерен для западного мышления, которое часто оперирует бинарными оппозициями. ИИ воспринимается как «Другой», то есть потенциальный соперник, которого нужно либо подчинить, либо от которого нужно защититься. Отсюда, характерные нарративы от «Франкенштейна» М. Шелли до «Терминатора». При таком подходе возникает страх «восстания машин», а значит, требуются дополнительные усилия для снятия угрозы свободе личности со стороны ИИ. Отсюда и содержательные доминанты «Акта об искусственном интеллекте» Европейского союза (EU Artificial Intelligence Act, AI Act), в котором ключевыми принципами являются прозрачность («объяснимость ИИ»), надзор и защита приватности личности [3].

Восточный подход к восприятию ИИ качественно иной. Здесь главной ценностью является не столько индивидуальная автономия, сколько гармоничные

отношения между человеком, обществом, природой и технологиями. Угрозы видятся не в потере контроля, а в нарушении общего баланса. В восточном мировоззрении границы между живым и неживым более размыты, поэтому ИИ может рассматриваться не как «Другой», а как новый элемент в экосистеме отношений. Восприятие ИИ носит более прагматичный характер. Основное внимание уделяется не тому, «является ли ИИ разумным», а тому, насколько эффективно он служит развитию общества и укреплению государства. Угрозы ассоциируются не с экзистенциальным риском, а с отставанием в технологической гонке и нарушением социальной стабильности. Это порождает модель «тотального внедрения», когда технологии тестируются и интегрируются в городскую и социальную инфраструктуру массово и быстро, как, например, в проектах «умных городов» в Китае. Очевидно, что во избежание философско-цивилизационного раскола требуется обеспечение диалектического взаимодействия между данными подходами.

К основным отрицательным последствиям использования ИИ в различных сферах жизни общества относятся:

1. ИИ, обучаясь на данных, созданных людьми, неизбежно перенимает человеческие недостатки, стереотипы и предрассудки. Как результат ИИ способен оправдывать и давать убедительные «научные» обоснования дискриминационным практикам.

2. Если используется решение, сгенерированное ИИ, то размывается зона ответственности за ошибку. Сложно определить степень вины разработчика, пользователя или организации, внедрившей систему / выдавшей лицензию на её использование.

3. Неоправданно высокое доверие к результатам работы ИИ. При этом ошибка может скрываться в самих данных, на которых учился алгоритм, что приводит не только к неверным и неточным выводам, но и ситуациям, когда алгоритм не может объяснить свое решение. Возникает вопрос о доверии к ИИ, логика работы которого остается непонятной даже для их создателей (проблема «черного ящика»). Получая от системы точные ответы, остается загадкой, как она к ним

пришла, что идёт в разрез с важнейшими критериями истинности знания – проверяемость и воспроизводимость. Наиболее очевидная опасность заключается ещё и в том, что система не знает пределов своей компетенции.

4. Власть концентрируется в руках нескольких технологических гигантов («алгоритмическая олигархия»), которые влияют на жизнь миллиардов людей.

5. ИИ научился генерировать настолько убедительный текст, изображения и видео, что стирается грань между реальным и сгенерированным. Знание подменяется качественной симуляцией, сконструированной алгоритмами. Более того, ИИ создает для каждого человека уникальную информационную вселенную. Алгоритмы рекомендаций и персонализированный контент формируют то, что можно назвать «гиперперсонализированной реальностью». В таком мире исчезает общее культурное пространство, общество распадается на миллионы изолированных миров. ИИ постепенно становится инструментом управления человеческим сознанием, формируя убеждения, политические взгляды, потребительские выборы и т.д.

К основным положительным последствиям использования ИИ в различных сферах жизни общества относятся:

1. ИИ становится ключевым ресурсом цифровой эпохи, обеспечивая прогресс в наукоёмких отраслях экономики (робототехника, беспилотные автомобили, диагностика и «персональная медицина» и т.д.).

2. ИИ учится выделять все более сложные закономерности, что позволяет ему диагностировать, переводить языки, поддерживать беседы и т.п. Дополняя результаты работы человеческого сознания, ИИ способен создавать условия для прорывных открытий в науке и технике.

3. В случае успешного перенаправления ИИ в гуманистическое русло человечество получает сильный инструмент для решения глобальных проблем – от борьбы с болезнями до изменения климата.

Обратимся к вопросу о характере изменения человеческой природы, которая находится в поле тотального взаимодействия с ИИ. Остановимся на одном

существенном аспекте. Очевидно, что будет происходить и уже происходит снижение когнитивных способностей человека. Привыкая доверять автоматическим решениям, человек постепенно утрачивает способность к анализу информации. Исследование Microsoft и Университета Карнеги-Меллона показало, что применение генеративного ИИ приводит к ослаблению критического мышления [4]. Исследование Массачусетского технологического института выявило, что использование инструментов ИИ ухудшает деятельность мозга: участники, работавшие с ChatGPT, демонстрируют наименьшую когнитивную активность. По данным ЭЭГ, у них наблюдалось снижение уровня внимания, контроля и глубокой обработки информации [5]. На фоне ослабления критического мышления под угрозой оказывается и свобода воли человека. Алгоритмы ИИ способны проводить незаметное предварительное программирование желаний и решений. При этом человек оказывается в ситуации, когда он не в состоянии обнаружить манипуляцию и его «свобода выбора» становится результатом точного прогноза и управления. Тем не менее, из этого не следует, что ИИ исключительно опасная технология. Понимание рисков распространения ИИ позволяет учитывать эти угрозы и развивать позитивные стороны небиологического разума. Познавательная экспансия должна получить гуманитарное, родовое оправдание. Развитие ИИ следует встраивать в общечеловеческую логику пролонгирования цивилизации, получения ясных гарантий выживания, сохранения жизни и продолжения будущей истории. Для этого ИИ следует рассматривать как очеловеченную действительность, в которой гуманистика определяет все возможные режимы функционирования искусственного разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад ООН: прогресс в сфере человеческого развития замедлился до минимума за 35 лет. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/05/1463956?ysclid=mitv3q8o66200253420> (дата обращения: 01.10.2025).

2. Полани М. Личностное знание / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. – М.: «Прогресс», 1985. – 344 с.

3. Акт об искусственном интеллекте Европейского союза (AI Act). – URL: https://www.euaiact.com/?web_page_name=%2F (дата обращения: 01.08.2025)

4. Искусственный интеллект ослабляет критическое мышление пользователей. – URL: <https://www.forbes.ru/education/532006-iskusstvennyj-intellekt-oslablaet-kriticeskoe-myslenie-pol-zovatelej?ysclid=mitvdp6dhs546348679> (дата обращения: 10.09.2025)

5. Использование ChatGPT снизило когнитивную активность. – URL: <https://science.mail.ru/news/3934-chatgpt-otklyuchaet-mozg/?ysclid=mitvhihjm6597085845> (дата обращения: 05.11.2025)

УДК 141.3

Л.П. Керженцева

магистр философии, преподаватель

ГБПОУ «Пермский политехнический колледж им. Н.Г. Славянова

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ЖАНРА

HEAVY METAL

Аннотация: Философское осмысление heavy metal показывает, что этот музыкальный жанр представляет собой сложный комплекс мировоззренческих установок, отражающих характерные черты эпохи, условия формирования молодежных движений и духовные запросы поколений. Данная музыка выступает важным социальным феноменом, влияющим на формирование взглядов современных подростков и молодежи, позволяющим формировать индивидуальное сознание способное противостоять негативным социальным тенденциям. Лирика текстов тяжелого метала часто строится на рассказе сложной истории или обсуждении глубоких моральных вопросов, что делает их близкими по духу к эпическим произведениям литературы и драматургии. Треки поднимают вопросы личной ответственности, нравственного выбора, переходя в своего рода в

арт-дискурс о природе человеческого бытия. Также тексты произведений металлического пантеона глубоко проникают в проблематику духовного поиска, самоопределения и стремления преодолеть жизненные испытания ради обретения высшего смысла.

Ключевые слова: heavy metal, человеческая сущность, музыка, индивидуальность, мир, бытие.

Философское осмысление музыкального стиля Heavy metal («тяжелый металл») является весьма малоисследованной областью в философской науке. Обычно исследования ограничиваются самой музыкой как проявлением культуры. Также музыка является проблемным полем для изучения искусствоведческих, культурологических и исторических наук, а для философии она носит в основном прикладное значение. В виду указанного можно выделить особенность и актуальность философского обращения к музыкальному стилю Heavy metal. Музыка, не зависимо от ее жанра: классическая, танцевальная, духовная, народная или тяжелый металл, является уникальным видом человеческой деятельности. Музыкальная деятельность представляет собой одно из наиболее значимых проявлений индивидуальной сущности человека. Ее можно представить как результат сложной системы психофизических процессов, включающих восприятие звукового ряда, интерпретацию музыкальных структур, творческое выражение эмоций и создание виртуальной реальности через звуковые формы. Осмысление музыкальной деятельности позволяет глубже и с иной стороны понять природу человеческого сознания, культурные проявления и различия, а также механизмы социального взаимодействия.

Отметим, что традиционно структуру музыки разделяют на несколько уровней: мелодическая, гармоническая, ритмическая и фактурная. Каждая мелодия – это последовательность нот, организованных в определенную линию, характеризующую определенными интервалами и ритмом. Гармоничность этой последовательности включает вертикальные сочетания звуков, образующие аккорды и созвучия, которые определяют общий характер звучания. Ритм музыки описывает

временные соотношения между звуковыми элементами, задает темп и метрику композиции. Фактурность определяет плотность и распределение звуков в пространстве, тем самым происходит влияние на динамику восприятия и выразительность исполнения.

Музыка многообразна. А ее функции уникальны и зависят от контекста ее использования. Музыка может служить средством выражения чувств, эмоций, мировоззрения, способом передачи культурных традиций, символом ушедшей эпохи, инструментом социализации индивидов в социуме.

Исследования показывают, что музыка возникла еще до появления письменности и являлась частью магических и языческих ритуальных практик древних народов. Ее развитие связано с совершенствованием инструментов, появлением новых стилей и жанров, а также с изменением в социокультурном пространстве. Современные научные исследования подтверждают гипотезу о генетической предрасположенности к восприятию конкретного музыкального стиля, а также к способности воспроизводить музыкальные структуры.

Музыка привлекала внимание уже в древности. Так, например, в Греции философ Пифагор полагал, что она это проявление Космической Гармонии Сфер. Иными словами, музыка способна создавать аналогичный порядок во внутреннем мире человека, как и «мировая музыка» («*musica mundana*») Вселенной. «Все тела, рассекающие со свистом что-то податливое, очень легко приводимое в движение, обязательно создают своей величиной и местом звучания, отличающиеся между собой звуки – либо в зависимости от своих масс, либо в зависимости от скоростей, либо периодов (более подвижных, или, наоборот, более спокойных), в которых осуществляется вращение каждого небесного тела» [1, с. 245-269], таким образом можно предположить, что Античная философская мысль рассматривала музыку в контексте всеобщего порядка мироздания. Греческие исследователи полагали, что музыка отражает фундаментальные законы вселенной, выраженные числами и пропорциями: «Мелодия содержит движения, движения эти деятельны, а действия суть знаки этических свойств...музыка способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души; и раз музыка обладает

такими свойствами, то, очевидно, она должна быть включена в число предметов воспитания молодежи» [2, с. 634]. Важное значение придавалось музыкальной гармонии, пониманию которой способствовали открытия пифагорейской школы о связи музыкальных интервалов с математическими соотношениями. На закате Античная философская мысль в лице одного из своих представителей Кассиодора, считала, что музыка – это гармония, отражение божественного замысла [3, с. 541].

Средневековая христианская философия во многом переняла взгляды античных исследователей, но, разумеется, дополнила их своими божественными идеями. Выделим их ключевые особенности:

- Музыка как символ божественности и созвучия миров;
- Сакральная функция музыкального творчества;
- Стремление выразить невидимое посредством звучания.

Таким образом, мы видим, что средневековая философская мысль интерпретировала музыку с проявлением Божественного замысла. Например, Аврелий Августин считал ее средством познания Бога и возвышения духа верующего [4, с. 241]. А его исследования, отразившие в труде «De musica» оказал сильное влияние на всю средневековую мысль, закрепляя представление о звуковой гармонии как символическом выражении высшего духовного совершенства.

Философия Ренессанса и Нового времени проявляла сильный интерес к исследованиям Античной эпохи. Таким образом, произошло возрождение осмысления музыки как самостоятельного явления культуры. Мыслитель Марсилио Фичино развивал идею о влиянии музыки на здоровье и настроение человека. Философ подчеркивал необходимость изучения звуковых вибраций и их терапевтическое воздействие. Эпоха Просвещения внесла свое видение в понимание сущности искусства звука. Иммануил Кант ставил вопрос о возможности эстетической оценки музыки, выделяя ее способность пробуждать воображение и порождать ассоциации, независимо от содержания [5, с. 289]. Философ отметил, что благодаря созвучиям и мелодичности, отделенным от конкретного смысла возникает «чистое удовольствие». Важнейшая фигура Немецкой Классической

философии – Георг Гегель, видел в музыке выражение абсолютного духа, отмечая ее специфический характер, заключающийся в непосредственном воздействии на чувства слушателя. Гегель заметил, что в отличие от изобразительных искусств, музыка позволяет ощутить внутреннее состояние человека непосредственно, минуя рациональное восприятие формы [6, с. 623].

Неклассическая философия в лице Артура Шопенгауэра пошла дальше. Исследователь утверждал, что музыка является прямым отображением воли, стоящей за всеми явлениями бытия. По его мнению, звуки воспроизводят глубинные импульсы человеческого существования, делая доступными переживания страдания и радости [7]. Фридрих Ницше имел свои взгляды на интересующую нас проблему, которая была резко отличимой от его предшественников. Он противопоставлял дионисийское начало аполлоновскому, характеризуя музыку как отражение хаоса и страстей, противостоящих упорядоченности и разуму. Идея Ницше повлияла и отразилась на современную психологию и культурологию, исследующих взаимодействие музыки и бессознательного.

В XX веке проблемное поле философского осмысления музыки получило новое направление благодаря трудам представителей критической теории Франкфуртской школы. Интересным было изучение социального аспекта музыкального творчества, выделение феномена массовой культуры и индустрии развлечений, приводящих к стандартизации вкусов обывателей. Многие философы XX века критично относились к коммерциализации музыки, полагая, что массовое производство разрушает индивидуальность художественного высказывания [8]. Мартин Хайдеггер обратил внимание на онтологию звучания, подчеркнув роль музыки в раскрытии подлинного существа вещей [9]. По мнению философа, музыкальный опыт способен вывести человека за пределы повседневности, позволяя почувствовать бытие как таковое.

Современная философия продолжает изучение множества направлений музыкального феномена: когнитивные науки раскрывают механизмы восприятия музыки мозгом, психоанализ изучает связь музыкальных предпочтений и личностных черт, социология рассматривает функционирование музыки в обществе.

Heavy metal зародился в конце 1960-х годов XX века в Великобритании, сформировавшись как музыкальный жанр с характерными особенностями звучания, такими как тяжелые гитарные риффы, агрессивная манера исполнения вокальных партий и интенсивное использование ударных инструментов. Изначально тяжелая музыка воспринималась как реакция молодежи на изменения в обществе, происходившие после Второй мировой войны: кризис традиционной семьи, разрушение патриархальной структуры общества, ускорение темпов урбанизации, глобализационные процессы и экзистенциальный кризис. Эти процессы стали катализатором формирования отчужденности молодых людей от традиционных социальных институтов и ценностей. Настроение, возникшее в молодежной среде, нашло свое выражение в музыкальном творчестве групп Black Sabbath, Led Zeppelin и Deep Purple, которые впервые начали использовать тяжелые гитарные риффы, повышенную громкость звучания и агрессивную вокальную подачу.

Термин «Heavy metal» получил распространение благодаря ряду критических статей и интервью музыкантов, желающим подчеркнуть специфику своего творчества. Название музыкального жанра отражает два аспекта: тяжелое звучание инструментов и металлизированный оттенок звукового спектра, возникающего вследствие усилителей и эффектов перегруза («overdrive»). Развитие heavy metal прошло несколько этапов, каждый из которых внес новые элементы в музыку и эстетику жанра. Уже в 1980-е годы появились поджанры, такие как thrash metal, glam metal, power metal, black metal, doom metal, gothic metal. Каждый из них отличался собственными стилевыми чертами и особой аудиторией слушателей.

Heavy metal стал результатом синтеза нескольких жанров музыки, оказавших значительное влияние на формирование нового направления. Среди основных влияющих стилей были блюз-рок, психоделический рок и прогрессивный рок. В качестве примера приведем такие группы вроде Cream и Jimi Hendrix, они внесли вклад в развитие тяжелых ритмов и мощного звука электрогитары. Этот синтез позволил создать основу для дальнейшего развития жанра, включающего

элементы повышенной экспрессии и агрессии. Музыкальную структуру этого музыкального жанра можно охарактеризовать следующим образом:

- Использование низких струн гитары и мощных риффов;
- Применение сложных технических приемов игры на инструментах;
- Преобладание минорных гармоний и диссонансов;
- Тема лирики часто связана с мрачной тематикой, такими как смерть, война, фантастика и мистицизм.

Данные характеристики выделяют тяжелый металл от традиционного рока и позволяют говорить о нем как самостоятельном жанре, обладающем собственным набором выразительных средств. Эти элементы формируют уникальную атмосферу мощи и энергии, способную выражать эмоции глубокого разочарования, гнева и протеста против социальной несправедливости. Лирика текстов heavy metal охватывает широкий спектр философских вопросов. Среди наиболее распространенных тематик выделяются следующие аспекты:

1) *Экзистенциализм*: темы одиночества, бессмысленности существования, страха смерти («Black Sabbath», «Lacrimosa»);

2) *Критика власти и социальных институтов*: сопротивление авторитаризму, корпоративному контролю и идеологическим догмам («Bursum», «Dimmu borgir», «Dark Funeral»);

3) *Мифология и мистицизм*: обращение к древним легендам, магическим символам и архетипам коллективного бессознательного («Immortal»);

4) *Проблема идентичности*: осознание собственной уникальности, самоопределение личности в современном мире («Megadeth»).

Heavy metal можно рассматривать как выражение экзистенциальных вопросов человечества: борьба добра и зла, поиск смысла жизни, стремление к свободе и самовыражению. Философия этого стиля выражает широкий спектр идей и концепций, которые формируют мировоззрение поклонников и музыкантов этого музыкального направления.

Одной из центральных тем тяжелого метала является идея личной свободы

и независимости. Музыка и тексты песен часто подчеркивают важность индивидуального выбора и отказа подчиняться внешним авторитетам. Эта философия находит отражение в идеях анархизма, антиглобализма и антивоенных настроений. Heavy metal нередко ассоциируется с нарушением социальных норм и табу. Музыканты и поклонники стремятся преодолеть ограничения, установленные обществом, и выразить свою индивидуальность через музыку и внешний вид. Отметим, что многие произведения тяжелого метала воспевают силу духа, физическую выносливость и храбрость перед лицом опасности. Эти качества являются неотъемлемой частью героического образа, который музыканты пытаются создавать как для себе, так и для своих слушателей. Через образы воинов и героев музыка вдохновляет фанатов верить в собственные возможности и преодолевать трудности. Еще одной важной темой в творчестве многих исполнителей Heavy metal является размышление о смысле жизни и неизбежной смерти. Тексты песен часто содержат глубокие метафизические вопросы, касающиеся человеческой природы, предназначения и конечной судьбы. Такие композиции помогают слушателям осознать конечность своего существования и принять этот факт как неотъемлемую часть жизненного пути.

Эстетика тяжелого метала характеризуется контрастностью между светлым и мрачным, прекрасным и отвратительным. Это выражается через использование символов разрушения, насилия и апокалипсиса, которые символизируют конец старого порядка и начало нового этапа развития. Несмотря на индивидуальный характер этого стиля в нем существует сильное чувство общности среди его поклонников. Концерты и фестивали становятся местом встречи единомышленников, где участники делятся опытом и эмоциями. Такое сообщество формирует специфическое коллективное сознание, основанное на общих ценностях и убеждениях.

Heavy metal интересен не только как музыкальный стиль. Он выполняет важную социальную функцию, являясь инструментом передачи культурных ценностей и создания уникального чувства принадлежности к сообществу фанатов.

Одежда, символы, имидж музыкантов, а также их стиль поведения создают своеобразный «образ» тяжелого металла, который помогает формировать уникальный стиль жизни и мышления. Особенно ярко эта тенденция проявляется среди молодежи, активно ищущей свое место в обществе и желающей выразить свою личность через приверженность особым идеалам и принципам. Heavy metal выступает своего рода площадкой для обсуждения актуальных вопросов современности, таких как экологические катастрофы, социальная несправедливость, политическая нестабильность и многие другие вызовы нашего времени.

Отчуждение в философии традиционно понимается как состояние разрыва человека от собственной сущности (родовой, индивидуальной и универсальной), общественных связей и продуктов своей деятельности. Согласно Карлу Марксу, отчуждение возникает вследствие господства частной собственности и разделения труда, приводящих к превращению человеческой активности в средство поддержания существования. Тема отчуждения активно развивается в философии экзистенциализма, который обращен к индивидуальному существованию и переживанию отдельного субъекта перед лицом абсурда мира. Важную роль здесь играет концепция аутентичного существования, подразумевающая выбор своего пути вопреки социальным нормам и ожиданиям окружающих.

Особенности проявления отчуждения в музыкальном жанре heavy metal можно выразить в ряде следующих черт. Использование тяжелого звучания, агрессивных ритмов и мрачных мелодий способствует созданию атмосферы напряжения и беспокойства, усиливающей ощущение внутреннего конфликта и борьбы с окружающим миром. Стремление выделяться внешним видом, поведением и стилем одежды отражает протест против стандартов моды и поведения, принятых обществом. Это подчеркивает независимость и уникальность каждого участника группы. Тексты произведений музыкантов часто полны размышлений о смерти, страдании, несправедливости и бессмысленности жизни, делая акцент на глубинном психологическом дискомфорте, который испытывают многие поклонники направления.

Проблема отчуждения личности в рамках heavy metal позволяет выявить

связь между культурными особенностями этой среды и глубинными процессами сознания ее представителей. Данная музыка служит средством самовыражения и поиска смысла среди молодежи, ощущающей себя изолированной от общества. Данный стиль является важным инструментом выражения личных чувств, страхов и сомнений, позволяя людям переживать глубокие внутренние конфликты и сформировать особую форму солидарности.

Философское осмысление heavy metal показывает, что этот музыкальный жанр представляет собой сложный комплекс мировоззренческих установок, отражающих характерные черты эпохи, условия формирования молодежных движений и духовные запросы поколений. Данная музыка выступает важным социальным феноменом, влияющим на формирование взглядов современных подростков и молодежи, позволяющим формировать индивидуальное сознание способное противостоять негативным социальным тенденциям. Лирика текстов тяжелого метала часто строится на рассказе сложной истории или обсуждении глубоких моральных вопросов, что делает их близкими по духу к эпическим произведениям литературы и драматургии. Треки поднимают вопросы личной ответственности, нравственного выбора, переходя в своего рода в арт-дискурс о природе человеческого бытия. Также тексты произведений металлического пантеона глубоко проникают в проблематику духовного поиска, самоопределения и стремления преодолеть жизненные испытания ради обретения высшего смысла. Такие размышления ставят тексты музыкантов heavy metal в один ряд с работами известных философов прошлого и настоящего, делая их интересными объектами изучения для философов. Кроме того, музыканты активно используют разнообразные символы и образы в своих песнях и видеоклипах. Таким образом, изображения Сатаны, войны, стихийных бедствий и различных проявлений насилия становятся одним из способов к выражению внутренних конфликтов и противоречий современной цивилизации. Они служат художественными аналогами извечных человеческих проблем и способствуют пониманию культурного контекста, в котором существует современный человек.

ЛИТЕРАТУРА

- Nicomachus., The Enchiridion // Greek Musical Writings. Volume II: Harmonic and Acoustic Theory, edited by Andrew Barker. Cambridge, 1989 (дата обращения 15.08.2025).
2. Аристотель. «Политика»: Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1983. – 634 с.
  3. Кассиодор. Основы божественных и светских наук. М., 1937. – 989 с.
  4. Аврелий Августин. Шесть книг о музыке. М., 2017.
  5. Кант И. Критика способности суждения. СПб., 2006.
  6. Гегель Г. Лекции по эстетике. Том I. СПб., 2007. – 623 с.
  7. Шопенгауэр А. О сущности музыки URL:
<https://opentextnn.ru/old/music/interpretation/index.html?id=2431> (дата обращения 15.09.2025).
  8. Левинсон Дж. Искусство и восприятие. М., 2007.
  9. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006.
  10. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. URL:
<https://lenincrew.com/marx/#lwptoc7> (дата обращения 15.01.2022).
  11. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. – 629 с.
  12. Маркс К. Капитал. Т. 1. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. – 788 с.
  13. Кондрашов П.Н. Дискурс смерти в эстетике heavy metal. Екб., 2015.

УДК 316.752

Ли Сяочжоу

Аспирант

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

СРАВНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ КИТАЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – сопоставление траекторий модернизации западных и восточных обществ. В частности, были выявлены и подробно описаны такие категории, как стремление к всеобщему в миру, коллективизм/индивидуализм и др. Была охарактеризована их взаимосвязь с внутренними политическими процессами, происходящими в обеих странах.

Ключевые слова: модернизация, усовершенствование, китайская цивилизация, Запад, сравнение.

Изучение метаморфоз, происходящих внутри представителей китайского менталитета, сопряжено с рядом методологических проблем. Так, в научном дискурсе сохраняется ценность евроцентристской трактовки модернизации как следования по западному пути, несмотря на деконструкцию подобной концепции в современной мысли. Эта установка, подкрепленная некогда популярным тезисом Ф. Фукуямы о «конце истории», делит мир на «передовые» и «догоняющие» общества, обреченные на вечное копирование западных установок.

Феномен стремительного роста «азиатских тигров», в том числе и Китая, оказался неудобным вызовом для этой модели. В попытках его объяснить, представители евроцентризма прогнозируют неизбежный спад, а также указывают на структурные недостатки, такие как авторитаризм и отсутствие духа капитализма, игнорируя тем самым возможность альтернативных путей модернизации.

Поэтому целесообразно обратиться и сравнить опыт модернизации китайской и западной цивилизаций.

Наиболее значимым событием, которое повлияло на процесс реализации модернизации китайской цивилизации, являются реформы, инициированные под руководством Дэн Сяопина. Их суть заключалась в кардинальном изменении как внутреннего, так и внешнего курса страны. В результате была разрешена частная предпринимательская деятельность. Параллельно с этим проводилась политика, нацеленная на активное привлечение иностранных инвестиций, для чего были созданы особые экономические зоны (ОЭЗ), такие как Шэньчжэнь и Шаньтоу. Они представляли под собой территории, на которых действовали льготные

условия для ведения бизнеса. Все эти меры были подчинены единой цели: модернизировать экономику, ликвидировать бедность, восстановить страну после десятилетий внутреннего хаоса и в конечном счете укрепить национальную мощь, что нашло свое отражение в лозунге: «Обогащайтесь!». Отдельного внимания заслуживает тот факт, что страна сознательно решила реализовывать изменения медленно, инкрементально. То есть сначала они тестировались в отдельных провинциях, и только после подтверждения их успешности масштабировались на всю страну.

В западных странах аналогичным событием стала промышленная революция, которая ознаменовала переход от ручного труда к машинному. Поэтому в производственные отделы предприятий были внедрены такие изобретения, такие как водяная машина и механический ткацкий станок, которые позволили создавать ткани массово и по меньшей цене. Большую пользу принес паровой двигатель Джеймса Уатта, который, будучи независимым от силы воды, позволил строить фабрики в любом месте. Это привело к масштабной урбанизации, которая выразилась в массовом перетоке населения из деревень в города, в поисках работы на фабриках, благодаря чему города окончательно утвердились как центры богатой социально-культурной жизни. В процессе стремительно формировались новые классы индустриального общества: промышленная буржуазия, владевшая значительным капиталом, и пролетариат, продававший свой труд. Кроме того, повсеместное внедрение машинного производства привело к беспрецедентной стандартизации как самих товаров, так и рабочего времени в виде фиксированного рабочего дня, что в конечном счете стандартизировало и сам образ жизни миллионов людей.

Сейчас в обеих странах делается акцент на развитии информационных технологий. Как отмечает Джефф Рэй, президент «DS SolidWorks Corp», все открытия человечества за последние 8000 лет меркнут по сравнению с технологическим прорывом, который произойдет в ближайшие 20 лет. По его мнению, нас ожидает беспрецедентный скачок в развитии человечества.

Обратимся и к неотъемлемым духовным составляющим, которые повлияли на процесс модернизация Китая и западных стран. В частности, как отмечают Цзинь Шуай и Ян Чанфу, стремление к всеобщему миру является фундаментальной идеей китайского мировоззрения [1, с. 30].

Об этом свидетельствуют действия местных политиков. Так, например, многие императоры, такие как Лю Чжи, делали акцент на укреплении социально-культурной сферы страны. Необходимость войны сводилась к минимуму: она приемлема лишь для гарантии неприкосновенности территориальных границ. Подобные идеи нашли свое продолжение в середине XX века, когда было отмечено, что внешнеполитический курс Китая должен строиться на соблюдении принципов, таких как невмешательство во внутренние дела других государств, уважение суверенитета, ненападение, а также мирное сосуществование с другими культурами. И по сей день для этого используются разнообразные механизмы «мягкой силы», например, продвижение национальных ценностей через телевизионные программы, такие как «Китайская панорама».

Западная цивилизация придерживается похожих принципов, что нашло практическое выражение в создании международных организаций (например, ООН), а также развитии права, напрямую регулирующего вопросы ведения войны. Нельзя забывать и о Женевских конвенциях, которые были приняты в августе 1949 года при участии Красного Креста. Главный их принцип — защита гражданских лиц: на них запрещено нападать умышленно, и они находятся под защитой, пока не начинают напрямую участвовать в боевых действиях.

Коллективизм китайского общества служит ещё одним свидетельством его культурно-цивилизационного своеобразия [2, с. 15]. В результате получается так, что каждый человек воспринимает себя как часть целого сообщества, например, семьи, трудового коллектива, нации. По данной причине интересы социальной группы учитываются выше индивидуальных устремлений. Любые споры предпочитают решать неконфронтационным путём. Также распространена культура связей или «гуаньси», в рамках которой самыми прочными отношениями явля-

ются связи между ближайшими родственниками. Однако ее влияние распространяется и на другие отношения, основанные на общих интересах и опыте: старых друзей, бывших одноклассников, соседей. Следовательно, можно сделать выводы о том, что на формирование и распространение подобных идей повлияли религиозно-философские учения: конфуцианство (сыновья почтительность, необходимость существования иерархии в обществе) и даосизм (ценность соблюдения гармонии в обществе).

В качестве примера можно привести аграрные реформы, которые были реализованы на протяжении нескольких этапов после основания Китайской Народной Республики.

Сначала правящие власти провели экспроприацию земель, конфисковав собственность зажиточных помещиков для ее распределения среди безземельных и малоземельных крестьян. Затем последовала коллективизация, означавшая полную ликвидацию частного хозяйства. Народные коммуны стали восприниматься как универсальные, независимые социально-экономические единицы. Крестьяне должны были совместно трудиться, питаться в общих столовых, проходить военную подготовку и изучать идеологические материалы Компартии [3, с. 130]. Однако к концу 1970-х годов подобная модель доказала свою экономическую неэффективность, в связи с чем коммуны пришлось распустить. На смену им пришла система подрядной ответственности, которая играла важную роль в проведении различных реформ. От государства жители смогли получить землю в долгосрочное пользование. Еще одним новшеством стало то, что всё произведенное сверх нормы крестьянин мог продавать на рынке. Переход к подрядной системе имел положительные последствия: резко выросли объемы сельхозпродукции, а доходы крестьян начали расти, что способствовало сокращению бедности. К тому же, рядом с крупными городами стали возникать первые частные предприятия, заложившие основу для будущего экономического бума в Китае.

В противовес, западная культура пронизана духом индивидуализма. Это означает, что успех каждого индивида признается через личные и профессио-

нальные достижения, как отмечено в статье Ю.Ю. Городковой и С.Ю. Пискорской [4, с. 303]. Подобная категория была подробно раскрыта в научных трудах Г. Хофстеде, который зафиксировал подобные показатели в разных странах. Ожидается, что, даже работая в коллективе, тот сможет решать задачи самостоятельно, без постоянной опоры на внешнюю поддержку. И что важно, такой взгляд на жизнь формируется с малых лет. Ребёнок растёт в небольшой семье, где поощряется выражение собственного мнения, а также учится распоряжаться своими карманными деньгами.

По данной причине предприятия стремятся получить выгоду в сию секунду, даже если их действия вредят окружающей среде. Появился такой термин, как «гринвошинг», который связан с использованием экологической риторики в маркетинговых целях, для получения материальной выгоды. Ярким примером может служить бренд «ИКЕА»: при всей его публичной поддержке «зелёных» инициатив, компания периодически сталкивается с обвинениями в нелегальных вырубках лесов. Однако постепенно ситуация меняется в лучшую сторону. Ряд крупных корпораций, таких как «Microsoft», «Walmart» и «Salesforce», публично заявили о целях по достижению углеродной нейтральности. Особого внимания заслуживает философия компании «Patagonia», которая рассматривает устойчивое развитие как основу своей бизнес-модели, пытаясь учитывать интересы всей планеты, как отмечают Чжан Хэчжун и У Вэньвэй [5, с. 22].

Истоки подобной концепции лежат в научных трудах Сократа, который призывал искать ответы внутри себя, а не прислушиваться к чужому мнению.

Подводя итоги, сходства между китайской и западной модернизацией заключаются в их фундаментальной цели, а именно достижении экономического роста через переход к более эффективным производственным моделям. Оба процесса вызвали масштабные социальные трансформации, куда относятся урбанизация и изменение структуры общества.

Различия носят принципиальный характер. Западная модернизация, будучи в значительной степени спонтанным и технологически детерминированным процессом, породила культуру индивидуализма. Китайский путь, напротив, происходил постепенно, ориентируясь на интересы различных слоев населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цзинь Шуай, Ян Чанфу. Институциональные гарантии как драйвер китайской модернизации / Шуай Цзинь, Чанфу Ян // Журнал Харбинского технологического института. – 2025. – №5. – С. 29–37.

2. Цзинь Ди, Чэнь Цзиньсян. Характерные черты модернизации «по-китайски» / Ди Цзинь, Цзиньсян Чэнь // Журнал партийной школы Урумчинского горкома КПК. – 2025. – №3. – С. 14–19.

3. Лю Лили. Трансформация связи человека и природы в процессе модернизации Китая / Лили Лю // Журнал Харбинского технологического института. – 2025. – №5. – С. 125–132.

4. Городкова Ю.Ю., Пискорская С.Ю. От медиаинноваций - к социальной модернизации / Ю.Ю. Городкова, С.Ю. Пискорская // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2012. – №8. – С. 302–303.

5. Чжан Хэчжун, У Вэньвэй. Внутренняя логика и три измерения мирового значения модернизации в китайском стиле / Хэчжун Чжан, Вэньвэй У // Теоретическое наблюдение. – 2025. – №9. – С. 20–23.

УДК 130.2

В.И. Миллер

К.филол.н., доцент

Сургутский государственный педагогический университет

И. А. Бельмакова

студентка гр. Б.-2241

Сургутский государственный педагогический университет

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: в современном мире актуализируется проблема максимального улучшения человеческой природы для того, чтобы сделать человека счастливым, здоровым и по возможности проживающим достаточно длинную жизнь, а в идеале даже наделить его бессмертием. Такие возможности разворачиваются перед современным человеком благодаря научно-технологическому прогрессу, активному вхождению инновационных методик в различные сферы жизни.

Ключевые слова: человек, жизнь, перспективы развития, трансформационные процессы.

Оценка трансформационных процессов образа человека не утратит своей значимости во все времена, именно потому, что природа индивида не завершена и только ему принадлежит право завершить себя в соответствии со своими представлениями и установками. Разумеется, обращенность к человеку становится предметом исследования многих научных направлений познания. Полагаем важным изучить специфику трансформационных процессов, которые, с одной стороны, определяют образ человека, с другой, являются результатом деятельности самого человека.

Пластичность есть онтологически заданная характеристика родовой природы индивида, обусловленная его незавершенностью. Особую роль в характеристике родовой природы человека сыграло направление философской антропологии. Так, были сформулированы основные законы, определяющие особенности бытия индивида: неукорененность в пространстве бытия, постоянный поиск своего образа как отвечающего современным вызовам, постоянные сомнения в осуществлении выбора и др. Уникальность человека в пространстве бытия описывалась как самый значимый признак, который его отличает от всех других живых существ.

Современная социокультурная реальность характеризуется как сложный синтез многочисленных проявлений с сфере культуры, экономики, политики, образования и др. Наиболее значимым развитие осуществляется в технике и технологиях, которые не только характеризуются в качестве значимых элементов материальной культуры, но и «встраиваются» в родовую природу индивида с целью ее усовершенствования. «Технологии позиционируют свободу и освобождение (порой это воображаемое освобождение) человека от его биологических несовершенств, однако, человечество вновь попадает в зависимость, но от технологий (они будут более разнообразными, более эффективными)» [4, с. 245].

Если в обыденной сфере человек сосуществует с искусственным интеллектом, то возможно ли утверждать, что и в недалеком будущем это станет не только все более распространяющейся практикой, но и основанием для построения социально справедливого общества в целом. «Социально-философский анализ позволяет точнее определить оптимальные условия реализации социального характера государства посредством применения современных цифровых технологий, выявить сопутствующие социально-культурные риски и определить средства их минимизации» [1, с. 137]. К таковым рискам следует отнести следующие: цифровизацию персональных данных, база которых может оказаться у лиц, осуществляющих мошенническую деятельность; взлом компьютерных систем различных учреждений и организаций, авиакомпаний, фондовых рынков и прочее. Но самым значимым риском может стать дегуманизация индивида и уподобление человека вещи, вследствие его стремления к бесконечному обладанию. Оно «проявляет себя в инкорпорировании какой-либо вещи в физическом, символическом или магическом смысле» [2, с. 9], а «соприкосновение людей с миром вещей мотивированно необходимостью что-то уточнить, доопределить, изменить» [3, с. 63].

Полагаем, что все закономерности и особенности современного бытия определены тем, что человек осуществляет бесконечный поиск опоры вне себя, во внешнем мире. В нашем представлении формируется следующий образ человека: с одной стороны он ищет опору в религии, мистических культах, которые

сейчас распространены в большом количестве, с другой – в науке, технике и технологиях. При этом нет опоры на самого себя, не столько потому, что нет понимания себя, своего места и предназначения, сколько нет готовности взять на себя ответственность за себя и мир, за настоящее и будущее человечества. Перспективами дегуманизации человека и общества могут стать следующие: «самотрансценденция как свойственный человеку способ существования оборачивается созданием особой антропосоциотехнической среды, тенденции развития которой демонстрируют выход человека за свои границы, в данном случае – за границы человекомерности» [5, с. 182].

Каким может представляться будущее человека? Отметим лишь некоторые черты: противостояние давлению со стороны общества, когда на смену индивидуализму приходит коллективизм; склонность к агрессии как отражение возрастающего числа проявлений насилия и подавления со стороны различных общественных структур; пессимизм как отражение множества военных конфликтов, в которых участвуют различные государства; разбалансированность с самим собой и миром и как следствие, избегание ответственности.

Что может стать источником веры в человека и продолжением гуманистической традиции? Противопоставлением антигуманизму современного мира может быть любовь, как активная сила в человеке, которая объединяет его с другими. Насколько современный человек готов проявить любовь к самому себе, другим и миру? Вопрос, который каждый должен задавать самому себе на протяжении всей жизни, чтобы не уподобиться бездушному механизму, лишенному чувств и способности к сопереживанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Былевский П.Г. Философско-культурная футурология цифровой безопасности: Монография / П.Г. Былевский. - М.: ИП Воронцов М.Ю.; ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025. - 176 с.

2. Жуков В.Н. Э. Фромм: западная индустриальная культура как феномен вырождения / В.Н. Жуков // Право и государство: теория и практика. 2024. - № 7(235). - С. 8-12.

3. Ионесов В.И. Метаморфозы вещи в культуре: особенности символической коммуникации / В.И. Ионесов // Известия Самарского Научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. - Т. 26, - № 4 (97). 2024. - 59-68.

4. Лобова Т. Г. Метаморфоз евгеники: на пути к заветной мечте /Т.Г. Лобова // Омские научные чтения : Материалы VII Всероссийской научной конференции: в 2 ч., -Омск, 30 января – 28 2025 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2025. – С. 241-247.

5. Невелева В. С., Соломко Д.В. Человек и технизированный мир: экологический вектор философского осмысления /В.С. Невелова, Д.В. Соломко// Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. - № 2. - С. 181-191.

УДК 821.161.1

В. Л. Пантелеев

Независимый эксперт

г. Нальчик

**ПОДЛИННЫЙ СМЫСЛ РОМАНА В СТИХАХ А. С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

Аннотация. Роман в стихах Александра Сергеевича Пушкина находится под пристальным вниманием литературной критики со дня выхода в свет. Однако структура и даже жанр этого литературного шедевра до сих пор не ясны, существующие интерпретации имеют слабые места, неустранимые противоре-

чия и допущения, а проблематика отдельных так называемых сложных мест романа, к примеру, финальной сцены или сцены ночных прогулок Татьяны, считается открытой, либо вовсе не манифестируется. Эти и другие наблюдения создают обоснование необходимости более глубокого исследования текста первого в истории России романа в стихах.

Одним из самых неоднозначных персонажей произведения является Татьяна Ларина, диапазон мнений о которой простирается от почти оскорбительного тона до полной идеализации. В результате тщательного анализа удалось предложить научно обоснованную версию толкования образа Тани, которая позволяет объяснить практически все существующие так называемые слабые места великого творения Александра Сергеевича Пушкина, предположить его основное предназначение и подлинный смысл, а также обосновать декларируемые самим автором внежанровость и статус «лучшего» произведения поэта.

В статье использованы методики дискурсивного, текстологического и сравнительного анализов. Исследованы характеры центральных персонажей. Обосновано предположение о применении мотива безумия в качестве ведущего литературного инструмента исследования.

Ключевые слова: Евгений Онегин, Пушкин, толкование, анализ, пушкинистика, Татьяна Ларина, филология, литература, культура, школа.

Те, кто не желает рассуждать здраво, – фанатики, те, кто не может, – глупцы, а те, кто не осмеливается, – рабы.

Лорд Байрон [1]

«человекъ – это животное, которое рассуждаетъ» [9]

Несмотря на то, что *«сейчас мы лучше понимаем поэта, чем читатели его времени»* [11, с. 177], как это ни прискорбно, на данный момент не предложено ни одной цельной и доказательной версии толкования романа в стихах «Евгений Онегин» и как следствие, – последовательного и аргументированного обоснования его статуса «лучшего» произведения поэта. Например даже по мнению Владимира Набокова, *«первые пять строк главы Первой мучительно темны, и это*

было сделано сознательно» [15, с. 34]. Предлагаемая в статье версия толкования позволяет увидеть в романе смысл и толк, а также обосновать его статус центрального произведения отечественной литературы.

Важно отметить, что к сделанным нами выводам можно прийти просто обоснованно предположив, что в «Евгении Онегине» ведущим художественным приёмом является популярный в литературе и у самого Пушкина («Дубровский», «Уединённый домик на Васильевском», «Моцарт и Сальери», «Полтава», «Пир во время чумы», «Русалка», «Медный всадник») мотив безумия главных персонажей. Мы считаем, что у нас нет причин безапелляционно отказывать Пушкину в его испытанной методике исследования. Мы с глубоким благоговением относимся к творчеству великого поэта, однозначное понимание которого способно измеримо и конкретно повлиять на жизнь всего нашего общества. Этим соображением объясняется наше искреннее и неподдельное желание, вчитываясь в каждое слово его «самого лучшего» произведения, составить непротиворечивую картину повествования и вычленить направление главной мысли.

Человеку свойственно жить, непрестанно осуществляя свои планы. Подобные мысли ещё в I веке н. э. выразил в своём трактате «De otio» Луций Анней Сенека (III, 3): «Noc nempe ab homine exigitur, ut prosit hominibus, si fieri potest, multis, si minus, paucis, si minus, proximis, si minus, sibi» [18, p. 27] («Человек обязан быть полезным людям. Если может, то многим, не может, – хотя бы немногим, но по крайней мере близким, а если и этого не может, то хотя бы себе» – мой пер. с лат.). В этом смысле длительное зависание в каком-либо пограничном состоянии, ступор, заикленность на пустопорожных переживаниях или застревание в выдуманной реальности, как и бесцельная, бестолковая монотонная активность, в любом случае являются отклонениями от человеческой конституции и в этом смысле – формой латентного безумия. По этой причине бестолковое поведение проникшейся «ужасными» [10, с. 295] идеями Тани Лариной, как и почти всех других основных персонажей романа «Евгений Онегин», следует охарактеризовать как безумное. Как мы убедились в ходе данного исследования, Александр Сергеевич старательно пытался рассказать об этом на протяжении всего романа. Но поскольку проблема,

как правило, тяжело диагностируется и решается на том уровне, на котором она возникла, подавляющее число литературных критиков все прошедшие с тех пор без малого двести лет дружно искали в нём стереотипы романтического жанра. У психически больного персонажа они «находили» цельность и даже идеальность, либо, наоборот, – занимались огульным критиканством [4, с. 78][7, с. 79].

Пушкинистика с разных сторон приближалась к пониманию сути романа, и Герцен в итоге вынужден был признать, что *«все мы – более или менее Онегины»* [8; ср. 10, с. 119 или 6, с. 448]. Однако никто так и не «расчухал» что бестолковая суэта онегинских героев – это лишь ширма, за которой кроется одна из главных проблем социального мироустройства, которую необходимо решить [13].

Гения может понять только гений, либо просто искренний и очень пытливый ум. Например, Владимир Маяковский совершенно точно ощущал, что творчество главного русского поэта не исследовано. Именно поэтому он писал про него: *«Я люблю вас, / но живого, / а не мумию»* [14, с. 38]. И даже предупреждал: *«Б о й т е с ь пушкинистов! / Старомозгий Плюшкин (тот, кто делает неадекватный акцент на выяснении второстепенных деталей жизни и творчества поэта), / перышко держа, / ползет / с перержавленным...»* [14, с. 38].

Кстати, что крайне любопытно и поучительно, сюжетная линия произведения первоначально была задумана совершенно иная, ибо, судя по черновикам [16, 3, Va] и воспоминаниям племянника Пушкина Л. Н. Павлицева, Онегин *«должен был увезти Татьяну, а теперь... этого не сделает»* [6, с. 96]. Хотя бы по этой причине сводить роман к обсуждению взаимоотношений персонажей «Татьяна» и «Евгений» безграмотно.

Пушкин видел, что с одной стороны, светская жизнь зарегламентирована строгими условностями политеса, а с другой – наполнена «вавилонскими блудницами», примитивными выяснениями отношений и убийствами на дуэлях, обманом, подлостью, ленью и предательством. И что, хотя жизнь в долг стимулирует экономику, при этом развращает нравы. Великий поэт прекрасно понимал, что человек многогранен (Герой, 1830 г.), но при этом даже самые талантливые упражняются

в искусстве убивать время своей жизни [3]. Поэт критиковал биологический характер жизни людей [ср. 16, 8, XIV].

Его скептицизм был справедливо обусловлен несовершенством, которое он наблюдал во всех социальных слоях общества. Не имея экономического образования, «поэт действительности» отчётливо понимал, что в России начала XIX века физическое большинство населения (80%) от зари до зари работает на то, чтобы её большинство материальное (1-2%) преступно разбазаривало стратегическое по тем временам национальное достояние на забавные безделушки, еду с консервантами из Страсбурга и шампанское с высокой добавочной стоимостью [16, 1, XXIII]. Что это если не безумие?

Крайне важно отметить, что у него была феноменальная память и талант стихотворчества, сравнимый разве что с музыкальным гением Моцарта. Он хотел создать сугубо человеческий общественный миропорядок, но его никто из современников толком не поддержал и даже не понял. Например, тот самый поэт Баратынский, который читая повести Пушкина, «ржал и бился» [17, с. 374], только через три года после смерти гения «увидел силу и глубину его последних пьес» [2, с. 270].

В рамках настоящего исследования мы предполагаем, что в «Евгении Онегине» всегда «полный идей» [12] Пушкин за ширмой гениально рифмованных романических штампов спрятал психическую болезнь персонажа Татьяны Лариной, а по сути, в той или иной степени, и других персонажей – типичных обывателей. В Тане и деревенских жителях, а также в прекрасных природных зарисовках легко угадывается любимая им, но «неприятная» и «сумрачная» [16, 1, L] Россия той эпохи, в Онегине – собирательный образ Европы. Получается, по Пушкину, безумная и отсталая на тот момент Россия вслепую, криво, бестолково и безнадежно «влюбилась» в коллективную Европу. Разумеется, ничем хорошим это не закончилось. Попутно этот навязанный [16, 3, VI] России бестолковый европейский культурный крен убил единственное творческое и искреннее начало в лице персонажа Ленского. Одновременно в полном соответствии со своим предназначением: «Поэт казнит, поэт венчает; / Злодеев громом вечных стрел»

Пушкин фактически создал качественный и непревзойдённый инструмент для диагностики уровня критического мировосприятия, – тот самый «магический кристалл» [16, 8, L]. Великий поэт создал новый литературный жанр, который на стыке науки и искусства призван решать вполне конкретные культурологические, социальные и многие другие задачи.

Именно поэтому Александр Сергеевич называл роман «Евгений Онегин» своим «лучшим произведением». Ведь *«Наилучшим является такое произведение, которое дольше других хранит свою тайну. Долгое время люди даже не подозревают, что в нём заключена тайна»* [5, с.121]. Не случайно *«Чтоб напечатать Онегина»*, Пушкин был *«готов хоть в петлю»* [17, с. 578].

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Байрон Джордж Гордон. Сочинения в 3-х томах. М.: «Худож. лит.», 1974. 576 с.
- 2 Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 270.
- 3 Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 145.
- 4 Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 6. Статьи о Державине; Статьи о Пушкине; Незаконченные работы. 1981. 678 с.
- 5 Валери П. Об искусстве. М., 1993. С. 121.
- 6 Вересаев В.В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Моск. рабочий, 1984. 703 с.
- 7 Вигель Ф. Записки. М., Издание «Русского архива», 1891, ч. 6. С. 79–80.
- 8 Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. СПб., 1912, С. 88–89.
- 9 Детская книга, или Общие мнения и изъяснение вещей, коим детей обучать должно, 1770 год.

10 Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / сост. М. Вострышев. М.: Современник, 1989. 719 с.

11 Коровин В.И. Россия и Запад в болдинских произведениях А.С. Пушкина («Моцарт и Сальери», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»). М.: ООО «Русское слово – учебник», 2013. 608 с.

12 Красухин Г.Г. Пушкинист: сборник Пушкинской комиссии ИМЛИ им. А.М. Горького. Вып. 1. М.: Современник, 1989. 416 с. ISBN 5-270-00776-2 27.

13 Манифест человеческого общества / Владислав Львович Пантелеев [б. м.]: Издательские решения, 2024. 34 с. ISBN 978-5-0064-1938-4.

14 Маяковский В.В. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 3. М.: «ПРАВДА», 1978. с. 414.

15 Набоков Владимир. Комментарий к роману Евгений Онегин. СПб.: Искусство-СПб / Набоковский фонд, 1998. ISBN: 5-210-01490-8.

16 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 700.

17 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 13. М.: Воскресенье, 1996. 684 с.

18 Seneca, Lucius Annaeus, ca. 4 B.C.-65 A.D; Waltz, René, b. 1875.

УДК 94(73)

С.В. Смирнов

кандидат философских наук, доцент

Елабужский институт Казанского федерального университета

А.Р. Гарифзянова

кандидат философских наук, доцент

Казанский федеральный университет

ИСТОКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ АМЕРИКАНЦЕВ

Аннотация: В представленной статье рассматриваются предпосылки формирования представлений об американской исключительности, ее сущностные особенности. Характеризуется понятие национальной исключительности, подчеркивается дуальность подходов к его определению. Дается представление об этническом своеобразии американской нации. Рассматривается роль пуританства и масонства в становлении уникальных духовных качеств американцев, представлений о политическом мессианизме Соединенных Штатов. Характеризуются общественно-исторические условия формирования государства. Определяется роль фронта в складывании особенностей национального характера, этнического самосознания американцев.

Ключевые слова: национальная исключительность, американская нация, пуританство, масонство, мессианизм.

Соединенные Штаты Америки во многих отношениях являются уникальным государством. Эта уникальность заключается в том, что всего лишь за четыреста лет (по историческим меркам достаточно малый период времени), на территории континента покрытого дикими лесами, прериями и пустынями предками современных американцев было создана цивилизация, не имеющая аналогов в мире.

Достижениями и изобретениями этой цивилизации пользуются люди во всех уголках земного шара. Небоскребы определили архитектурный облик современных мегаполисов, самолеты и автомобили связали мир в единую транспортную сеть, ледоколы позволили завоевать арктические просторы, глобальная сеть дала возможность преодолеть территориально-коммуникативные барьеры.

Американцы высадились на луне. Американские автоматические станции бороздят просторы ближнего Космоса. Америка – это страна возможностей, открывающая двери всем, кто хочет избавиться от голода и нищеты, обрести крышу над головой, вдохнуть глоток свободы.

Одним из следствий многочисленных достижений американцев, стало формирование идеи национальной исключительности широко распространенной в сознании жителей страны.

Под национальной исключительностью понимают представления о нации как уникальном социокультурном феномене, взгляды на особую миссию народа. В рассматриваемом нами контексте, под национальной исключительностью понимают также своеобразие исторического пути становления США, как процесса, не имеющего аналогов в мировой истории.

Рассмотрим истоки представлений о национальной исключительности американцев.

Формирование американской нации осуществлялось в условиях полиэтнического взаимодействия народов, колонизировавших Америку. Североамериканская национальная идентичность образовалась в результате «переплавления» иммигрантских потоков, хлынувших на континент с разных концов Старого Света, начиная, с XVII века. Составленная из потомков англичан, ирландцев, шотландцев, немцев, итальянцев, поляков и других народов, американская нация воплотила в себе ценности и идеи европейского Просвещения носителями которых стали люди, принесшие идеалы свободы, равенства, Права, личного суверенитета на свою новую Родину. Непрерывно пополняемая потоками переселенцев, американская нация вобрала в себя религиозные взгляды, менталитет и ценности различных народов и рас, превратившись в уникальное социальное и культурное явление.

Исключительный характер имеет исторический путь развития американского государства. Жители Европы стремились за океан в поисках лучшей жизни. Это стремление, отмечает Иван Курилла, объединяло «пуритан Новой Англии с фермерами и будущими плантаторами Виргинии, квакеров Пенсильвании с обитателями лондонского дна...» [2, с. 16].

Так называемые «отцы-пилигримы», высадившиеся в 1620 году на восточном побережье, основали одну из первых американских колоний – колонию Мас-

сачусетского залива. Ее будущий губернатор, Джон Уинтроп, еще, будучи на корабле, произнес проповедь, поставившую перед поселенцами – пуританами задачу создания христианского государства – «Града на холме».

Град на холме – страна, в которой люди живут в согласии между собой и с Богом, где ценности труда и божественного служения служат основой мышления и деятельности человека. «Благочестивые, богоугодные люди должны дружно трудиться, исполняя тем самым волю божью. Все, каждый по отдельности и община в целом, обязаны вести достойную, образцовую жизнь и доказывать ежедневно и ежечасно свою верность истинной религии. И тогда «Город на холме» станет Новым Иерусалимом, вознесенным над мирской суетой будней» [6, с. 37]. Пуританская этика сформировала уникальные духовные качества американцев – практичность, трудолюбие, расчетливость.

Благодаря этим качествам, уже к концу XVII века некоторые города Новой Англии по уровню своего развития, не уступали городам Британии.

Столь поразительные перемены, превратившие пустыню в цветущий край уже тогда дали основание Уильяму Пенну, сыну британского адмирала основавшего колонию на территории нынешней Пенсильвании утверждать: «Наша новая страна призвана стать образцом для всех государств. Перед нами широкое поле деятельности, чтобы осуществить священные помыслы» [6, с. 47].

Определенную роль в формировании представлений о национальной исключительности сыграло масонство. Как движение, направленное на нравственное самосовершенствование людей в целях создания братского союза наций, масонство позволило объединить американцев стремившихся найти основу для консолидации отличную от классово-сословных принципов государственного устройства господствующих в тогдашней Европе. Члены данной организации получали возможность открыто высказывать свои мысли, критиковать колониальные власти, вносить предложения по улучшению жизни людей. Членом масонской ложи был известный философ Френсис Бэкон – создатель утопии «Новая Атлантида». В этой утопии описывалось вымышленное государство политическое устройство, которого, основывалось на синтезе персональной власти и

парламентаризма с участием в его управлении представителей христианских конфессий.

Масоны полагали, что Америка – это и есть Новая Атлантида – страна, в которой не будет национальной и религиозной розни, где люди станут жить по законам природы, прославляя господу, воздавая хвалу разуму человека [6, с. 125-126]. Масонами были основатели американского государства: Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон. Элементы масонства, такие как, принцип федерализма, демократизм, разделение властей, легли в основу Конституции США.

Идеология масонства сформировала представления американцев об исключительной роли США как носителя демократических ценностей, страны, призванной диссеминировать собственный опыт государственного строительства (управления) на другие страны.

Необходимо отметить уникальность общественно-исторических условий, в которых формировались США.

В то время когда в большей части Европы господствовал феодализм, основанный на отношениях личной зависимости, Конституция США провозгласила свободу личности и народный суверенитет, принцип разделения властей, равенство экономических возможностей. Данные обстоятельства дали толчок быстрому развитию капиталистических отношений. Способствовало этому и обилие природных ресурсов, благоприятные климатические условия страны.

На формирование представлений о национальной исключительности большое влияние оказал фронтир – граница, отделяющая «свободные земли» от освоенных территорий.

Почти триста лет, с начала XVII до конца XIX века, фронтир был «своеобразной американской мечтой, он двигался и звал за собой все новых и новых пионеров, закаляя их характер и формируя дух предпринимательства и личного успеха» [1].

В то время Запад был землей возможностей. Бескрайние леса полные дичи, реки и озера с прозрачной водой кишевшие рыбой, плодородные прерии с пасущимися на них огромными стадами бизонов, манили поселенцев возможностью стать обладателями этих богатств. Дух пионеров захватывала возможность разбогатеть, не прилагая к этому особых усилий. Ни общественный порядок, ни давление законов не ограничивали возможности пионеров, их свободу [4].

На фронтире над человеком довлели лишь Бог, индеец и природа. «Свободные земли, – отмечает Ф. Дж. Тёрнер, – способствовали развитию индивидуализма, экономического равенства, свободы для улучшения своего места в жизни, демократии» [5, с. 183]. Человек, добившийся всего сам, был идеалом жителя Запада. И таким человеком мог стать каждый.

Слоганом эпохи освоения Запада был «Идти вперед. Идти вперед». И скорость этого движения ошеломляет. «Британским колонистам, – отмечает Р. Римини, – потребовалось 150 лет, чтобы продвинуться приблизительно на 160 километров внутрь материка от береговой линии» [3, с. 107]. За 50 лет, последовавшей после англо-американской войны 1812-1815 гг., американцы раздвинули границы своей страны до естественных пределов на Западе (Тихий океан) и Юге (Рио-Гранде и Мексиканский залив).

Фронтир выковывал американский характер. Трудности и лишения, испытываемые пионерами в борьбе с природой, с агрессивно настроенными индейскими племенами, перманентная опасность стать жертвой нападения мародеров и грабителей разных цветов кожи формировали бесстрашие, стойкость, преданность семье, способность переносить жизненные невзгоды. Контакты выходцев из различных штатов, обмен идеями, мнениями, взглядами, ценностями, способствовали консолидации народа, формировали национальное самосознание.

Таким образом, истоками представлений о национальной исключительности американцев стали этические принципы пуританской веры сформировавшие специфические духовные качества народа – практичность, расчетливость, трудо-

любие и практицизм; идеология масонства, легшая в основу политического мессианизма; процесс освоения фронта, приведший к формированию национального самосознания, к развитию духа предпринимательства, равенства, свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американская исключительность. Краткая история одного уникального общества. – URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-06-15/7_7885_society.html?ysclid=m4gwyxv6v0779550874 (дата обращения: 10.11.2025).

2. Курилла И. Американцы и все остальные: Истоки и смысл внешней политики США / И. Курилла. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 320 с.

3. Римини Р. Краткая история США / Р.В. Римини. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. – 480 с.

4. Смирнов С.В. Роман Фенимора Купера «Пионеры, или у истоков Саскуиханны»: рождение экологической прозы / С.В. Смирнов // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – 2024. – № 3. – С. 165-172.

5. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тернер. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. – 304 с.

6. Хаггер Н. Соединенные штаты Америки: тайна рождения / Н. Хаггер. – М.: Родина, 2021. – 352 с.

УДК 141.3.

А.А. Чебанов

аспирант

С.В. Смирнов

кандидат философских наук, доцент

Елабужский институт Казанского федерального университета

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЕСТЕ И РОЛИ ЧЕЛОВЕКА В ПРИРОДЕ

Аннотация: В представленной статье рассматриваются мировоззренческие модели, связанные с пониманием места и роли человека в природе. Характеризуется специфика мировосприятия человека доцивилизационной эпохи и периода античности, трансформация представлений о ценностных основаниях социоприродной деятельности в Новое время. Ставится задача формирования мировоззренческих установок, связанных с представлениями об объективной ценности природы, всех живых существ.

Ключевые слова: человек, природа, ценность, мировоззренческая модель, русский космизм.

В условиях актуализации глобальной экологической проблематики, необходимость выявления представлений о месте и роли человека в природе является одним из наиболее актуальных вопросов науки и философии.

Данные представления находят свое выражение в следующих мировоззренческих моделях.

Первая модель (ее можно охарактеризовать как этико-натуралистическую) основывалась на мифологических взглядах на природу как особый, разумно устроенный организм. Природа здесь подобна человеку. Как и он, она способна мыслить, чувствовать, проявлять эмоции. Задача человека – сохранение сложившегося миропорядка, почитание природы как творения сверхсущего существа (Космоса, Логоса, Брахмана). «Отношение к себе как к компоненту этого Гармоничного и Упорядоченного (микрокосму), характеризовало субъектность человека через призму пансинкретизма – представления о всеобщем единстве и нерасчлененности мира индивидуального и мира универсального» [4, с.166].

«В прежнее время, – пишет Гесиод, – людей племена на земле обитали, горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы, ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных» [2, с. 90]. Возникновение общества, государства, нарушило гармонию микро- и макрокосмоса, превратив человека из суще-

ства единого с природой в существо противостоящее ей. С возникновением цивилизации, с наступлением античности, человек вынужден существовать в условиях усиливающихся противоречий между объемами его хозяйственной деятельности и потребностями сохранения естественной среды.

Вторая модель (антропоцентрическая) возникает в Новое время. В условиях становления капитализма, природа превращается из «храма» в «мастерскую». Человек становится управляющим этой мастерской. В знаменитом произведении И.С. Тургенева «Отцы и дети» главный герой Е. Базаров так и утверждает: «природа есть не храм, а мастерская, а человек в ней работник» [5, с. 34].

В свете подобного мировоззрения задачей человека становится покорение и преобразование природы.

В философской традиции данного периода, подобные идеи мы находим у Ф. Бэкона, Р. Декарта и других мыслителей. Знаменитый афоризм Ф. Бэкона «Знание – сила» – утверждает власть человека над природой, его способность изменять естественный мир опираясь на науку, исследования, эксперимент.

Подобное, утилитарное отношение к природе подчеркивало возрастающую роль человека как силы, способной изменять естественный мир, давало моральное право на ее «усовершенствование» в соответствие с его потребительскими ориентирами. Как следствие, «начиная с этого времени, когда речь идет о взаимоотношениях с природой, на первый план выходят ценности преимущественно материальные: увеличение производства энергии и товаров, повышение уровня жизни (который чаще всего в массовом сознании приравнивается к уровню потребления)» [1, с. 59].

Следствием подобных мировоззренческих взглядов стала актуализация в середине XX века экологических проблем. Его «наследник» – век XXI требует формирования новых мировоззренческих установок. Эти установки должны быть ориентированы на возврат к онтологическому единству человека и природы характерного для доцивилизационной эпохи, на формирование представлений об объективной ценности природы, всех живых существ.

Основой для формирования данных установок является космоэкоцентрические взгляды русских философов-космистов.

Как особая философско-мировоззренческая система, русский космизм включил в себя ряд направлений, в рамках которых отразились особенности восприятия человека как существа, способного к познанию и преобразованию природы, Космоса. В религиозно-метафизической форме (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяева) человек есть существо, способное к познанию и преобразованию природы средствами религии, философии и науки. Естественнонаучное направление (Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, А.К. Манеев, А.А. Богданов, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, Н.Г. Холодный) отстаивает идею перехода человечества к рациональному управлению природой и Космосом. Художественно-поэтическая «ветвь» русского космизма (А.В. Сухово-Кобылин, Ф.И. Тютчев, В.Я. Брюсов, В.В. Хлебников, Н.А. Заболоцкий, М.М. Пришвин, М.А. Врубель, К.Н. Филонов) описывает человека как существо единое с природой, воспринимающее естественный мир как источник жизни и радости, воплощение красоты и гармонии. [3].

В XXI веке деятельность человека должна быть направлена не только на преобразование природы, но и на ее одухотворение, на формирование представлений о человеке как разумном существе, способном видеть природу «изнутри», осознавать ее ценность, понимать, что жизнь любого организма не менее важна, чем жизнь человека.

Эволюция представлений о месте и роли человека в природе, таким образом, связана с изменением представлений о нем как существе едином, либо противостоящем естественному миру. В этико-натуралистической модели человек – это часть природы – разумно устроенного организма, способного мыслить, чувствовать, понимать. В антропоцентрической модели – человек – хозяин и господин природы, призванный ее переделывать и подчинять. В космоэкоцентризме – человек – есть существо способное к рациональному познанию и преобразованию природы, воспринимающее природу как воплощение гармонии, источник радости и жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокопытова И. Г. Эволюция представлений о взаимоотношениях человека и природы / И.Г. Белокопытова // Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. – 2011.– № 2. – С. 58-63.
2. Гесиод. Теогония. Труды и дни / Гесиод. – М.: Издательство АСТ, 2001. – 135 с.
3. Гиренок Ф.И. Космизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т.2 – М.: МЫСЛЬ, 2010. – С. 314-315.
4. Смирнов С.В. Эволюция субъектности: от пансинкретизма к экорационализму / С.В. Смирнов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (54): в 2-х ч. Ч.1. – С. 165-168.
5. Тургенев И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 227 с.

УДК 159.9:316.6

Т.Д. Шапошникова

кандидат педагогических наук, доцент

Московский психолого-социальный университет

Е.И. Ганичева

студент

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЕ: КОММУНИКАЦИЯ, ТРАВМА И УСТОЙЧИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОС- СИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования образа человека в семейной системе через призму взаимосвязи коммуникации, травматического

опыта и устойчивости (resilience) личности и семьи. В статье раскрывается внутрисемейное взаимодействие, которое определяет способы самовосприятия, уровень доверия к миру и способность к адаптации, рассматриваются механизмы межпоколенной передачи травмы и пути психологического восстановления через развитие семейной устойчивости и гибкости коммуникации.

Ключевые слова: семья, коммуникация, травма, устойчивость, образ человека.

Проблема понимания человека в современных социально-гуманитарных науках остро связана с изменением структуры семьи и характера межличностных отношений. Именно в семейной среде закладываются основы самоотношения, ценностной ориентации и способности личности к эмоциональному контакту.

Современная российская психология рассматривает семью не только как социальный институт, но и как среду психического развития, где формируется внутренний образ человека – совокупность представлений о себе, других и мире [1].

Образ человека в семейной системе не является статичной структурой. Он постепенно складывается в процессе взаимодействия с близкими, усваивая модели общения, ценности и эмоциональные реакции. Качество этих коммуникаций определяет, будет ли личность ощущать себя ценной и способной, или — зависимой и уязвимой. В данной статье мы постараемся раскрыть, как семейная коммуникация, травма и устойчивость влияют на формирование и трансформацию образа человека в рамках современной российской психологической парадигмы.

Исходя из того, что семейная коммуникация является одним из факторов психологического самоопределения, рассмотрим, каким образом она становится базовым механизмом формирования образа человека.

Коммуникация в семье означает не только обмен словами, но и способ формирования эмоциональной связи между членами системы. Именно через тон, интонацию, реакции и жесты передаётся послание: «Ты важен», «Тебя слышат», или наоборот, «Твои чувства не имеют значения».

Таким образом, данные сообщения встраиваются в психику ребёнка и становятся частью его внутреннего диалога.

Согласно исследованиям М.А. Одницовой (2024), стиль эмоциональной коммуникации родителей является детерминантой самооценки и жизненной устойчивости взрослого человека [2]. Открытое выражение чувств и эмпатическая реакция повышают уровень базового доверия и формируют внутренний образ «Я - достойный любви».

В противоположность этому, систематическое игнорирование или обесценивание чувств ребёнка закладывает схемы «Меня не слышат», «Я должен быть идеальным, чтобы заслужить принятие».

Коммуникационные нарушения в семье, молчание о конфликтах, повышенная требовательность, диссонанс между словами и действиями («двойные послания»), приводят к внутреннему расколу и фиксации личности в деструктивных ролях.

Психологический образ человека становится фрагментированным, утрачивается целостность самовосприятия.

Таким образом, коммуникация является не только средством социального взаимодействия, но и механизмом конструирования внутренней реальности. Качество семейного диалога определяет, насколько человек чувствует свою ценность и способность быть услышанным в мире.

Поэтому, важно понимать влияние семейной травмы на образ личности. Перейдём к анализу того, как травматические события в семье изменяют структуру внутреннего образа человека. Психологическая травма в семейной системе — это не только разовые кризисные события, но и длительные дисфункциональные взаимоотношения, которые разрушают чувство безопасности и принадлежности.

Исследования Ю.А. Кочетовой (2025) показывают, что детская травматизация часто возникает в ситуациях эмоционального пренебрежения и отсутствия поддержки со стороны родителей [3]. Даже при внешне благополучных условиях ребёнок может испытывать чувство изоляции и страха перед наказанием за проявление эмоций.

С точки зрения схемотерапии (Дж. Янг), такие опыты формируют ранние дезадаптивные схемы «брошенности», «дефектности», «недоверия», которые становятся ядром личностной структуры. Травма изменяет образ человека: он начинает воспринимать себя через призму уязвимости и вины, теряя способность доверять миру.

Феномен межпоколенной передачи травмы дополняет эту картину. Опыт страха, потери, насилия или стыда может передаваться через поведенческие паттерны, язык, ритуалы и молчание. Так в семье укореняются сценарии избегания, жертвенности или гиперконтроля. Личность на подсознательном уровне усваивает такие формулировки как «чтобы выжить — надо молчать», «чувства опасны».

В терапевтическом контексте важна не только работа с эмоциональными последствиями травмы, но и переосмысление семейных историй. Реконструкция нарратива позволяет освободить образ человека от паттернов стыда и восстановить внутреннюю связность.

Исходя из накопленных эмпирических данных, рассмотрим роль устойчивости как фактора восстановления образа человека.

Устойчивые семьи обладают способностью объединяться перед лицом трудностей, обсуждать проблемы и находить совместные смыслы. В российской науке устойчивость трактуется, как способность семьи адаптироваться к кризисам, сохраняя эмоциональную связь и смысл жизни.

По данным М.А. Одницовой и коллег (2022), ключевыми компонентами устойчивости являются гибкость, открытая коммуникация, сплочённость и совместное осмысление опыта [1].

Семьи с высокой устойчивостью не избегают трудных тем, а учатся говорить о них с уважением и поддержкой. Это создаёт пространство для эмоционального восстановления и развития самоэффективности. В таких условиях образ человека трансформируется из «Я – жертва» в «Я – способен влиять и преодолевать».

Семейная устойчивость включает в себя и ценностное измерение — способность видеть в трудностях смысл и возможность для духовного роста. Это соответствует православной антропологической традиции, где человек воспринимается как образ и подобие Божие, призванный к любви и созиданию.

Такая позиция придаёт дополнительный ресурс психологической устойчивости.

Опираясь на системный и биопсихосоциальный подходы, рассмотрим интегративную модель формирования образа человека. Модель включает три взаимосвязанных уровня:

1. коммуникативный уровень определяет способы взаимодействия и регулирует эмоциональный обмен;
2. травматический уровень – фиксирует внутренние конфликты и сценарии реагирования;
3. ресурсный уровень (устойчивость) — обеспечивает восстановление и интеграцию опыта.

Эта структура соотносится с биопсихосоциальной моделью человека, в которой личность определяется взаимодействием психологических, социальных и культурных факторов. Семья становится центральным медиатором этого взаимодействия, влияя на то, каким человек видит себя и мир.

Проанализировав всё вышесказанное, можно сделать вывод, что образ человека в семейной системе — это живая структура, в которой отражается весь опыт человеческих отношений. Он формируется в диалоге любви и страха, поддержки и контроля, памяти и забвения.

Именно через осознание своего места в семье, через восстановление утраченных связей и умение говорить о чувствах человек обретает внутреннюю целостность.

Для современной российской психологии важно видеть в семье не только источник травмы, но и пространство исцеления. Работа с коммуникацией и ценностями способствует развитию личностной устойчивости и укрепляет социальный капитал общества. В этом смысле изучение образа человека в семейной системе является важным вкладом в понимание человека в социально-философском контексте XXI века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Одницова М. А., Любовский Д. В., Гусарова Е. С. Особенности устойчивости российских семей в условиях современных вызовов // *Psychology in Russia: State of the Art.* -2022. - Т. 15, № 3. - С. 56-74.

2. Odintsova M. A. Emotional Communications in Parent-Child Relationships in the Russian Federation and Belarus // *Social Psychological Studies.* - 2024. - № 3. - С. 41-59.

3. Кочетова Ю. А., Климакова Е. А., Емельянова Е. В. Психологическая травма в разные периоды детства // *Социальная и клиническая психология.* - 2025. - Т. 2. - С. 84-96.

4. Bawati A., Nieuwenhuis R., Thaning M. Family and Social Resilience: A Scoping Review of the Empirical Literature // *Demographic Research.* -2025. - Vol. 52, Art. 27.- С. 645-674.

5. Симакова Е. Ф. Коммуникации семейной системы // *Вестник современной психологии.* - 2020. - № 4. - С. 78-86.

Р.В. Шушкевич

аспирант

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КОНКУРИРУЮЩИЕ АГЕНТЫ

Аннотация. Развитие искусственного интеллекта с необходимостью вносит изменения в процесс профессионального образования. Взаимодействие технологий глубокого обучения и нейронных сетей создало предпосылки для фундаментального пересмотра традиционных образовательных парадигм. Такие действия, как персонализация обучения, генерация учебного материала, оценка знаний и даже прогнозирование образовательных траекторий, выполняются современными алгоритмическими моделями с высокой эффективностью. Исходная направленность образования на формирование автономного человеческого субъекта вступает в противоречие с реальностью, где интеллектуальные функции делегируются нечеловеческим агентам. То, что учится быстрее человека, адаптируется под конкретные задачи и не подвержено человеческим слабостям, ставит под вопрос такие социальные основания профессионального образования, как его роль в воспроизводстве культуры и профессионального этоса, функцию формирования социальных связей и профессиональной идентичности, а также его статус канала социальной мобильности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, профессиональное образование, социальная философия, философия образования, технологическая адаптация.

История развития системы профессионального образования показывает его социально-экономическую привязку к контексту эпохи. Оно всегда воспроизводило определенную социальную структуру – от ремесленных гильдий, фабричных школ, до университетских систем. Начиная с эпохи искусственного интеллекта, эта связь приобретает качественно новые характеристики. Современные нейронные сети не просто становятся новым инструментом для образовательной деятельности, они активно трансформируют социальную структуру образования, образуя новые архитектуры власти, контроля и социального неравенства.

Пьер Бурдьё вводит понятия «поля» и «габитуса» чтобы дать объяснение формированию поведения людей через социальные структуры [1]. Профессиональное образование выступает как самостоятельное социальное поле, чья работа подчиняется собственной логике и устоявшимся практикам, однако внедрение ИИ меняет структуру этого поля. Алгоритмы рекомендательных систем, системы адаптивного обучения и инструменты прогнозной аналитики становятся новыми агентами, обладающими символическим капиталом «объективности» и «эффективности».

Н.А. Ястреб отмечает, что формирование комплексного понимания искусственного интеллекта невозможно в отрыве от анализа сложившихся о нем представлений [2, с. 28]. Сформированный в массовом сознании образ ИИ как беспристрастного и всезнающего эксперта наделяет его особым символическим авторитетом, позволяющим оказывать влияние на образовательный процесс.

Новым и неожиданным в свете традиционных представлений об образовании выглядит изменение природы «габитуса» современного специалиста. Если ранее профессиональный габитус формировался через усвоение культурных кодов, этических норм и неявных знаний, передаваемых от преподавателя к студенту, то сегодня все большую роль играет способность к эффективному взаимодействию с алгоритмическими системами. Формируется новый тип практического смысла, ориентированный на симбиоз с искусственным интеллектом. Как отмечает А.И. Криман, в акторно-сетевом подходе происходит нивелирование

субъект-объектных отношений, где субъектом всегда выступает человек [3, с. 157]. Образовательный процесс все чаще предстает как гетерогенная сеть, включающая человеческих и нечеловеческих актантов, где ИИ выступает не посредником, а полноправным участником.

С внедрением ИИ в образовательный процесс, понимание его социальных функций значительно изменилось. От инструмента автоматизации рутинных операций оно трансформировалось в активного агента, перераспределяющего власть в образовательном пространстве. Не исчезает надежда на то, что технологии решат системные проблемы образования: снизят затраты, повысят доступность и персонализируют обучение. За последние годы искусственный интеллект предлагает новые возможности не только для трансформации системы образования, но и для изменения профессиональных путей конкретных людей. Проблема в том, что не все готовы принять новые правила, навязываемые алгоритмической логикой.

В своей работе Б.Г. Юдин «Что там, после человека?» исследует динамику технологической трансформации человеческого существования. Он рассуждает о трансгуманизме, однако его выводы также могут быть отнесены и к нашей проблеме – технологии уводят человека за пределы человеческого существования. [4, с. 31]. В контексте образования это проявляется как выход за пределы традиционной модели «человеко-центричного» обучения к гибридным формам, где когнитивные функции распределены между человеком и алгоритмом.

Проблема этой новой образовательной реальности заключается в том, что ИИ, будучи нечеловеческим агентом, привносит в образование иную – алгоритмическую рациональность. Как отмечает в своей работе Д.В. Попов, бесчеловечное – это нечто, что не нуждается в бытии человека для своего бытия [5, с. 142]. Алгоритмы, определяющие образовательный контент и траектории, не разделяют человеческих ценностей, не понимают контекста и руководствуются исключительно формальными критериями.

В мае 2023 года в отчете ЮНЕСКО по искусственному интеллекту в образовании было отмечено, что одной из ключевых проблем становится «алгоритмическая предвзятость», воспроизводящая и усиливающая существующие социальные неравенства [6]. Системы ИИ, обученные на исторических данных, закрепляют сложившиеся практики и стереотипы, создавая тем самым новый механизм социальной селекции.

Последовательность событий можно выстроить следующим образом. На начальном этапе ИИ использовался как инструмент поддержки принятия решений в образовании. Затем он стал активным участником образовательного процесса, взяв на себя функции тьютора и оценщика. Следующим этапом стало прогнозирование образовательных и профессиональных траекторий на основе анализа больших данных. Можно ожидать, что на следующем этапе системы ИИ начнут формировать собственные образовательные стратегии, лишь косвенно связанные с человеческими целями и ценностями.

Стремительная цифровизация образования, детерминируемая логикой технологического развития, происходит без должного философского осмысления ее последствий, что препятствует формированию адекватной модели адаптации. В этой ситуации тревогу вызывает утрата субъектом способности к рефлексии над происходящими переменами, что усугубляет его пассивную роль в этом процессе [7, с. 446].

Вопрос о социальной роли ИИ в образовании вышел за рамки чисто технологических дискуссий. В философском сообществе активно идет обсуждение проблемы «разрыва ответственности» – ситуации, когда невозможно установить персональную ответственность за решения, принятые с участием автономных систем [2]. В образовательном контексте это проявляется в том, что никто не несет ответственности за ошибки алгоритма, определившего неверную образовательную траекторию студента.

Традиционно образование связывало расширение человеческих возможностей с развитием критического мышления и культурной рефлексии. Каждое пе-

дагогическое нововведение рассматривалось в рамках парадигмы развития человеческого потенциала. Развитие технологий ИИ трансформировало этот подход – от развития человеческих способностей к идее их дополнения и замены алгоритмическими аналогами. Эволюция концепции «гибридного интеллекта» привела к его пониманию как комплексной системы, интегрирующей когнитивные способности человека с вычислительной мощностью машины. На смену первоначальной парадигме, ориентированной на разработку вспомогательных обучающих инструментов, пришла более радикальная установка, допускающая возможность полной передачи функций управления образовательным процессом алгоритмическим системам.

Проблема переосмысления социальных основ профессионального образования выходит на первый план в контексте становления новых отношений между человеком и искусственным интеллектом. Образовательное пространство утрачивает свой исключительно антропоцентрический характер, однако рациональность алгоритмических систем лишена таких фундаментальных качеств, как смысловое понимание и моральная ответственность. В этой связи на создателей и пользователей образовательных технологий ложится новая обязанность: оценивать не только операционную эффективность цифровых систем, но и их комплексное воздействие на социальные институты и отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. / Общ. ред. перевода и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Ястреб Н.А. Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому подходу // Семиотические исследования. – 2024. – Т. 4. № 1. – С. 24–30.
3. Криман А.И. Акторно-сетевая теория Б. Латура в контексте ухода от антропоцентризма в постгуманизме // Социальные и гуманитарные науки. – 2024. – № 4. – С. 152–161.

4. Юдин Б.Г. Что там, после человека? // Философские науки. – 2013. – № 8. – С. 24–37.
5. Попов Д.В. Искусственный интеллект: между человечностью и бесчеловечным // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19. – № 3. – С. 138–156.
6. UNESCO. AI and education: Guidance for policy-makers. – Paris: UNESCO, 2021. – 56 p.
7. Смирнов С.В. Трансформация экзистенциальных качеств человека в контексте развития информационных процессов // Современная социологическая наука: ключевые тренды и перспективы исследования общества: сборник научных трудов V Международной конференции. – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – С. 444–451.

СЕКЦИЯ 2 «ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

УДК 378+167

Н.Н. Абакумова

канд. пед. наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

А.В. Фахрутдинова

Д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ИННОВАЦИЙ И ПАРАДОКС НЕФИКСИРОВАННОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация: Актуализирована проблема адекватной оценки инновационных изменений в научно-образовательном пространстве вуза. Обсуждаются возможности использования педагогического мониторинга инноваций в контексте философии гуманитарного познания.

Ключевые слова: педагогический мониторинг, философия гуманитарного познания, субъективация научного знания, человеческое измерение

Бурное развитие педагогической науки практики, характерное для первой четверти XXI века, актуализирует методологические исследования в области диагностики инновационных изменений, в целом, и в научно-образовательном пространстве вуза, в частности. Вместе с тем, нарастает критика традиционных систем оценивания, которые ориентированы преимущественно на количественные, статичные показатели. Это создает ситуацию неспособности существующих диагностических систем адекватно оценивать сложные, развивающиеся, личностно-ориентированные инновации и их влияние на «человека как становле-

ние». Интерес философии к этому вопросу обусловлен исследованиями разнообразных аспектов человеческого бытия, в частности противоречием между потребностью в комплексной, гибкой оценке инноваций и жесткой «фиксированностью» существующих оценочных систем.

Использование понятия «парадокса нефиксированной оценки» связано с необходимостью оценивать научно-образовательное пространство вуза, которое по своей сути находится в постоянном развитии, незавершено, изменяется во времени и пространстве, и чья оценка зависит от контекста и экспертизы.

Ключевую методологическую основу исследования составляет философия гуманитарного познания. Согласно исследованиям [1, 2], в XXI веке философия гуманитарного познания опиралась на неокантианскую дихотомию «наук о природе – наук о духе», сформировала концептуальную рамку для природы гуманитарных наук. Было установлено принципиальное отличие объекта гуманитарных и естественных наук, что позволило определить специфичность методологии изучения. Современная философия гуманитарного познания выделяет следующие особенности:

- исследуемые феномены являются уникальными и ценными в контексте их историко-культурной неповторимости. Это делает невозможным использование естественнонаучных методов для экспериментальной работы, обобщения, так как становится «затруднительным» эмпирическое обоснование знаний, разработка теорий, установление законов [2];
- научно-образовательное пространство вуза – это область социокультурной действительности, где происходит объективация содержания деятельности человека (его представлений, целей и пр.), где необходима специальная методология фиксации и объяснения смыслов и значений исследуемых феноменов;
- оценочность в педагогической науке присутствует всегда, однако научная объективность в философии гуманитарного познания становится идеалом, а не характеристикой знания.

Ранее проведенный анализ диссертационных исследований в области педагогических наук [3], в основу которых положен естественнонаучный подход, позволил зафиксировать его недостаточность. Традиционные подходы к оценке научно-образовательного пространства вуза склонны: 1) к редукции сложного к измеримому; 2) к фиксации состояния, игнорируя процессуальность и уникальность развития. Опираясь на фундаментальную методологическую основу философии гуманитарного познания, была переосмыслена природа оценки и обоснования ключевых критериев – «человеческое измерение», «личностное начало» и «субъективация научного знания».

«Человеческое измерение» можно считать производной от философии гуманитарного познания, в которой «человек» является центральной категорией во всей его уникальности, историчности и контекстуальности. Необходимость «человеческого измерения» в традиционных мониторингах университетов в большинстве случаев оперирует агрегированными показателями, усредненными данными, статистическими выборками. Такие мониторинговые исследования могут отвечать на вопросы «сколько?», но испытывают затруднения в ответе – «каково значение для конкретного человека?». Игнорирование этого «человеческого измерения» приводит к дегуманизации оценки, когда индивид рассматривается как объект, пассивно подвергающийся воздействию, а не как активный субъект развития. Философия гуманитарного познания требует не просто фиксации фактов, а их интерпретации через призму человеческого опыта и смыслов. Следовательно, «человеческое измерение» рассматривает инновационные изменения не только с точки зрения их эффективности для вуза, но и их влияния на индивидуальное благополучие, самореализацию, личностный рост каждого участника образовательного процесса.

Педагогическая наука признает неповторимость, автономность и уникальность каждой личности. В работах В. Дильтея подчеркивается, что «человек есть единичное, неделимое» [4]. Стандартизованная оценка, ориентированная на унифицированные критерии и «норму», которая используется в мониторингах вузов,

не отражает индивидуальность, не учитывает разнообразие путей развития, уникальные способности и интересы. Она фокусируется на соответствии внешним формальным требованиям, а не на внутреннем потенциале и самоактуализации. В технологии педагогического мониторинга инновационных изменений личностное начало отражено через поддержку саморазвития, самопознания и самоопределения личности. Следовательно, диагностический инструментарий в педагогическом мониторинге должен быть индивидуализирован, гибок, учитывать личные цели и траектории развития. «Личностное начало» требует вовлечения субъекта оценки в процесс, его рефлексии, самооценки, что соответствует принципам диалогичности и intersубъективности в гуманитарном познании, где смысл рождается во взаимодействии.

Необходимость «субъективации научного знания» объясняется доминантой традиционного оценочного подхода, который стремится к объективности через стандартизацию и исключение человеческого фактора. В педагогической практике при оценке инновационных изменений такая «объективность» может быть ложной. Критерии, показатели, диагностический инструментарий и интерпретация данных несет в себе отпечаток ценностей, предпосылок и позиций разработчиков и исследователей. Субъективация научного знания означает, что в педагогическом мониторинге неизбежно будет присутствие субъективного компонента в любом научном знании о научно-образовательном пространстве вуза. Следовательно, субъективация научного знания в контексте педагогического мониторинга означает, что: 1) критерии оценки не являются абсолютными, а формируются в диалоге, исходя из целей и ценностей всех участников; 2) сбор данных включает не только внешние показатели, но и субъективные отчеты (рефлексии, мнения, самооценки и пр.); 3) интерпретация результатов требует включенности экспертов и самих участников, учета множественности траекторий развития; 4) сама оценка позиционируется как постоянно развивающийся, «нефиксированный» процесс, зависящий от времени, контекста и изменяющейся экспертизы.

Использование философии гуманитарного познания, как основы для разработки педагогического мониторинга инновационных изменений, позволит преодолеть кризис педагогической науки, который выражается в принятии системы критериев научности знания – категории истины и достоверности. Педагогический мониторинг можно считать формой научного познания, так как он характеризуется системностью и направленностью на истину. В трактовке философии гуманитарного познания, истина должна быть интересубъективно обоснована, что будет свидетельствовать о научности полученных знаний. Разработка концепции педагогического мониторинга инновационных изменений позволит снять резкое противопоставление гуманитарного знания естественнонаучному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розин В.М. Противопоставление и переосмысление естественно-научного и гуманитарного подходов/ В.М. Розин// Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2018. - Т. 15. - № 2. - С. 291-306.
2. Вышегородцева О.В. Достоверность гуманитарного познания / О.В. Вышегородцева: автореф. ... канд. философ. наук. - Москва, 2000. – 23 с.
3. Абакумова Н.Н. Проблема реализации гуманитарного подхода в педагогических исследованиях: анализ диссертаций 2004-2024 гг. / Н.Н. Абакумова // Философия образования. - 2024. - Т. 24. - № 4. -С. 70 – 83.
4. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / В. Дильтей. - М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – 464 с.

УДК 82 : 130.2

У. К. Абдыханов

К.филол.н., профессор, АО «Южно-Казахстанский педагогический университет»,

Шымкент, Казахстан

О. Ю. Латышев

доктор философии в филологии, п.д.н., к.филол.н., действительный член МАС, МАЕ, ЕАЕ, ISA, BEN-MAAS, МОО АД ЮТК, член-корр. МАПН, профессор университетов «Сайпресс» (США), GCCU (Либерия), профессор РАЕ, президент ММА-ИМА, Международная Мариинская академия имени М. Д. Шаповаленко, Москва, Россия

ВОССОЗДАНИЕ «ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРИЗОНТА» СОВРЕМЕННОСТИ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Аннотация: В рамках культурологической концепции в статье рассматривается своеобразие «объёмности» глубокого раскрытия связи общества и времени. Исследователи рассматривают особенности отражения в ряде произведений писателей «исторического горизонта» XX века, раскрывают характеры людей прошлого с прекрасными порывами души, которые стремятся изменить жизнь степи, открыть для родного народа окружающий мир. Авторы отмечают, что данный процесс, духовное возрождение степного народа, отражён писателями в художественной форме.

Ключевые слова: культурологическая концепция, повесть, земледелие, душа, герой, коренной перелом, поэт, благополучие, знание.

Despite the fact that Kazakhstan had been part of a civilized power for two centuries by the early 20th century, the steppe dwellers had not adopted its agricultural and other craft skills. For the nomadic leaders, the primary goal of the alliance with Russia was not to introduce their people to progressive culture, as noted, in particular, by the great thinker and educator of the Kazakh people, Abai Kunanbayev, but to protect the land from foreign invaders. In conditions of complete security provided by their northern neighbor, the Kazakh leaders, fully convinced of the righteousness of their cause, continued their internecine feud. "The gray-bearded fathers of the people, unworthy of being called its sons, spent precious historical time in mutual paper fights for the post of sultan, or volost governor, or scribe, or police officer, or tax collector" [1, p. 14], – emphasizes the actions of the ignorant champions of the nomads O. O. Suleimenov in the passionate article “My Chokan”. Also M. O. Auezov [2] and I.

Yesenberlin artistically illuminated in their epics [3, pp. 103–107] the subconscious elements of the steppe tycoons, manifested in new circumstances. The Kazakh's camp remained the same yurt, his occupation – nomadic cattle breeding, i.e. the Kazakhs continued their previous nomadic life. For a significant change in the psyche of both an individual and a nation as a whole, upheavals are necessary. “The will of the people awakens in times of great calamities,” says grandfather Ershekti from the story “So I waited for this summer” by R. Seisenbaev, “warmth and satiety lull the will, corrupt people” [4, p. 464]. “When people become overgrown with fat, you can't lift them with a whip” [3, p. 155] – such is the conclusion of Kotan-zhyrau Yesenberlin.

The intense disintegration of patriarchal-clan relations in the second half of the 19th century led to severe disarray. The poorest strata, rejected by their fellow tribesmen, took up agriculture. This marked the beginning of a radical change in the lives of the steppe dwellers, which is artistically reflected in Auezov's epic “The Path of Abai” [2].

But it was delayed by internal factors related to the unique character of the steppe dweller. Thus, little change occurred in the lives of the Kazakh people; they continued to lag behind their nearest northern neighbor. And now, more than two hundred and fifty years later, in the last third of the 20th century, R. Seisenbayev artistically reflects this fact in his story “Honor.” “I stand in the steppe, near a high, abandoned burial mound. <...> I want to understand the secret of your eternal life. My land, my steppe! <...> Tell me what your feather grass whispers and the reeds of your lakes rustle, tell me about the fate of my ancestors, who were born and died here, in the silent steppe... Help me, my land!... My steppe!... I stand in the steppe, near an abandoned burial mound, and above me, in the high sky, a jet flies, leaving a blurry white trail in the pure blue” [4, p. 272].

This fragment is a magnificent painting that echoes the warnings of Abai Kunanbayev and Mirzhakip Dulatov. It testifies that the world today has become one, the peoples inhabiting it inextricably linked. Nevertheless, some ethnic groups within the same state have forged ahead. The jet plane is a symbol of progress. In the second half of the 20th century, the Kazakh people observed the successes of other ethnic

groups in the land of their ancestors, but were themselves unprepared for creativity, although the most far-sighted, as Kunanbayev writes, saw education as the path to prosperity:

From childhood, I saw the good light in science,
But I was careless and followed a different path.
And when I came to my senses, having matured, -
Science is beyond my reach.

Who is to blame that I was left with nothing?

Had I mastered science, I would not have been like this! [5, p. 42].

The poet bitterly regrets that, due to a lack of knowledge, his people lost much.

Dulatov also confirms the loss of the steppe dwellers.

Find a way, sages,
to cast down the flag of ignorance [6, p. 66].

¹Line-by-line translation of Dulatov's poems from the Kazakh language of the authors

In his works, Seisenbayev reflected the fate of his long-suffering people over several centuries—from ancient times to the present. And he portrays it as perpetually dramatic. To depict the past, the writer chose short narrative forms—legendary stories and parables, gracefully interspersed within works about the present. This distinctiveness of the author's work draws on the traditions of Kazakh literature. "Since the emergence of the Kazakh novel," noted Evgeniya Vasilyevna Lizunova, "writers have sought original forms of narrative about life and created their own traditions of the novel, which characterize it as a genre. It is noteworthy that these relatively new traditions are consonant with trends present in older novels, such as the Armenian novel. A. Petrosyan, a researcher of the Armenian novel, notes: "...In every modern Armenian novel, we will find a lyrical digression into distant history, references to long-past events, and a look into the future." This unique "volume," which helps to more deeply reveal the connections between society and time, is also characteristic of the Kazakh novel. <...> The discovery of "historical [1, c. 20]. "The concept of a

"modern horizon" already in the first novels... became a new prose tradition" [7, p. 195].

Seisenbaev complements his depiction of modernity with historical digressions, associations, and comparisons. Thus, he is historical in his artistic depiction of contemporary reality, striving to draw on global achievements in philosophical, spiritual, scientific, and ethical thought.

In his legend-story "Honor," Seisenbaev takes readers deep into the centuries. In it, the author, like Yesenberlin in the trilogy "Nomads," reflects the cause of the disastrous state of our distant ancestors—internal strife. Yesenberlin conveys this phenomenon through his own reflections, journalistically, while Seisenbaev conveys it artistically.

In the legend, Seisenbaev shows that vanity, envy, and self-interest lead to intra-tribal feuds and the destruction of the best part of the people. In the address of the young batyr Kushikbai's mother, Aiganym, to the yellow steppe, the writer conveys a cruel picture of violence, ignorance, and dishonor among the Uak people, as well as the pain and bitterness, resentment, and despair of the steppe dwellers. "But my husband died a proud death, he died in battle, he died defending his people. And my son Kushikbai? Was he struck down by the enemy's hand? No, he fell by the grace of the sons of his own clan, he could not bear the humiliation that befell him... He could not, he could not, he could not... <...> Uai, yellow steppe, but is my son really what you and death need? <...> Are you silent? Perhaps you want me to ask my people for an answer for what happened? To ask the best of its sons about the valor of the Uak clan?" [4, pp. 71–72].

The tyranny and ambition of man are opposed to the unity of the people, and therefore Kushikbai's mother has lost faith in them. In her words, we hear concern for the fate of her people. "...They consider the wise man who gives sound advice a fool, out of his mind, they throw a lasso with their own hands on the fearless warrior who saves them, they gag the singer who sings of them... What words, what can touch their hardened souls, and what whip can bring them back to their senses, their extinguished minds? Uai, yellow steppe, is your people, the Uak clan, really the most unfortunate in

Saryarka? Will they truly know the wisdom of their sages, the valor of their batyrs, the melody of their musicians only when they disperse across the world, or even disappear from the face of the earth? Is this really our destiny? Is the memory of our people shorter than a sheep's tail?" [4, p. 72].

Dulatov already revealed the reign of lawlessness and chaos in the past:

At that time, our Kazakhs were at odds with each other,

There were also enemies from without.

The strong, crushing the weak,

Brought them to great disaster.

Exceeding each other in villainy,

Paving the way for misfortune [6, p. 19]¹.

Seysenbayev, in his doubts about Aiganym, conveys her concern for the fate of her kinsmen. In the early 20th century, Dulatov vividly reflected that centuries had passed, the entire world had changed, but the steppe dwellers remained the same as in ancient times:

Life flows like a pack of dogs fighting,

But they cannot defeat each other.

.....

Someone will begin a useful deed,

They cannot support each other.

Having bought themselves off from misfortune, they brought even more evil,

But they cannot accept good.

The fire that broke out between them

Even the waters of a great flood cannot extinguish it.

Seeking to destroy each other,

They cannot reach reconciliation.

Lacking goodness and harmony,

They cannot rectify their situation.

If one surpasses the other,

They cannot accept each other with respect [6, p. 69]¹.

Bokeev ("The Tale of Mother Aipara" from the diptych "The Great Steppe") [8] and Seisenbaev (the legend-story "Honor") created the image of a long-suffering, patient, yet proud Kazakh woman of the Middle Ages – Aipara and Aiganym, steadfastly enduring the hardships and deprivations of their time. Despite adversity, both mothers managed to raise brave, strong-spirited sons, ready to do anything for the sake of the people. Women are courageous and strong-willed. At a critical time for their clan, they made a decision independently, managed to unite it, and lead it away from its homelands to save it from ruin, destruction, and disgrace (the former from an external enemy, the latter from internal strife).

The actions of Aypara, the batyr Kushikbai, were correct; her tribe needed a moment of respite. She was devastated by the death of her only innocent son, a young man, the hope and support of the clan; she, like everyone else, suffered from disunity. Therefore, Aiganym decided to save her fellow tribesmen from the tyranny of the evil leaders of her own clan, the Uaks, in a foreign land, far from their vicious compatriots. Kushikbai's mother's main reason for this action was the vastness of the steppe: "There is a corner on earth for our hundred-peak village," is how she justifies her actions. Seisenbaeva's heroine reminds us of Aitmatov's Mother Deer [9], who naively assumed that she would raise two orphans, protecting them from childhood from the evil, greed, and vices of vain people, surrounding them with love, mercy, and pure, humane deeds. However, the descendants of these orphans trampled on the best human feelings instilled in their pupils by the Mother Deer. Thus, the Kyrgyz classic shows that in a rational being, by nature, there is a hidden Contradictory character traits are present. The Kazakh writer draws the reader's attention to this, emphasizing that Aiganym's actions are doomed and that the nomad's problem must be resolved in other ways.

Aiganym is a child of her time; her horizons are limited by its boundaries; she knows no civilized ways to transform her life, other than changing her campsite. That is, her character is a distillation of the primitive consciousness of a nomad. It is not her fault, but the misfortune of all steppe dwellers. She is guided solely by natural instincts. The nomad behaves like the two large birds (unnamed) by Boris Pilnyak in the story "The Great Life" [10]. The nomad is unaware that a person must act in a special,

rational manner. Aiganym, like Aitmatov's *Deer Mother*, merely led her clan away from her unrighteous fellow tribesmen. Then life in her village will return to its former course.

There were no external factors that changed the steppe dweller's psychology, though there were internal needs, as Bokeev revealed in Aipara's reflections and Olzhai's words. The nomad was surrounded by the same pristine nature, the vast expanses, the lush pastures, as hundreds of years ago. They remained both his protector and his provider. That's why Aiganym leads his people to the steppe. Secondly, the immutability and centuries-long static nature of the steppe dweller's life are linked to the lack of close ties to the civilized world, and therefore the nomad is unaware of other—rational and progressive—paths for social and economic development. For these reasons, the writers' native people are doomed in a diverse, rapidly changing world, although there have always been those like Olzhai and Kushikbay among them who thought in new ways.

We have no right to accuse Aiganym of ignorance. The writer highlights a valuable character trait. The most important thing is the beautiful impulses of her soul, the desire to change the ossified world of acquisitive people. For the sake of the future, she refused to accept the tyranny of her powerful relatives or the self-destruction of her people. A broad soul lacks knowledge, without which the rebirth of a people and the overcoming of the eclipse of consciousness are impossible. The beneficial mutual influence and interconnectedness of the forces that foster progress is vividly expressed by the medieval Persian poet Nasir Khusrow:

But the soul has wings—reason. Winged by reason, the soul,
will rise from the deep abyss, breathing liberation [11, p. 76].

The poet believes in the power and beauty of reason and soul. Thus, Kushikbaya's bright, pure mother is the hope of the people.

In Seisenbaev's legendary story, the main conflict occurs between two batyrs—Tobet and Kushikbaya. It was not without reason that the author chose these heroes as the main characters. In his trilogy "Nomads," Yesenberlin notes their important place in society. "From time immemorial, the tribal biys and batyrs were the all-powerful

masters of the steppe. They decided where the clan would migrate in the spring or where to spend the winter, and they administered justice and meted out punishment. They also organized resistance to the numerous cattle rustlers from neighboring tribes and clans. When necessary, they would come to the aid of a nearby nomadic neighbor" [3, pp. 228–229].

In the trilogy, the master of words created images of some of them, to whom troops were subordinate. The word of a batyr is law for a warrior. To this day, the mere mention of the word "batyr" evokes feelings of love and respect among Kazakhs. From time immemorial, the steppe dwellers have been proud of it. Bogatyrs are not mythical, but real individuals. History has preserved many of their names, who more than once saved their people from defeat and complete annihilation. But among them, too, there were diverse characters, such as the honest, conscientious, and fair Sayan, and the selfish, cruel, and treacherous Koblandy of Yesenberlin. Most of the batyrs served without asking for rewards or honors, putting the interests of the people above their own, like Yesenberlin's Kiyak and Tuyak. Others seized their opportunities and exploited them for personal gain, oppressing the weak:

The batyrs slaughtered the population of another tribe,

The batyrs took the share of holy people [6, p. 19]—this is how Dulatov emphasizes the unseemly role of selfish defenders.

Seisenbaev focuses the reader's attention on the actions of the heroes. Through the characters of Tobet (the chief batyr) and Kushikbai (the young batyr), the author depicts two forces playing a prominent role in the life of society. The writer attaches great significance to the very names of the heroes. They are associated with the names of dogs. "Tobet" translates into Russian as "male dog," while the first part of the name "Kushik-bay" means "puppy." A Kazakh would never name their baby "Tobet," and "Kushikbay" is a common name. People name babies this way, firstly to ward off the evil eye, and secondly out of love. A small, affectionate, trusting, and helpless animal resembles a child, and an adult's attitude toward it is tender, warm, and kind.

Thus, Seisenbaev's use of the name Tobet is ironic, immediately evoking a negative reaction in the reader. This character symbolizes the power of evil, darkness, and despotism, while Kushikbay symbolizes openness, virtue, purity, and love.

The writer contrasted the two batyrs, brave defenders of the people. The chief batyr of the Uaks, Tobet, and his warriors repeatedly defeated the enemy, and more than once he recovered herds of horses stolen by the Dzungars. Seisenbaev, in the role of Tobet, reveals the contradictions between the heroes. The batyr leader He confused his personal grievance with the honor of the people, blinded by revenge against the Dzungars for the brutal murder of his brother, Yestybek. Tobet can, without hesitation, give the order to burn down a village, hack civilians to pieces, and dishonor a woman.

The chief batyr of the Uaks instills something animalistic—violence, fear—and preaches living by instinct. "There is no power to silence the voice of blood, just as there is no power that can pacify a people who sharpen their daggers from dawn," Tobet mused. "And there is nothing in this life more faithful and reliable than an arrow, a spear, and the tip of a dagger." [4, p. 142] "As long as I live, I will shed my own blood for the blood of my brother. That is my word and my right. And ask no more for these Dzungar dogs." [4, p. 142] Thus, the despotic nature of the batyr leader multiplies disasters, bloodshed, and fear between the Kazakhs and Dzungars. Concepts such as virtue and wisdom are incomprehensible to him, and he rejects them. "And Kushikbay reasons in exactly the same way as those 'smart guys' who, posing as great men, strum dombras from morning until night or utter nonsense with an air of importance. No way! As it was, so it will be! A head for a head, and blood for blood, so our ancestors bequeathed to us" [4, p. 142].

Ignorant authority and arrogant force do not listen to the voice of reason. Tobet's words recall the musings of Khan Abulhair Yesenberlin. "The hundred-year-old Asankaigy, the old Kotan-zhyrau, and after them, the little Kaztugan-zhyrau, tried to assert something different. They possessed some incomprehensible wisdom. It turned out that a person must behave in a special way, differently from eagles and wolves. As if the nature of beasts and humans were not the same. <...> The eternal Arginian clever ones muddy the waters – all sorts of zhyrau, musicians, singers, bookish sages. They

always oppose the rulers, such people, and it is no coincidence that his great ancestor (Genghis Khan) hunted them first and foremost in the conquered countries. This poisonous seed must be destroyed at the very root! [3, p. 70].

Esenberlin, through Abulkhair's reflections, reflects that the people do not accept evil and violence. The people affirm humanism. The writer emphasizes this in the words of Khan Abulkhair: "But why do the impram – the faceless steppe crowd – so enthusiastically embrace their false wisdom? Perhaps they are right and there is strength in their wisdom?" [3, p. 71].

In the legend-story "Honor," Seisenbaev uses the reflections of the Dzungar captive Nazgul to demonstrate that there are no boundaries for the good and the eternal. "Music needs no language. Music needs nothing to live, and it is understandable to everyone with a soul and a heart" [4, p. 135]. Light is perceived equally by people of different nations. Thus, with the "gentle and pure, like the first ray of sunshine" melody of his people, the captive Dzungar kuyschi (musician) captivated both his own people: "Hearing the melody of their native lands, the kneeling captives began to raise their heads. They rejoiced that the famous Dzungar musician Biyschi was among them. The music instilled in them courage, and an expression of dignity suddenly appeared on their humiliated, exhausted faces" [4, p. 135], and the evil warriors of the enemy: "And the enchanting sounds of the syrnyaya (flute) began to sound, to sound, amid the sleepy silence. Tired from campaigns, exhausted from hours of horseback riding, the warriors relaxed, became thoughtful, and fell silent. This sad, this tender, this sweet melody did not rise upward, like smoke from a campfire on a windless night, but spread along the ground, penetrating every corner of the sleepy, silent steppe. <...> Everyone, frozen, looked at the musician and listened to his magical music. The horseman, who was supposed to watch over the captives, leaned his head on his neighbor's shoulder and closed his eyes. It seemed that if the other captive Dzungars were to get up and leave now, no one would notice their disappearance" [4, p. 135].

The writer's reflections on the miraculous, beneficial power of music are filled with a profound lyricism. The author demonstrates that the kuyschi (musician, composer) poured his entire, long-suffering soul into the melody, conveying through

music the aspirations and hopes of the people, their faith in the power of reason and art. The reader will involuntarily hear the best, most beloved songs of their people, and will be imbued with a love for the ancient Dzungar musician and his music, who, with his simple flute, conjures the souls of his listeners—compatriots and enemies alike.

Through the feelings and thoughts of the young, beautiful captive Nazgul and the Uak warrior Kushikbai, the author conveys the excitement and emotional experiences of the people, the many involuntary listeners of the kuy (music). "The Dzungar girl was happy. She was amazed by the power of music, and she was proud that their native melody had such an effect on these Kazakhs, who feared even the skies. <...> It is not for nothing that they say, she thought, that the people are famous not only for their heroes and sages, but also for their music. And now, at the decisive moment, when life and death are at stake, instead of the batyr's saber, instead of the words of the wise, this simple kuy (melody) is enough" [4, p. 135]. Music has the same power as weapons, but not a frightening, destructive one, but a creative, virtuous one. "But this cheesy sound, which has absorbed the scent of wormwood, and the twinkling of the stars, and the sounds of the night jailau – after all, this sound is capable of raising a horseman even from the dead. "It will lift him up, enchant him, and he will sacrifice everything for such music..." [66, p. 136]. "But the girl did not notice his greedy gaze (Tobeta – U.A.). She was once again amazed that, having forgotten everything in the world, having forgotten the bitterness of humiliation and the fear of dishonor, she was listening to music familiar from childhood, but only here, in captivity, truly understood" [4, p. 135].

The influence of the enchanting melody was so great that a beautiful picture of her native land arose before the eyes of the suffering captive, and she recalled the conversations of adults who harshly condemned the deeds of their own batyrs. "Peace does not take our peoples!" her father lamented. "There, they say, Anarkhoy is again gathering an army against the Kazakhs. What can we not divide? What are we always envious of? Both our peoples are perishing from discord. <...> What's happening, what's going on in this world? Warriors seek their fortune in raids and bloody slaughter. Men are mired in mad dreams of increasing their herds. And what's the point of the

women of both our peoples racing to bear children if they all perish in fires and raids? And what kind of stubborn nature does life have – it bestows happiness bit by bit, counted only a few times, while it heaps on grief and tears in full measure" [4, p. 136].

As Seisenbaev shows, the old Dzungar, the father of the captive Nazgul, came to the conclusion that human actions are illogical. They bring only destruction. To prevent this, the writer calls for generosity, to suffer ourselves rather than oppress others; only then can we expect such an act from a rival: "And wouldn't it be better for us to move deeper into the takyr than to perish here from raids and violence" [4, p. 136]. Seisenbaev shows that Nazgul's father is concerned about the fate not only of his people but of the entire world. He blames not others, not the enemy camp, but his own kinsmen. The old Dzungar sees humanity's salvation not in victory over enemies, but in good relations with neighbors. His words echo the reflections of Kushikbai's mother. Thus, the writer conveys that the hopes and aspirations of people on rival, warring sides are the same. The Dzungar captive, who hated and despised her enemies—"an evil black Kazakh with mouse-like eyes" [4, p. 142], who considered only them unjust—under the influence of her native kyui, for the first time questioned her beliefs, and hope arose that the world could change. "But perhaps the Kazakhs also have such a person, and then our feud will come to an end? "Perhaps there, and among them, the enemies, they have the same music?" [4, p. 136].

The writer also reveals the subtle movements of Kushikbay's soul. The young batyr was enchanted by the Dzungar kuy. It spoke to him of a people suffering from wars, "now sighing heavily like a tired man, now crying like a girl, now sobbing like a mother who has let down her gray hair and grieves for her slain son. The clatter of hooves, the grinding of metal, the whistle of flying arrows—it was all in this kuy" [4, pp. 136–137]. Under the influence of music, the young Kazakh batyr, for the first time, did not experience the familiar joy of victory over the chief batyr of the Dzungars, Anarkhoy. Just like Nazgul, Biyshi's kuy reminded Kushikbay of his childhood, of his noble musician friend, Arystan.

Thus, the melody fell on fertile soil. It bore fruit. The batyr, who has no right to pity, acts mercifully. Kushikbay did not resign himself to the arbitrary behavior of the

chief batyr of his clan. He boldly stood up for the innocent captives—the Dzungar herders and the young beauty Nazgul—whom Tobet had intended to brutally slaughter. Kushikbay defeated him in a fair duel and became the chief batyr of the Uak clan. The new leader of the army freed the captives and ordered that his warriors accompany them, fearing unexpected actions from the offended Tobet.

Seisenbayev, through the reflections of two young people, the batyr and the captive, reveals their hidden feelings for each other. The Dzungar woman, who had been hostile to the Kazakhs, began to trust them: "Kushikbay easily lifted the girl and placed her on her horse. "Her radiant dark eyes were laughing, and frank joy was written on her face. She was truly very beautiful" [4, p. 143], "And the girl thought: "What strong hands this horseman has. How kind he is, how handsome, how brave he is!" [98, p. 143]. For Nazgul, hatred for unkind neighbors disappeared forever, "there is no longer any malice in her heart towards the Kazakh people" [4, p. 144] and she fell in love with one of them with all her soul: "Farewell, Kushikbai, farewell, Kazakh batyr, not born a Dzungar. I will not forget you. And will you ever know that another woman on earth, besides your mother, will bear your name in her heart until her death? Farewell! Farewell! Farewell!" [4, p. 144].

Kushikbai's heart was heavy after the beauty's departure. "And yet, both he and he so longed to catch up with her, put her in the saddle, and return with her to their native village, making the beautiful Dzungar woman their wife. Both he and he did not want to part, did not want to lose their love, having barely found it" [4, p. 144]. The road to love was opened by music, mercy, and a good deed.

The new chief batyr of the Uaks, despite the atmosphere of hatred for the enemy during the mutual plundering between the Kazakh and Dzungar tribes, acts magnanimously: the demon By selfishly releasing the captives, he was the first to take a noble step. It is important for Seisenbaev to show that an act can change those around him. Kushikbay bequeaths peace between the eternally warring peoples "in mutual love between him and the captive," Nazgul. The young leader of the army is guided by reason in his actions. He calls on people to do good, to live in peace with their neighbors, to have the powerful consider the well-being of the people, and to promote

the moral development of humanity. Reconciliation and forgiveness are preached by the young batyr when, at the request of the council of elders, he does not kill the old and vile Tobet, who was engaged in robbery within his own clan, thus quietly exacting revenge on the victor, Kushikbay.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулейменов О. О. Нетерпение // Сейсенбаев Р. Возвращение Казыбека. Повести и рассказы. – А.-А., Жалын, 1984.
2. Ауэзов М. О. Путь Абая. Роман в 2-х тт. – А.-А., Жазушы, 1987.
3. Есенберлин И. Кочевники. Историческая трилогия. Перевод с казахского М. Симашко – А.-А., Жазушы, 1989.
4. Сейсенбаев Р. Ш. Трон сатаны. Роман. Повести. Перевёл с казахского автора. – М., Художественная литература, 1988.
5. Кунанбаев А. Избранное. – А.-А., Казахское государственное издательство художественной литературы, 1958.
6. Дулатов М. Оян, қазақ! Құрастырған М. Әбсеметов.– Алматы, Алтын Орда, 1991.
7. Лизунова Е.В. Современный казахский роман. – А.-А., Издательство АН Казахской ССР, 1964.
8. Бокеев О. Человек-олень. Повести. Перевод с казахского.– А.-А., Жалын, 1987.
9. Айтматов Ч. Т. Белый пароход. Повесть. И дольше века. Плаха. Романы. – М., Художественная литература, 1988.
10. Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. Рассказы, повести, роман. – М., Правда, 1990.
11. Ирано-таджикская поэзия. – М., Художественная литература, 1974.

Ван Хуэйжу

аспирант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.

Ельцина

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: РЕТРОСПЕКТИВА МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ – СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ В КИТАЕ И РОССИИ

Аннотация: Настоящая статья направлена на ретроспективный анализ становления глобальной волны цифрового образования и ее глубокого влияния на сферу музыкального образования в общеобразовательных школах. Путем эволюции цифровых технологий от вспомогательного инструмента до ключевой экосистемы и в сочетании с типичными международными кейсами музыкального образования в статье выстраивается макроконтекст глобального цифрового музыкального образования. На этой основе исследование фокусируется на Китае и России – двух странах с глубокими культурными традициями и уникальными образовательными системами, – с углубленным анализом современного состояния, характеристик, вызовов и путей развития музыкального образования в общеобразовательных школах (начальное, неполное среднее и полное среднее образование) в условиях глобальной цифровой образовательной среды. Сравнительный анализ выявляет сходства и различия между двумя странами в таких аспектах, как реагирование на технологические изменения, сохранение локальных культур и достижение образовательного равенства, с целью предоставления теоретической основы и практических ориентиров для будущей цифровой трансформации музыкального образования.

Ключевые слова: Цифровое образование; Музыкальное образование в общеобразовательных школах; Китай; Россия; Сравнительная педагогика.

Введение. С наступлением XXI века волна Четвертой промышленной революции, представленная искусственным интеллектом, большими данными и облачными вычислениями, преобразует все сферы человеческого общества, включая образование, где происходят беспрецедентно глубокие изменения. Глобальная цифровая образовательная среда постепенно формируется. Цифровое образование относится к новой образовательной форме, в основе которой лежат цифровые информационные технологии, охватывающая развитие инфраструктуры, разработку цифровых ресурсов, инновации в моделях преподавания и модернизацию управления образованием. Оно выходит за инструментальные рамки «компьютерно-опосредованного обучения», акцентируя построение интегративной, открытой и персонализированной образовательной экосистемы. Это уже не просто дополнение к традиционному образованию, а эволюция в ключевую экосистему, поддерживающую структурные изменения образовательной системы.

Музыкальное образование в общеобразовательных школах относится к общедоступному образованию, направленному на всех учащихся на этапах базового образования (начальная, неполная средняя и полная средняя школа), с целями развития музыкально-эстетической грамотности, стимулирования креативности и передачи культурного наследия, что отличает его от моделей подготовки в профессиональных музыкальных учебных заведениях. В условиях цифровой образовательной среды цели, содержание, методы и система оценки музыкального образования в общеобразовательных школах как важной составляющей эстетического воспитания сталкиваются с необходимостью пересмотра. От использования мультимедийных презентаций для 辅助 обучения восприятию музыки до применения цифровых аудиорабочих станций для творчества и персонализированных тренировок интонации с помощью алгоритмов искусственного интеллекта – цифровые технологии проникли во все аспекты музыкального образования.

В мировом образовательном сообществе накоплены значительные результаты исследований в области цифрового музыкального образования. На международном уровне серия исследований Уэбстера П.Р. заложила теоретическую основу для «творческого музыкального преподавания и технологий» [1]; антология Рутманна А. и Манти Р. «The Oxford Handbook of Technology and Music Education» исследует сложные взаимоотношения между технологиями, обществом и музыкой. В Китае ученые, такие как Цзы Липин и Го Шэнцзянь, продолжительно изучали информатизацию музыкального образования в Китае, интеграцию эстетического воспитания и технологий. Что касается музыкального образования в России, исследования Ли Дана и Ли Чуньвэй и др. познакомили с традиционными методиками преподавания (такими как методика Кабалевского) [2], однако внимание к его современному цифровому повороту остается недостаточным. В целом, в Китае монографии или статьи, систематически сравнивающие музыкальное образование в общеобразовательных школах Китая и России в контексте глобального цифрового образования, все еще отсутствуют. Настоящая статья направлена на восполнение этого пробела. Китай и Россия, будучи важными игроками в мировой структуре, обладают долгой и блестящей традицией музыкальной культуры, и их образовательные системы несут сильный отпечаток государственного планирования. Однако, в силу различий в траекториях социально-экономического развития, политики в области технологических отраслей и культурных стратегий, музыкальное образование в общеобразовательных школах двух стран демонстрирует различные черты и пути в ответ на глобальную цифровую волну. Следовательно, ретроспектива фона цифрового музыкального образования в глобальном масштабе и углубленное сравнение практик в Китае и России имеют не только академическую ценность, но и могут предоставить полезные ориентиры для будущего развития музыкального образования в обеих странах и во всем мире.

Цель исследования. Настоящее исследование направлено на ретроспективный анализ становления глобальной волны цифрового образования и ее глубо-

кого влияния на сферу музыкального образования в общеобразовательных школах. Путем эволюции цифровых технологий от вспомогательного инструмента до ключевой экосистемы и в сочетании с типичными международными кейсами музыкального образования в статье выстраивается макроконтекст глобального цифрового музыкального образования. Сравнительный анализ сходств и различий между Китаем и Россией в музыкальном образовании в общеобразовательных школах в таких аспектах, как реагирование на технологические изменения, сохранение локальных культур и достижение образовательного равенства, проводится с целью предоставления теоретической основы и практических ориентиров для будущей цифровой трансформации музыкального образования.

Материалы и методы исследования. В данном исследовании в основном используется метод анализа литературы, систематически обобщающий академические статьи, политические документы, стандарты учебных программ и отчеты по кейсам на китайском, русском и английском языках; применяется сравнительный метод для сопоставления и сравнения Китая и России по параметрам движущих сил, путей, культуры и т.д.; дополненный анализом конкретных примеров, с углубленным изучением типичных практик в двух странах и по всему миру.

Становление и развитие глобальной волны цифрового образования конкретно проявляется в: переходе от САИ к АИ. Развитие цифрового образования прошло примерно три этапа: этап компьютерно-опосредованного обучения (САИ) в 1960-1980-х годах, представленный простыми программами-тренажерами; этап сетевого обучения с 1990-х до начала XXI века, когда распространение интернета сделало возможными онлайн-курсы и ресурсные базы; этап интеллектуализированного образования с 2010 года по настоящее время, когда большие данные, искусственный интеллект, виртуальная реальность и другие технологии способствуют переходу образования к персонализированному, адаптивному и иммерсивному формату. Параллельно парадигма музыкального образования также претерпевает цифровую трансформацию. Традиционная парадигма фокусировалась на передаче музыкальных знаний и исполнительских навыков,

учитель был абсолютным авторитетом. Цифровые технологии породили новую парадигму «конструирования-связи», конкретно проявляющуюся в:

1. От потребления к творчеству: Учащиеся могут использовать цифровые аудиорабочие станции, такие как GarageBand, Soundtrap, для музыкального творчества и аранжировки, превращаясь из пассивных слушателей в активных создателей.

2. От индивидуальности к совместности: Технологии облачных вычислений поддерживают онлайн-ансамблевое исполнение учащимися из разных мест, создание виртуальных хоров, ломая временные и пространственные ограничения.

3. От стандартизации к персонализации: Приложения на основе ИИ (такие как Yousician, Simply Piano) могут предоставлять немедленную обратную связь и персонализированные траектории обучения на основе практики учащихся.

4. От абстрактного к воплощенному: Технологии VR/AR позволяют учащимся «войти» за кулисы концертного зала или «держаться» виртуальные инструменты, получая иммерсивный опыт обучения.

Анализ международного опыта музыкального образования в цифровой среде позволил выделить следующую классификацию видов музыкального онлайн-образования:

1. Пример из Северной Америки: Berklee Online ресурсы для музыкального образования K-12, представляющие профессиональные курсы по музыкальному производству, саундтрекам к фильмам и т.д. в виде модульных, геймифицированных форматов для внедрения в школьные уроки, что значительно расширяет границы школьного музыкального образования и тесно связывает его с современной музыкальной индустрией [3].

2. Пример из Европы: Британская программа «Music Sound Scheme» предоставляет школам множество приложений с цифровыми инструментами на основе планшетов и пакеты уроков, поощряя учащихся интуитивно исследовать музыку через прикосновения, жесты и т.д., что особенно подходит для детей младшего возраста и учащихся с особыми потребностями, демонстрируя инклюзивность цифровых технологий [4].

3. Пример из Азиатско-Тихоокеанского региона: «Сингапурская музыкальная учебная лаборатория» использует интерактивные доски, сенсоры и программное обеспечение для творчества, создавая комплексную среду для обучения музыке, объединяющую визуальные, слуховые и кинестетические аспекты. Учащиеся могут в реальном времени преобразовывать движения тела в музыкальные параметры, углубляя понимание элементов музыки [5].

Результаты исследования и их обсуждение. Примечательно, что глобальная цифровая образовательная среда привнесла в музыкальное образование общеобразовательных школ множество инновационных концепций, парадигм, нетрадиционных методов и современных технологий. В данном исследовании сравнивается и анализируется современное состояние цифровизации музыкального образования в общеобразовательных школах Китая и России, результаты следующие:

1. Современное состояние цифровизации музыкального образования в общеобразовательных школах Китая является результатом политического стимулирования и развития инфраструктуры.

Прежде всего, это стимулирование государственной политикой. Китайское правительство подняло информатизацию образования до уровня национальной стратегии. «План действий по информатизации образования 2.0», «Мнения о углублении реформы образования и преподавания для всестороннего повышения качества обязательного образования», а также политика «двойного сокращения» («double reduction») – все они подчеркивают использование информационных технологий для расширения возможностей образования и преподавания, предоставляя новое пространство для развития эстетического воспитания. Проект информатизации образования с ядром «три подключения и две платформы» значительно улучшил условия подключения школ к интернету и оснащение мультимедийных классов, заложив материальную основу для распространения цифрового музыкального образования.

Во-вторых, развитие инфраструктуры. Что касается учебных программ и педагогической практики, цифровые исследования демонстрируют тенденцию к

диверсификации: Распространение цифровых ресурсов: Утвержденные и местные версии музыкальных учебников оснащены мультимедийными компакт-дисками или онлайн-ресурсами, включающими аудио- и видеозаписи произведений известных авторов, введение в инструменты и т.д.; Обучение с поддержкой ИИ: В некоторых школах развитых регионов начали пилотировать уроки музыки с ИИ, например, используют систему «AI-сопровождения для фортепиано» для интеллектуальной оценки и коррекции аппликатуры и ритма учащихся; предпринимаются попытки использования инструментов для сочинения музыки с помощью ИИ, таких как AIVA, для помощи учащимся в начальном обучении простому мелодическому творчеству; Практика эстетического воспитания в облачной среде: Во время пандемии COVID-19 «приостановка занятий, но не прекращение обучения» способствовала массовому появлению онлайн-уроков музыки. В разных местах появились инновационные формы, такие как «облачный хор», «облачный ансамбль», например, проект «Симфония в облаках» Шанхайского студенческого художественного коллектива, который стал эффективным продолжением эстетического воспитания в особый период; Интегрированные курсы STEAM: Сочетание музыки и программирования, например, создание интерактивных инструментов с помощью таких инструментов, как Scratch, Makey Makey, для развития вычислительного мышления и художественного творчества учащихся.

В то же время, китайское школьное музыкальное образование в условиях цифровой образовательной среды сталкивается с вызовами: Цифровой разрыв (региональные различия): Существует огромный разрыв между восточными прибрежными и сельскими районами центрального и западного Китая в аппаратном обеспечении, скорости интернета и доступе к цифровым ресурсам, что усугубляет образовательное неравенство; «Технологии ради технологий»: Некоторые практики используют технологии лишь как приманку для привлечения внимания, не способствуя глубокой интеграции с предметной сущностью музыки, игнорируя ядро эстетического опыта и эмоционального резонанса; Отставание системы оценки: Текущая оценка по музыке по-прежнему в основном основывается на

пении и письменных тестах по теории музыки, что затрудняет эффективную оценку ключевых компетенций учащихся, таких как способность к творчеству, сотрудничеству в цифровой среде.

2. Современное состояние цифровизации музыкального образования в общеобразовательных школах России проявляется как культурная традиция и современные изменения.

Российское музыкальное образование известно своей строгой системой, акцентом на классику и национальный характер. Учебная программа Кабалевского подчеркивает идейность и эмоциональное воспитание средствами музыки. В условиях цифровой волны Россия, с одной стороны, сохраняет свою глубокую приверженность классической музыке и национальной музыкальной культуре, а с другой – активно продвигает цифровую трансформацию в рамках национального проекта «Образование». Федеральные государственные образовательные стандарты РФ требуют, чтобы выпускники обладали «информационной грамотностью». В программе по предмету «Музыка» прямо рекомендуется использовать электронные образовательные ресурсы и интернет для поиска информации, прослушивания музыки и анализа произведений. Например, курс 5-го класса требует «использовать электронные фонотеки для распознавания тембров инструментов оркестра», что обеспечивает правовую основу для применения цифровых инструментов. Применение цифровых инструментов в педагогической практике проявляется в: Локализованные платформы и ресурсы: Россия активно разрабатывает локальные продукты цифрового образования в ответ на геополитическое влияние. Например, платформа «Яндекс.Учебник» предоставляет интерактивные упражнения и видеоуроки, соответствующие стандартам учебной программы по музыке. Локальное музыкальное программное обеспечение, такое как «Augia», также пытается войти в образовательную сферу; Онлайн-художественные проекты: Ведущие учебные заведения, такие как Московская консерватория, регулярно проводят онлайн-мастер-классы и трансляции концертов для школьников, используя цифровые средства для совместного использования высокока-

чественных художественных ресурсов; Инструментальное вспомогательное обучение: В обычных классах учителя более склонны использовать технологии как вспомогательный инструмент, например, используют интеллектуальные планшеты для демонстрации нот и построения музыкальных форм, используют программное обеспечение для обработки аудио, чтобы учащиеся могли сравнивать различия между различными исполнительскими версиями, с целью углубления понимания классических произведений, а не подрыва традиционного содержания обучения.

В то же время, российское школьное музыкальное образование в условиях цифровой образовательной среды сталкивается с проблемой неравномерного распределения ресурсов. Как и в Китае, существует разрыв в техническом оснащении между школами в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, и в отдаленных регионах. Присутствует также инерция традиционных представлений, поскольку многие опытные учителя привыкли к модели обучения «фортепиано + доска», относятся к новым технологиям консервативно, считая, что они могут размыть чистоту музыкального искусства. Влияние внешней технологической среды проявляются в изменениях в международной обстановке, что привело к снижению доступности некоторых западных программных и аппаратных средств, а также цифровых ресурсов, что объективно ускорило процесс импортозамещения, но также может вызвать определенный период технологических и ресурсных узких мест.

3. Сравнение и размышления о цифровом музыкальном образовании в общеобразовательных школах Китая и России. На основе вышеупомянутой международной среды и конкретной ситуации в Китае и России, обобщенный анализ и размышления сводятся к четырем аспектам:

1) Сравнение механизмов движущих сил. Цифровая трансформация в Китае демонстрирует ярко выраженную характеристику «сильного стимулирования сверху». Стратегии, спускаемые сверху, и интенсивные ресурсные вложения позволяют быстро и масштабно продвигать цифровое музыкальное образование.

Россия же отражает «напряжение между традицией и современностью», ее цифровой процесс представляет собой более осторожные, постепенные изменения, направляемые государством в рамках мощной культурной традиции.

2) Сравнение практических путей. Практический путь Китая склоняется к «платформизации, масштабируемости», акцентируя охват широких масс учащихся через крупные онлайн-платформы (например, Национальная облачная платформа для начальных и средних школ), модель легко тиражируется и распространяется. Путь России более напоминает «инструментализм, проектный подход», фокусируясь на использовании конкретных цифровых инструментов для углубления понимания установленного содержания учебной программы и на «элитном» распространении ресурсов через онлайн-проекты, инициированные ведущими художественными учреждениями.

3) Сравнение культурной интеграции. В Китае цифровым технологиям отводится миссия «расширения возможностей эстетического воспитания», направленная на стимулирование интереса учащихся к музыке через новые формы, однако модели ее глубокой интеграции с богатой традиционной китайской музыкальной культурой все еще исследуются. В России применение цифровых технологий более четко «служит воспитанию национальных чувств и классической культуры», технология рассматривается как современный инструмент, помогающий учащимся лучше понять произведений Чайковского, Шостаковича и др., ее культурный консерватизм более очевиден.

4) Общие вызовы и будущие тенденции. Обе страны сталкиваются с общими вызовами содействия образовательной справедливости, повышения цифровой грамотности учителей, построения системы оценки, соответствующей цифровой эпохе. В будущем углубленное применение искусственного интеллекта в музыкальном образовании (такое как аффективные вычисления, адаптивное обучение) принесет новые возможности, а также вызовет глубокие размышления о субъективности художественного творчества, конфиденциальности данных и этике алгоритмов.

Выводы. Глобальная цифровая образовательная среда необратимо изменила экосистему музыкального образования в общеобразовательных школах. Китай и Россия, как образовательные державы с глубокими культурными традициями, их способы реагирования на цифровизацию отражают как глобальные общие тенденции, так и демонстрируют свои национальные и культурные особенности. «Стратегическое планирование сверху» Китая и «культурная стойкость» России составляют две параллельные и взаимодополняющие траектории развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Webster, P. R. (2011). Key Research in Music Technology and Music Teaching and Learning. *Journal of Music, Technology & Education*, 4(2-3), 115-130.
2. 李姐娜. (2008). 苏联-俄罗斯普通学校音乐教育研究. *中央音乐学院学报*, (3), 135-142.
3. Berklee Online. (2022). *Berklee Online K-12 Music Education Resources*. Retrieved from <https://online.berklee.edu/k-12>
4. Mills, J., & Murray, A. (2000). Music Technology Inspected: Good Teaching in Key Stage 3. *British Journal of Music Education*, 17(2), 129-156.
5. Lum, C. H., & Cheah, H. M. (2016). The Singapore Music Lab: An Exploratory Study of a Technology-Based Music Learning Environment. *International Journal of Music Education*, 34(2), 147-162.

УДК 39. 394

А.Р. Гарифзянова

кандидат философских наук, доцент

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций

Казанского федерального университета

С.В. Смирнов

кандидат философских наук, доцент

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. КАЗАНИ)

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования сущности и специфики реализации молодежного крафт предпринимательства на примере города Казани. В фокусе внимания находится этнический аспект молодежной предпринимательской деятельности, особенности влияния специфики национального региона на производство продукции, позиционирования бизнеса на рынке в целом.

Ключевые слова: молодежь, молодежное предпринимательство, крафт-предприниматели, этничность, бизнес

Креативные индустрии сегодня воспринимаются как часть жизни мегаполиса, оказывая влияние на своеобразие экономических и социальных отношений складывающихся в обществе. При этом, данные индустрии оказывают прямое влияние на восприятие население города как развитого и продвинутого (либо, наоборот).

Современное общество переживает множество социально-экономических кризисов, связанных с перекосом во взаимодействии отдельных социальных сфер [1], что, безусловно, влияет на социальное самочувствие горожан, на их отношение к происходящему в стране, в особенности, если речь идет о городской молодежи.

Молодёжное вовлечение в предпринимательскую деятельность представляет собой актуальное и значимое явление в современном обществе по ряду причин. Одной из ключевых причин является то, что молодые люди нередко склонны к риску и выступают генераторами новых идей, технологий и инновационных решений. Молодёжь отличается креативностью, амбициозностью и го-

товностью преобразовывать окружающий мир, демонстрируя высокую восприимчивость к неопределённости. При этом получение прибыли для них зачастую не выступает единственной или доминирующей задачей. Это способствует развитию креативных областей экономики, повышению конкурентоспособности региона, в целом [7, с.184].

Одним из таких значимых направлений молодежного предпринимательства является крафтовое предпринимательство, являющееся частью креативного бизнеса. Предпринимательская активность формируется под воздействием локального контекста, включающего уровень экономического развития территории, особенности национальной культуры, исторические предпосылки и другие факторы. Население городов, в структуре экономики которых значительную роль играют отрасли, основанные на знаниях и инновационных технологиях, демонстрирует более выраженную ориентацию на предпринимательство по сравнению с территориями, лишёнными подобных преимуществ [10].

Республика Татарстан обладает рядом особенностей, которые способствуют развитию молодёжного предпринимательства. Во-первых, для республики характерны высокие экономические показатели, во-вторых – полиэтничность и культурное многообразие. Помимо этого, республика позиционирует себя как прогрессивный и открытый для молодёжи регион. Это также является хорошей предпосылкой для развития молодёжного предпринимательства.

Казань, столица Татарстана, является центром молодёжных событий в регионе. В городе проводятся различные крафт-фестивали этнического толка, такие как «Печен базары». В 2023 году Татарстан вошёл в число пилотных регионов по реализации Всероссийской программы развития молодёжного предпринимательства. Это свидетельствует о том, что республика имеет мощный потенциал для развития этой сферы.

Молодые предприниматели в Татарстане нередко запускают собственные проекты, опираясь на личные интересы, увлечения и стремление к самореализации. По этой причине они часто обращаются к крафтовому производству и различным формам творческой деятельности. Такой формат предпринимательства

не только способствует развитию их бизнеса, но и позволяет формировать и укреплять личную идентичность через собственное ремесло. Этническая специфика, экономические показатели республики, открытость региона для молодёжи способствуют созданию благоприятных условий для развития сферы крафт-предпринимательства.

Как утверждает в этой связи Ким Дови, дом всегда больше, чем просто дом – это живое физическое пространство, способствующее выражению социальных смыслов и идентичностей, которые объединяются в многоуровневую концепцию родного города, образуя пересекающиеся и взаимосвязанные социальные сети, которые пространственно в него встроены [8].

Этническая специфика молодёжного крафт-движения, связанного с мастерством, с творчеством и рукоделием, заключается в трансляции и сохранении национальных обычаев, этнических особенностей отражением которых становится творение уникальных изделий. Эти изделия не просто являются предметами быта или декора, они становятся носителями культурного кода, этнической идентичности.

В условиях глобализации и унификации культур, молодёжное крафт-движение выступает как форма сохранения и возрождения национальных традиций. Молодые люди, увлечённые созданием изделий своими руками, обращаются к истокам своего народа, изучают традиционные техники и мотивы, с целью воплотить их в своем творчестве. Это позволяет не только сохранить культурное наследие, но и передать его следующим поколениям, формируя у молодёжи чувство принадлежности к своей этнической группе, уважение к её традициям.

Помимо этого, этническая специфика молодёжного крафт-движения способствует развитию межкультурного диалога. Изделия, созданные в национальном стиле, могут стать своеобразным мостом между культурами, позволяя людям из разных этнических групп, ознакомиться с традициями и обычаями друг друга. Это способствует формированию толерантного и уважительного отношения к культурным различиям народов, а также развитию интереса к изучению других культур.

Молодёжное крафт-предпринимательство, основанное на этнической специфике, способствует не только сохранению традиционных техник и мотивов, но и их адаптации к современным условиям, что позволяет культурному наследию жить и развиваться в новом контексте.

Молодые люди, развивая свое собственное дело, используя национальные традиции и элементы татарской культуры, в каком-то смысле демонстрируют не только стремление к самореализации, но и свою агентность, то есть стремление к независимости. Исходя из этого, можно сделать вывод, что общество нуждается в развитии, поощрении и распространении молодежного предпринимательства [5, с.184].

Социологическое исследование молодежного крафт предпринимательства осуществлялось нами в 2022 году городах Санкт-Петербург и Казань. Объем выборочной совокупности составил: 30 предпринимателей (15 респондентов – в Санкт-Петербурге, 15 респондентов – в Казани). Выборка: стратифицированная выборка. Метод: полужформализованные интервью. Главный критерий отбора – наличие своего дела в секторе крафтовой экономики: те, чей бизнес или дело имеет этническую(татарскую) специфику или черту. Возраст – составлял от 18 до 35 лет.

Результаты исследования позволили нам сделать вывод о том, что применение этнического или локального компонента может оказаться эффективным средством для создания уникального образа крафтового бизнеса с целью привлечения внимания потребителей его продукции. Крафтовые предприниматели стремятся к сохранению и продвижению национальной культуры, формируют отношение потребителей к месту своего проживания.

Крафт предприниматели, использующие национальную специфику (татарские традиции, местные обычаи) видят в своей деятельности не столько уникальное торговое предложение и возможности для продвижения на рынке, сколько свою миссию. Иными словами, субъекты крафт-предпринимательства берут курс на локальные черты, где этнический компонент играет не последнюю роль

(в особенности в творчестве и визуально), видя в этом условие для роста потребительского интереса, с целью выработать узнаваемость и уникальный образ своего крафт-бизнеса как внутри малой Родины, так и за ее пределами.

Анализ интервью с молодыми бизнесменами, выбравшими этнокультурный компонент в качестве основополагающего, показал, что для них важно не только получение прибыли, но и сохранение, и продвижение национальной культуры. Они поддерживают своим делом миссию, связанную с продвижением татарских традиций, этнического рукоделия и других элементов национальной практики. Молодые предприниматели рассматривают свой бизнес как возможность не только заработать деньги, но и внести свой вклад в сохранение и развитие национальной культуры, сохраняя чувство причастности к определенной территории и сообществу.

Желание не просто сберечь свои татарские корни, а также определённым образом актуализировать «татарское» на рынке, вплести татарскую культуру в современный культурный формат является одной из возможных причин создания локального крафт-предпринимательства. Молодых людей, создающих свое дело с акцентом на национальный колорит, идеи культурного разнообразия, сохранения различных культурных идентичностей будут привлекать больше, чем этническое однообразие и доминирование однородных культурных образцов.

Реализация предпринимательских проектов посредством включения национального (татарского) компонента происходит различно, но причины чаще всего лежат или в желании сконструировать свою уникальность через этнические ресурсы, или создатели крафт-предпринимательства видят в своей деятельности больше, чем бизнес, говоря о миссионерском характере своего дела.

В академических дебатах, посвящённых молодёжному предпринимательству, основное внимание уделяется ценностям, которые молодые люди продвигают в бизнесе, их мотивации и эффективности [2, 3]. Вместе с тем остается малоизученной проблема взаимосвязи локального молодёжного предпринимательства с этническими особенностями региона и другими аспектами локальной специфики, включая национальную политику. Проведенное нами социологическое

исследование вносит определенный вклад в рассмотрение данной проблемы в фокусе крафт-предпринимательства казанской молодёжи. С одной стороны, наше исследование выявило глубокую связь этнической идентичности («татарскости») с существующими на локальном рынке крафт-производствами и пространствами, которые являются экономически востребованными. С другой стороны – молодые крафт-предприниматели предпринимают усилия не только в достижении экономической цели, но и реализуют своеобразную миссию своего дела – популяризацию татарской культуры на уровне повседневности, в том числе с помощью массовых мероприятий и других этнокультурных событий [6, 4]. Этническое крафт-предпринимательство представляет собой стремление к сохранению татарских традиций и культурного колорита в рамках предпринимательской активности и является заботой о «культурной тревоге» за будущее татарского народа. Кроме того, крафт-предпринимательство обеспечивает «крутую» индивидуальность в качестве товара, который можно приобрести, часто вместе с самореализацией карьеры как творческого профессионала [9].

Таким образом, этнические аспекты молодежного крафт предпринимательства связаны не только с получением прибыли, но со стремлением молодых людей к сохранению и продвижению своих национальных и культурных традиций, что формирует у них чувство национальной гордости, уважения к традициям, причастности к судьбам своей Родины, Страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
2. Корнейко О.В. Ценностные ориентации современного предпринимательства в России / О.В. Корнейко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 5. – № 53. – С. 169—183.
3. Крупец Я.Н. «Если ты маленький, ты никому не нужен»: молодые креативные предприниматели Санкт-Петербурга и их отношения с государством / Я.Н. Крупец, А.В. Майборода, Е.Н. Кузинер // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 3. – С. 405—420.

4. Курамшина К. Р. Популяризация культурного наследия казанских татар на примере повседневной жизни города Казани / К. Р. Курамшина // Диалог культур-основа мира и согласия (сборник). – 2017. – С. 21-25.
5. Нартова Н.А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей / Н.А. Нартова // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 38-47.
6. «Печән базары-2017»: поэтическая исповедаляня, «нефтяной» кыстыбургер и история забытых казанских озер // Информационный портал Kazanfirst. – 2017. – URL: <https://kazanfirst.ru/article/429354> (Дата обращения: 5.09.2023).
7. Шумик Е.Г. Молодежное предпринимательство: проблемы и пути решения / Е.Г. Шумик, Е.В Белик, М.П Блинов // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. – 2017. – №40. – С. 184-194. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-predprinimatelstvo-problemy-i-puti-resheniya> (дата обращения: 05.02.2025).
8. Dovey K. Home and Homelessness. In: Altman, I., Werner, C.M. (eds) Home Environments. Human Behavior and Environment / K. Dovey – Boston: Springe. – 1985. – Vol 8. – URL: https://doi.org/10.1007/978-1-4899-2266-3_2 (дата обращения: 05.02.2025).
9. Luckman S. (ed.) Craft and the Creative Economy / S. Luckman. – London: Palgrave Macmillan. – 2015. – URL: <https://doi.org/10.1057/9781137399687> (дата обращения: 05.02.2025).
10. Redhead G. Is home where the heart is? Investigating the relationship between hometown and entrepreneurship / G. Redhead, Z. Bika // Entrepreneurship & Regional Development/ – 2024. – P.1-27. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/epub/10.1080/08985626.2024.2413966?src=get-ft&utm_source=wiley&getft_integrator=wiley (дата обращения: 05.02.2025).

О.Л. Додина

учитель английского языка МАОУ Гимназии № 108

Е.О. Киселева

учитель английского языка МАОУ Гимназии № 108

СТРАТЕГИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Аннотация: Современная педагогика существует в состоянии множественных парадигм, каждая из которых имеет свои особенности и применимость в зависимости от образовательного контекста. Авторы данной работы подчеркивают, что такая множественность позволяет более полно и гибко адаптировать образовательные практики к требованиям времени и потребностям обучающихся. Ключевыми концепциями статьи являются четыре ведущих парадигмы образования: когнитивная, личностно-ориентированная, функционалистская и культурологическая. Каждая из них отвечает на специфические вызовы современности и обеспечивает различный подход к обучению и воспитанию. Статья также описывает реализацию проектной деятельности на примере проекта "Путь к мастерству", внедренного в гимназии и направленного на развитие практических навыков через интерактивные методы обучения на уроках английского языка. Это подчеркивает актуальность системного подхода к образованию, учитывающего как индивидуальные, так и групповые особенности учащихся в контексте их личностного и социального развития.

Ключевые слова: Современная парадигма педагогической деятельности, парадигмальные подходы в образовании, интерактивные методы обучения, проект, жизненные ценности и нравственные установки обучающихся, творческие способности.

Современная парадигма педагогической деятельности в широком смысле этого понятия включает в себя целый ряд аспектов, которые напрямую не всегда бывают связаны с собственно учебным процессом. Новые требования к профессиональным навыкам обучающихся и обучающихся выдвигают сущностно-новые направления и комбинации ранее существующих сфер учебной, воспитательной

и научно- методической деятельности. Так, Голосова С.В. и Федоренко Л.П. в своей статье «Основные парадигмы современной педагогической науки», размышляя об основных тенденциях направленности современного образования, пишут, что «В современной педагогике парадигмы существуют параллельно, не исключая друг друга. В образовании нет и не может быть исключительной парадигмы, а четкое разделение парадигм происходит только в теоретическом плане»¹.

Само понятие «парадигма» было введено американским историком и философом науки Томасом Куном в работе «Структура научных революций» во второй половине XX века. Кун пишет в книге, что «парадигма – это принятая модель, эталон, образец...»². Уже тогда это понятие вызывало много споров и противоречивых высказываний в собственно научном сообществе. На данном этапе развития науки в разных направлениях профессиональной деятельности термин «парадигма», несмотря на некоторые противоречия, плотно вошёл в терминологический аппарат.

Эксплицируя различные парадигмальные подходы в образовании на современном этапе развития, исследователи Голосова С.В. и Федоренко Л.П. заявляют следующее: «В современной педагогике выделяют четыре ведущих парадигмы образования: когнитивная, личностно-ориентированная, функционалистская, культурологическая»¹. Бесспорно, все они ярко представлены в различных научных школах и имеют различные доминанты теоретических постулатов.

В настоящее время все уровни системы образования опираются в своей деятельности на Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 N 1642 (ред. от 08.12.2023) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования".

Здесь прописаны основополагающие принципы Российского образования: «К числу основополагающих принципов государственной политики в сфере образования относятся обеспечение единства образовательного пространства на территории страны, сохранение и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства, а

также государственные гарантии уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения, которые обеспечивают федеральные государственные образовательные стандарты.»²

Согласно Постановлению Правительства РФ от 26.12.2017 N 1642 (ред. от 08.12.2023) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования» стратегические цели образования тесно связаны с проблемами развития российского общества. В данной концепции приоритетной задачей системы образования является воспитание социально-активных молодых людей - патриотов России, образованных, ответственных, высоконравственных граждан правового демократического государства, небезразличных к судьбе своей Родины.

Данная задача нашла свое отражение и в Федеральных образовательных стандартах основного общего образования, который представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основной образовательной программы основного общего образования³. Стандарт ориентирован на становление личностных характеристик выпускника. Это социально активный молодой человек, любящий своё Отечество, осознающий ценности семьи и общества, мотивированный на получение новых знаний, способный применять полученные знания на практике.

Опираясь на цели и задачи, поставленные нашим государством перед преподавателями в рамках образования и воспитания молодого поколения, в 2024-2025 учебном году в Гимназии № 108 им. В.Н. Татищева для обучающихся 5-х классов был запущен пилотный годовой проект «Путь к мастерству» в рамках образовательного предмета «Английский язык». Основной целью данного проекта стало формирование практических навыков и умений через различные формы работы с применением различных интерактивных методов обучения на уроках английского языка.

Приступая к разработке проекта «Путь к мастерству», мы постарались учесть особенности развития восприятия информации и специфику воспитательного процесса этого возрастного периода. Мы постарались учесть, что обучающиеся в этот период вступают в так называемый кризис идентичности, в ходе формирования которого у них начинает оформляться новое, более осознанное представление о себе, как о взрослеющем человеке.

В этот возрастной период достаточно ярко проявляют себя выраженные телесные изменения в организме и происходят ощутимые эмоционально-волевые перемены в психике ребёнка. В связи с этим происходит сдвиг в самооценке подростка. Именно в этот период особенно важно дать возможность ученику проявить себя в сферах, которые раньше, возможно, ему были не совсем интересны, либо, наоборот, очень ему близки. Самооценка ребёнка в данный период всё меньше зависит от учебных успехов и всё больше — от того, как его ценят и принимают. Пятиклассники, переживая период адаптации к новым учебным условиям, в числе которых можно назвать увеличение количества предметов, увеличение количества преподавателей, увеличение количества часов, которые обучающийся должен проводить в здании школы, переходят на более высокий уровень самостоятельности. Кроме того, в этот период происходит пере моделирование дружеских взаимоотношений, коррекция социальных норм поведения и укрепление нравственных ценностей и идеалов.

Именно поэтому в рамках предмета «Английский язык» мы поставили не только образовательную цель – обучить ребёнка разным видам коммуникации на иностранном языке, не только воспитательную цель – привить/подкорректировать жизненные ценности и нравственные установки обучающихся, но и поставили стратегическую цель – умение ученика ориентироваться в учебно-воспитательном пространстве, чтобы вывести эти закреплённые навыки в дальнейшую жизнь.

Мы прекрасно осознавали, разрабатывая этот проект, что все дети не только, индивидуальны, но и то, с какими сложностями они сталкиваются, зависит от физиологических особенностей ребёнка, социального развития, семейной

ситуации. Мы предположили, что данный проект может плодотворно повлиять на развитие у детей таких навыков, как умение взаимодействовать в коллективе, умение анализировать и интерпретировать информацию. Всё это смогло бы повысить уверенность в собственных силах, сформировать навыки критического мышления, повысить мотивацию к получению новых знаний и умений, а также сформировать такие личностные качества, как ответственность, инициативность, самостоятельность.

В МАОУ Гимназия № 108 рабочая программа построена на учебниках Spotlight («Английский в фокусе») под редакцией Ваулина Ю.Е., Дули Д., Подоляко О.Е. и др. издательства «Просвещение». Данный учебник включен в перечень Министерства образования и науки РФ. Отличительной особенностью УМК является модульное построение учебника, наличие аутентичного материала о России, заданий, соответствующих требованиям международных экзаменов, готовящих постепенно к Государственной итоговой аттестации учащихся в 9 классе⁴.

Стоит отметить, что в серии учебников Spotlight показано гармоничное сочетание коммуникативно-когнитивного, личностно-ориентированного и деятельностного подходов к обучению иностранному языку. Данные подходы отвечают возрастным и индивидуальным особенностям школьников, а также способствуют реальным возможностям учащихся при организации работы по развитию способов деятельности. Это действует в полном соответствии с основополагающим для Федеральных государственных образовательных стандартов системно-деятельностным подходом, который обеспечивает формирование готовности личности к саморазвитию и непрерывному образованию; проектирование и конструирование социальной среды развития обучающихся в системе образования; активную учебно-познавательную деятельность обучающихся; построение образовательного процесса с учётом индивидуальных возрастных, психологических и физиологических особенностей обучающихся⁵.

Учебник Spotlight для 5 класса состоит из 8 тематических модулей. В каждом модуле предусмотрен раздел Culture Corner, в котором представлен материал лингвострановедческого характера. Данные разделы охватывают широкий спектр тем о России: от праздников и традиций до повседневной жизни. Так как изучение культуры неотъемлемо от изучения языка, то именно культурные аспекты влияют на использование языка в различных реальных условиях, определяя формы приветствия, благодарности и манеры общения.

В рамках проекта «Путь к мастерству» каждый ученик 5 класса самостоятельно заводит тетрадь Portfolio, где в течение учебного года он выполняет различные задания из раздела Culture Corner. Сами задания так и называются «Portfolio»; они направлены на постоянное саморазвития молодого поколения, развитие национальной идентичности, становления самосознания личности ученика.

Данные задания выполняются учащимися через различные формы работы, такие как индивидуальные и групповые, используя коммуникативные и интерактивные методы работы, такие как метод проектов, проблемный метод, исследовательский метод и другие.

На экране представлена табличка с темами модульных разделов Culture Corner, а также методы работы и формы работы, применяемые при их выполнении.

Мо- дуль	Тема культуры страны изучае- мого языка	Тема культуры родной страны	Метод ра- боты	Форма работы
1	Школы в Англии	Система образова- ния в России	Индивиду- альная ра- бота	Блиц-игра
2	Сувениры Брита- нии	Сувениры России	Групповая работа	Интеллек- туальный марафон

3	Типичный английский дом	Типичный дом в России	Индивидуальная работа	Видео-экскурсия по своей квартире («Рум-тур»)
4	Британская королевская семья	Известная личность в моей школе	Парная работа	Интервью
5	Пушистые друзья	Животные России	Индивидуальная работа	Заполнение fact file
6	Известные достопримечательности Великобритании	Известные достопримечательности России	Индивидуальная работа	Написание email
7	Климат Аляски	Климат на Урале	Групповая работа	Исследовательский проект
8	День Благодарения: национальная кухня	Кухня России	Индивидуальная работа	Ток-шоу «Моё любимое блюдо»

Все предложенные по конкретным темам задания дети выполняли в рамках домашнего задания в качестве закрепления лексико-грамматического материала. Хотелось бы отметить тот факт, что задания Portfolio выходят за рамки учебного кабинета и погружают учащихся в привычную для них атмосферу использования личных бытовых навыков и интернет-пространства. В результате проделанной работы по каждому этапу раздела Portfolio учащиеся представляют свои работы

в индивидуальных тетрадях – портфолио, а затем происходит обсуждение проделанной работы. Отработка навыков самостоятельной работы с использованием ранее изученной лексики, фонетики и грамматики иностранного языка организована с учётом разнообразных жизненных ситуаций в контексте культуры родной страны.

Изучив в Модуле №1 в разделе «Культурология» тему «Образование в Англии», обучающемуся было предложено выполнить задание в тетради - портфолио следующее задание: нарисовать небольшую диаграмму о системе образования в России, используя любую доступную информацию. Кто-то сделал задание в формате слайд-презентации, кто-то в виде аппликации или рисунка в тетради. Задание нашло отклик у детей, так как при его выполнении каждый ребенок мог проявить свои творческие способности, либо навыки работы с компьютером в сети Интернет. В итоге каждый ученик глубже овладел информацией по уровням образования в Англии и России и подготовил ряд вопросов по этой теме. В финале этого урока была проведена блиц-игра среди мини-команд на знание особенностей различия в системах образования в Англии и России.

В Модуле №2, изучив тему «Путешествие по Великобритании», ученикам было предложено поработать в группе над небольшим творческим проектом. Нужно было нарисовать карту России и подготовить небольшую информационную карту, какие сувениры можно привезти из разных регионов страны. Дети проявили активное участие, заинтересованно работая в командах. Групповая форма работы позволяла продемонстрировать знания и опыт каждого ребенка, а также перенять опыт своих сверстников. В результате собранной информации был проведён «Интеллектуальный марафон», который позволил обучающимся закрепить ранее полученный, либо самостоятельно найденные знания в рамках темы «Сувениры России». Оказалось, что дети смогли выстроить параллели не только с английскими и российскими сувенирами, но и сопоставить исторические и географические знания в этом направлении.

В Модуле №3, изучив тему «Типичный английский дом», учащимся предстояло выполнить следующее задание - записать видео-экскурсию («Рум-тур»)

по своему дому/квартире. Дети подошли к этому заданию с энтузиазмом, так как такой формат работы предполагает объединение игровых элементов и образовательного контента и делает процесс обучения более увлекательным и интерактивным. Для создания видео-экскурсии по дому или квартире можно использовать специальные приложения для видеомонтажа. Некоторые из них: Speechify Studio (Этот онлайн-инструмент предлагает настраиваемые шаблоны, создание фоновой музыки, использование определённых шрифтов, переходы, озвучки с ИИ (искусственным интеллектом) и другие функции для редактирования видео. Можно использовать бесплатные шаблоны или начать проект с пустого холста) и Filmora Wondershare (Универсальный инструмент для видеомонтажа, который подходит уже профессионалам. Здесь тоже можно выбрать шаблон, добавить отснятый материал и создать видео за несколько минут. В этом редакторе есть функции для добавления текста, элементов брендинга, музыки и озвучки, а также для добавления переходов и эффектов). В данную работу с удовольствием подключились и родители обучающихся, так как смогли проявить свои профессиональные качества и провести дополнительное время со своим ребёнком не просто спрашивая домашнее задание, а творчески осмысливая процесс создания красивого, информативного видео с озвучкой на английском языке. Ученикам были предложены соблюдение некоторых правил:

- Все снимки должны иметь одинаковую ориентацию в пространстве
- Снимать панорамы сверху нужно с одной высоты
- Важно следить, чтобы в кадр не попадали фотограф и съёмочное оборудование
- Разрешение у всех панорам должно быть одинаковым

Так, дети научились правильно работать с заданными техническими параметрами, что вызвало интерес не только у мальчиков, но и у девочек.

В Модуле №4 в разделе Culture Corner учащиеся познакомились с информацией о Британской королевской семье. В рамках задания Portfolio в учебнике дети должны были выполнить следующее задание: описать известную личность в России и нарисовать постер. Однако пятиклассникам было предложено иное,

более приближенное к их реальной жизни, задание: взять интервью у популярных людей в школе. Это могли быть их одноклассники, успешные, например, в музыке или спорте, ребята из союза старшеклассников, учителя и администрация гимназии. Мы попытались с ребятами создать аутентичные разговорные контексты, имитирующие реальные ситуации общения, что имело своей главной целью повышение мотивации к разговорному варианту языка и их вовлеченность в изучении иностранного языка. В итоге были созданы разные интервью, которые получились очень живые и непосредственные. Дети под руководством руководителя корректно проработали тематику вопросов, обсудили разницу в стилях общения с разными категориями опрошенных. Ученики с большим удовольствием просмотрели свои видео-работы на последнем занятии по данной теме.

В Модуле №5 после прохождения темы «Пушистые друзья» учащиеся заполнили предложенный в разделе fact file о популярном животном в России. Пятиклассники написали небольшую заметку объёмом 60 слов, а также оформили свою работу в виде рисунка с добавлением аппликации. Преимущество данного задания состояло в том, что учащиеся активно были вовлечены в исследовательский процесс, который непосредственно помог им в поиске, усвоении и запоминании конкретной информации о зверюшках с использованием пройденной лексики на английском языке. В результате дети представили чудесные описания животных, добавив в свои письменные сообщения исследовательский компонент в виде поиска определённой информации и составления аргументированных доводов. При этом следует отметить, что повторений в выборе животных практически не было. Каждый обосновал, что именно им выбранное животное является самым популярным на территории Российской Федерации.

В Модуле №6 мы изучали известные достопримечательности Англии, поэтому в качестве закрепления материала детям было предложено написать электронное письмо объёмом 60 слов. В процессе работы над email формируются не только навыки письма, но и логические рассуждения, анализ, дискуссии, интерпретация информации, обобщения, построение высказывания и его дальнейшая трансформация. В рамках задания проекта «Portfolio» ученики обратились за

изучением достопримечательностей России. Кто-то вспомнил свой отпуск, проведённый в кругу семьи, кто-то нашёл в интернете интересную информацию и захотел ею поделиться с классом. Интересно, что несколько детей даже предложили свои маршруты по неизвестным ещё местечкам Урала, куда они периодически выезжают со своими родственниками или знакомыми.

Модули №7 и 8 дети прошли темы «Погода и климат страны изучаемого языка», а также затронут «Национальная кухня Британии». Мы предложили детям выполнить творческие проекты и провести итоговое ток-шоу, фокусируясь на аспектах российской культуры в соответствии с изучаемой тематикой.

В качестве подведения итогов по теме Culture Corner во второй половине мая 2025 года было запланировано итоговое занятие, которое разработано с помощью интерактивного метода ролевой игры. В данном занятии по единому разработанному сценарию учащиеся еще раз повторяют и закрепят пройденный в течение года лексико-грамматический материал по английскому языку, выведут изученный словарный запас из «пассивного» состояние в «активное», потренируют восприятие иноязычной речи на слух. Всё это будет способствовать формированию активных речевых навыков, повысит мотивацию к изучению английского языка в целом.

Рассмотрев все разделы, которые пройдены на данный момент (март 2025 года) и опросив учащихся, наибольший интерес у школьников вызвали задания с использованием интерактивных методов обучения, такие как видео-экскурсия «Рум-тур» и интервью. Ярким примером применения вовлечения в внеурочную деятельность стало участие в школьном подкасте. Особой темой, к которой дети особенно прониклись, стала тема «Пушистые друзья». Эта работа повлияла на повышение социальной активности школьников и их активное участие в добровольческих волонтерских акциях, таких как «Согрей теплом», «Заботливые руки», когда дети мастерили кормушки для птиц и белок дендрария города Екатеринбурга, а также принимали непосредственное участие в акции «Помоги хвостатому другу», организованной в поддержку приютам и передержкам, в которых содержатся животные.

Подводя итоги проекта «Путь к мастерству» необходимо сказать, что он обеспечивает связь содержания академического обучения с реальными жизненными ситуациями и актуализирует личный опыт обучающихся. Ученик становится активным субъектом образовательного процесса, который приобретает деятельностьную направленность, а это, в свою очередь, определяет и современные технологии обучения, например метод проектов, интервью, ролевые игры, использование технологий и онлайн платформ. Результатом такого процесса обучения должно стать формирование компетентного пользователя иностранного языка, готового осознанно и с желанием участвовать в диалоге и полилоге культур в современном развивающемся мире⁵.

В ходе работы над разработкой этого проекта авторы Додина О.Л. и Киселёва Е.О. в основу своей деятельности заложили стратегический подход к педагогическим результатам проделанной работы с целью осмысления своей деятельности не только в рамках одного-двух уроков, а целого блока занятий, который длится целый учебный год и имеет своё логическое продолжение на следующей ступени обучения.

Дети смогли в ходе реализации данного годового проекта, используя знания и навыки иностранного языка, проигрывать разные социальные роли, сделать визуальную проекцию того, что их окружает в реальной жизни, а также создать проекцию видимого будущего через современные виды связи и получая навыки взаимоотношения с искусственным интеллектом. Интеграция различных методических подходов имела системообразующий фактор в своей основе, что послужило созданию полноценного проекта у каждого обучающегося, а также возможности самовыражения и, возможно, определение своих возможных профессиональных интересов в будущем. Так, один из учеников понял, что ему интересно заниматься животными. Другой осознал, что ему интересны современные средства связи и программы обработки информации для «Рум-тура». Кто-то просто смог рассказать о себе, не стесняясь и получить одобрение учителя и одноклассников в течение учебного года.

Обучающиеся гимназии, проживая индивидуальный опыт и осознавая значимость достигнутых за год результатов, пришли к личной глубинной осознанности и к пониманию многогранности своей жизни даже на уровне своего года обучения. Координаты нравственного выбора стали более очевидны и возникла потребность продолжить этот опыт в дальнейшем.

Бесспорно следует отметить, что в течение реализации проекта «» постоянно проходила нюансировка целей и задач с целью достижения наилучших результатов у детей.

Алексеев Николай Алексеевич в своей работе «Педагогические основы проектирования личностно-ориентированного обучения» писал: «Современный этап развития дидактики характеризует повышенная чувствительность к технологии обучения. Всё чаще педагогическая технология интегрируется как авторская система педагогической работы». Авторы проекта «Portfolio» попытались создать работу с элементами авторской системы с целью раскрытия потенциала каждого обучающегося в классах⁷.

Голосова Светлана Викторовна и Федоренко Людмила Петровна в статье «Основные парадигмы современной педагогической науки» рассуждают, что «Образовательная парадигма – это совокупность теоретических и методических предпосылок, определяющих конкретные действия педагога в различных видах образовательной деятельности, предпосылок, которыми он руководствуется в качестве образца действия». Получается, что, выстраивая свою педагогическую парадигму через реализацию ежегодного проекта «Portfolio», мы в результате внедрения индивидуально-личностного подхода достигли поставленной цели сформировать грамотного молодого человека, который обладает определёнными профессиональными и нравственными качествами. В ходе систематизации знаний у обучающихся начал формироваться навык работы с портфолио. Именно этот навык, затрагивая различные формы работы и обрабатывая разнородный по изложению и оформлению материал, пригодится им в будущем, так как составление портфолио – это неотъемлемый компонент современного образованного человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голосова С. В., Федоренко Л. П. Основные парадигмы современной педагогической науки //Концепт. – 2016. – №. S3. – С. 36-40.
2. Кун Т. Структура научных революций. – Рипол Классик, 1975.
3. <http://government.ru/docs/all/115042/> (дата обращения; 20.05.2025)
4. <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения; 23.05.2025)
5. https://prosv.ru/product/angliiskii-yazik-5-klass-uchebnik01/?ysclid=m8sa0km3yw231045887&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения; 20.05.2025)
6. Книга для учителя к учебнику Spotlight 5 класс под редакцией Ваулина Ю.Е., Дули Д., Подоляко О.Е. и др. издательства «Просвещение», 2023 г.(chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://psv4.userapi.com/s/v1/d/Rn2G4FFnGIq4cXJgQ7b6HPF4mxQsDG_sF0sZ190v08wqlqu2IdbjXeJUd0bQ7mTh2kTcw2NFRUEqF7fhFpP4GcPuCLP-3b_PZ6kmYGyC7PJDiqb4/ba7f9b5dcb.pdf)
7. <https://englishmore.ru/others/kulturnye-aspekty-v-uchebnikah-spotlight>
8. Алексеев Н. А. Педагогические основы проектирования личностно ориентированного обучения: дис.... д-ра пед. наук. – 1997.

УДК 340.13

А.Ю. Кондратьев

Сотрудник

Московский психолого-социальный университет, г. Москва, РФ

ЧЕЛОВЕК В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: В статье рассматривается феномен человека в правоприменительной деятельности через призму психологической структуры профессиональной деятельности адвоката и этических оснований его решений. Показано, что эффективность защиты определяется не только правовой компетентностью, но и эмоционально-волевой регуляцией, коммуникативными навыками и нормами профессиональной этики. Обосновывается необходимость интеграции психологических и этических подходов в подготовку и практику адвокатов.

Ключевые слова: человек; правоприменение; адвокат; профессиональная этика; психологическая компетентность.

Введение

Современное правоприменение фиксирует поворот к человекоцентричной парадигме, в рамках которой субъект процесса — участник правоотношений — рассматривается не только как носитель прав и обязанностей, но и как личность со своими мотивами, ценностями и психологическими особенностями. Для адвоката эта перспектива принципиальна: качество защиты опосредовано способностью учитывать человеческий фактор на всех этапах дела — от первичного интервью до построения правовой позиции и участия в судебном разбирательстве. При этом профессиональная этика выступает механизмом, ограничивающим и направляющим применение психологических инструментов так, чтобы они служили интересам доверителя и справедливости [1].

Философско-правовые основания человекоцентричности

Философия права трактует право как социальный регулятор, укоренённый в ценностях достоинства, свободы и справедливости. В этой оптике человек — не средство для достижения процессуальных целей, а первичная ценность, определяющая границы допустимого в правоприменении. Этический императив уважения к личности соотносится с принципом добросовестности и запретом злоупотребления правом. Для адвоката это выражается в отказе от манипулятивных практик, подрывающих автономию доверителя или вводящих в заблуждение суд

и участников процесса, а также в признании приоритета прав клиента при соблюдении закона и профессиональных стандартов [2].

Психологическая структура деятельности адвоката

Профессиональная деятельность адвоката включает когнитивные (анализ фактов, правовая квалификация, прогнозирование рисков), аффективные (управление эмоциями, стрессоустойчивость) и поведенческие компоненты (коммуникативные стратегии, переговоры, выступление в суде). Исследования психологии профессий показывают, что устойчивые результаты демонстрируют специалисты с развитой рефлексией, эмпатией и навыками эмоциональной саморегуляции. Для адвоката критичны техники активного слушания, формулирования открытых вопросов, структурирования рассказа клиента, а также умение распознавать когнитивные искажения — свои и оппонента (например, подтверждающее смещение, эффект якоря). Эти навыки снижают риск ошибочных решений и усиливают доказательственное повествование [3].

Этика и пределы допустимого влияния

Использование психологических техник в правовой практике допустимо постольку, поскольку оно не нарушает автономию субъекта и не деформирует волеизъявление. Грань между этичным убеждением и недопустимой манипуляцией проходит по критериям информированности, добровольности и отсутствия злоупотребления уязвимостью лица. Профессиональные кодексы предполагают приоритет интересов доверителя, конфиденциальность и запрет на конфликт интересов. Практическая задача адвоката — строить коммуникацию так, чтобы укреплять способность доверителя к осознанным решениям, а не подменять их собственным желанием «правильного» исхода [1; 2].

Коммуникативные стратегии и судебная риторика

Риторическая деятельность адвоката — это управляемая коммуникация, ориентированная на суд как на аудиторию с определёнными ожиданиями и регламентами. Эффективность риторики обеспечивается связностью нарратива дела, ясностью правовых тезисов и опорой на факты, представленные в логической последовательности. Психологический компонент включает управление

вниманием (сигналинг ключевых положений), управление когнитивной нагрузкой (простота формулировок, структурирование текста и речи), а также калибровку эмоционального тона выступления. Нейтральная, уважительная и эмпатичная подача обычно повышает доверие к позиции стороны [3].

Профилактика профессионального выгорания

Психологические нагрузки — один из главных рисков профессии: высокая ответственность, дефицит времени, частые конфликтные взаимодействия. Профилактика выгорания включает организацию рабочего времени (тайм-менеджмент, делегирование), практики восстановления (сон, физическая активность, супервизии/интервизии), развитие навыков эмоциональной саморегуляции (дыхательные и когнитивно-поведенческие техники). Этическое измерение здесь состоит в том, что забота о профессиональной пригодности — часть обязанностей перед доверителем и судом: истощённый специалист хуже соблюдает стандарты качества и этики [4].

Интеграция психологической и этической компетентности в подготовке адвокатов

Учебные планы юридических программ всё чаще включают курсы по правовой этике, медиации и юридической психологии. Практико-ориентированные методы — моделирование допросов и судебных прений, кейс-стади, ролевые игры, клиники права — позволяют формировать у студентов навыки этичной коммуникации, рефлексии и работы с эмоциями. В профессиональном сообществе востребованы супервизии, наставничество и программы непрерывного образования, сочетающие правовые и психологические модули [2; 5].

Заключение

Человекоцентричная перспектива в правоприменении требует соединения правовой, психологической и этической компетентности. Для адвоката это означает: (1) признание автономии и достоинства доверителя; (2) сознательное использование психологических инструментов в границах профессиональной этики; (3) развитие навыков коммуникации и эмоциональной регуляции; (4) про-

филактику выгорания как элемент профессиональной ответственности. Комплексный подход повышает качество юридической помощи и укрепляет доверие к правосудию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс профессиональной этики адвоката. – М., актуальная редакция.
2. Алексеева Л.Б., Алексеев С.С. Этика юриста: учебное пособие. – М.: Юрайт.
3. Романов А.В. Психология юридической деятельности: учебник. – М.: Норма.
4. Маслач К., Лейтер М. Выгорание в организациях: как распознать и преодолеть. – СПб.: Питер.
5. Хазова С.А. Психологическая компетентность юриста: монография. – М.: Проспект.

УДК 341

О. Ю. Латышев

доктор философии в филологии, п.д.н., к.филол.н., действительный член МАС, МАЕ, ЕАЕ, ISA, МОО АД ЮТК, член-корр. МАПН, профессор университета «Сайпресс», США, профессор РАЕ, президент, Международная Мариинская академия

имени М.Д. Шаповаленко, г. Москва, Россия

П. А. Латышева

почетный доктор наук, исполнительный директор, Международная Мариинская академия

имени М.Д. Шаповаленко, г. Москва, Россия

М. Э. Радаэлли

м.н, глава национального отделения Италии ИМА, почётный вице-президент, Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, г. Парма, Италия

М. Луисетто

*д.ф.н., почетный вице-президент, Международная Мариинская академия имени
М.Д. Шаповаленко, г. Пьяченца, Италия*

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЯХ В СВЯЗИ С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ ЛОКАЛЬНЫХ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация: Данная работа направлена на изучение прав человека, которые подвергаются многочисленным нарушениям в локальных вооружённых конфликтах. Целью работы является анализ теоретических и практических проблем, возникающих в области прав человека в локальных вооружённых конфликтах, реализуемых в сфере взаимоотношений международных и национальных норм в правовой системе.

Ключевые слова: право, концепция, человек, вооружённый конфликт, международное право, национальные нормы.

The relevance of this work stems from the high significance of international legal instruments, as well as their relationship with existing national norms and the possibility of determining the priority of international norms over national norms in the area of human rights violated in local armed conflicts. Many scholars have expressed themselves quite clearly in this area regarding the relationship between international instruments and domestic norms, but this issue remains highly relevant.

On the contrary, this issue is becoming increasingly important each year, amid the development of new problems and the formulation of additional tasks in the area of restoring human rights violated in local armed conflicts. . The object of this study is social relations arising from the interaction of international and national (domestic) human rights law in local armed conflicts.

The subject of this work is the relationship between international and national (domestic) human rights law violated by the initiators of local armed conflicts.

Theoretical and methodological foundations of the work. In preparing this master's thesis, the author drew on advances in global legal thought, the works of contemporary Russian and foreign researchers, and specialists in the theory of international and national law.

These include the works of R. S. Adinaevich, S. B. Amiralievich, A. Kh. Abashidze, R. T. Shamson, S. S. Alekseev, V. V. Aleshin, I. N. Artsibasev, L. I. K. Bakaev, V. A. Batyr, I. P. Blishchenko, A. Bouvier, V. G. Butkevich, A. S. Gaverdovsky, and H.-G. Gasser, E. David, S. A. Egorova, K. Zakharyeva, A. I. Zybailo, G. V. Ignatenko, V. Yu. Kalugina, A. Ya. Kapustina, V. A. Kartashkina, S. B. Klimenko, Yu. M. Kolosova, I. I. Kotlyarova, I. I. Lukashuk, S. Manuel, N. V. Mironova, P. A. Mulerson, S. E. Nakhlik, L. V. Pavlova, U. Palvankara, J. Pictet, V. V. Pustogarova, I. Sando, M. A. Sarsembayeva, M. Sassoli, K. Svinarski, A. N. Talalaeva, G. M. Tansykbaeva, B. R. Tuzmukhamedova, G. I. Tunkina, E. T. Usenko, I. V. Fisenko, M. O. Khaitova, R. T. Khakimova, S. V. Chernichenko, A. A. Chicherina and others. The research methods used in this paper are:

The inductive method, whose characteristic feature is that knowledge obtained through inductive reasoning is always probabilistic rather than definitive. The inductive method is based on the development of a hypothesis for solving problems arising in the context of the relationship between international and national law.

The deductive method, the opposite of the inductive method of research, aims to obtain specific knowledge from general knowledge. A dialectical approach to organizing the study of the relationship between international and national legal norms in local armed conflicts represents a set of specific rules and principles that enable a qualitative and comprehensive study of the norms of international and national law and their mutual influence.

The analytical method allows for a detailed study of the foundations and ways in which international and national law interact with each other in the area of law in local armed conflicts. This study will analyze the degree of interconnectedness between domestic law in local armed conflicts and international law, focusing on individual branches of law and their interaction with international norms.

A highly specialized method for studying the nature of legal processes and phenomena allows for the analysis and selection of legal norms within which a mechanism for implementing this study is constructed. This study is aimed at addressing specific objectives and problems in national or international documents aimed at implementing rights in local armed conflicts.

Specific scientific and specialized methods, when combined, allow for the development of theoretical concepts about the state and law. Using specific scientific methods makes it possible to analyze legal and regulatory acts in the field of human rights in local armed conflicts. Their application also allows for the study of specific branches of law and their relationships with international norms, identifying conflicts, and formulating solutions to the objectives of this study. The comparative legal method allows for the comparison of a set of similar legal concepts, phenomena, and processes in the field of human rights in local armed conflicts in order to identify fundamental differences between them.

Special legal methods are used in this study to examine various legal concepts and constructs in the field of human rights violated in local armed conflicts. These may include, for example, concepts such as the mechanism for legal regulation of rights in local armed conflicts, legal contracts, legal entities, the elements of a crime, etc. This set of methods is primarily intended to facilitate the development of a mechanism for legal regulation of national and international norms for the restoration of rights violated during military operations.

The comparative legal method (comparativism) is a method of examining state and legal phenomena in which the state and law of a given country are compared with the state and law of other countries in terms of their general characteristics and the specific features of their organization, structures, functions, etc. This paper is based on this method, as the research examines the relationship between international law and national human rights norms that are violated in local armed conflicts. As part of the comprehensive coverage of the topic outlined in this study, it also seems appropriate to identify typological convergences between the legal frameworks of individual states in the area of human rights in local armed conflicts and the international legal system.

The systems method utilizes a set of general scientific methodological principles and research methods, based on a focus on the revealed integrity of the object as a system. The systems method very well characterizes the object of social relations as a separate system requiring special attention. Inevitable contradictions, which in certain aspects arise between the norms of national and international human rights law in local armed conflicts, are encountered in many states. It is possible to study and resolve the pressing problem of resolving these contradictions through a systemic examination of problems in national and international law, since the systems method presents this problem as a separate system requiring a special solution. The scientific novelty of this study lies in its comparison of national and international legal norms in the field of human rights in local armed conflicts, in their most current versions, as well as new legislative acts at both levels.

The practical significance of the findings. The results of the research conducted within this work are based on the possibility of addressing human rights issues arising in local armed conflicts with international norms at a scientific and doctrinal level.

The material in this work can be used in the development of curricula and specialized courses for undergraduate and graduate students at higher education institutions examining human rights in local armed conflicts, focusing on the relationship between international legal norms and the legal norms of various countries. Concurrently, the results of this study can also be used in the development of legislation implementing international norms and the laws of individual states on human rights in local armed conflicts.

This work takes into account all legal aspects and conditions under which the ratification of international treaties or agreements becomes possible, taking into account the traditions and culture of specific states, as well as the level of understanding of human rights in local armed conflicts among their citizens. The hypothesis of this study is that, provided that the problems of discrepancies that inevitably arise between the norms of national and international law in the field of human rights in local armed conflicts are resolved in a timely and comprehensive manner, it will become possible

to form a legal culture among citizens of various countries of the world and fundamentally increase their level of understanding of these legal norms.

The first, most tangible reason for the emergence of international humanitarian law was the need to improve the condition of wounded soldiers, and at the same time, sick soldiers who contracted their illnesses or exacerbated their pre-existing illnesses during the land war in 1864. This time is considered the date of the birth of humanitarian law, with the signing of the "Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of Wounded and Sick Soldiers in Land Warfare," as reported by Nils Melzer and Ethier Kuster [1].

Since 1864, the international community has developed and adopted numerous additional conventions and treaties that significantly expand and enrich the content of the text of the "Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of Wounded and Sick Soldiers in Land Warfare," the essence of which was to limit the consequences of armed conflicts. For example, according to the content of this documentation, parties to a conflict, as Nils Melzer and Ethier Kuster point out, are limited in their choice of methods and means of conducting combat.

This is due to the international community's conviction that weapons that cause completely unnecessary losses or unnecessary suffering are completely and permanently prohibited by international humanitarian law. Another historical reason for the emergence and development of humanitarian law was the adoption in 1868 of the St. Petersburg Declaration prohibiting the use in war of certain explosive projectiles weighing less than 400 grams.

As the title of this document suggests, its signing took place in St. Petersburg at the initiative of the leadership of the Russian Empire. It should be noted that this Declaration was the first international treaty to completely prohibit the use of certain types of weapons in military operations. The conference at which this Declaration was signed took place, as previously reported, in 1868 in St. Petersburg. Participants in this historic event in the development of humanitarian law included representatives from Austria, Bavaria, Belgium, Denmark, Great Britain, Württemberg, Greece, Italy, the

Netherlands, Persia, Portugal, Prussia, Russia, Turkey, France, Switzerland, Sweden, and Norway [2].

Representatives of these countries discussed a proposal submitted by the government of the Russian Empire, which directly addressed the issue of removing from military use some of the most destructive and painful weapons. This initiative was motivated by a clear manifestation of the principle of philanthropy, which in this case consisted of limiting, as far as possible, the scale of all the disasters traditionally brought about by war. The direct goal of this humanitarian initiative was also to prohibit the use of certain types of weapons that cruelly aggravate the suffering of military personnel, as well as civilians in war zones, from injuries caused by these types of weapons without providing any tangible benefit to achieving the goals of the war.

In an effort to express a feeling of sincere gratitude to all the aforementioned participants of the St. Petersburg Conference on behalf of the Russian Empire after the adoption of the Declaration, the Russian Minister of War, Adjutant General Milyutin, addressed the assembled with the following words: "Although this undertaking is very modest in comparison with the scale of the armament being carried out everywhere, it serves as visible evidence of the unanimous desire of the powers to alleviate, as far as possible, the suffering caused by wars" [3].

The aforementioned Declaration, in particular, contains the following words, fundamental to this historical document: "the needs of war must yield to the demands of humanity" [4]. The St. Petersburg Declaration, a direct result of the unanimous actions of a wide range of politicians from various countries, also accelerated the adoption of many other conventions, the emergence of which was prompted by the need to further regulate the conduct of military operations.

In particular, such conventions were a key outcome of the two successive Peace Conferences held in The Hague in 1899 and 1907, where the goodwill of politicians from various countries was once again consolidated. Another key reason for the emergence of international humanitarian law was the establishment of such an important and essential organization as the International Committee of the Red Cross (ICRC).

This organization is now commonly referred to as the guardian of international humanitarian law. To celebrate the 140th anniversary of the adoption of the aforementioned declaration in St. Petersburg, the International Committee of the Red Cross, in collaboration with the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States (CIS), organized an International Conference at the Tauride Palace in St. Petersburg on November 24, 2008.

This significant event in the life of international peacekeepers The event was dedicated to this significant date in the history of the development of international humanitarian law, as well as the regulation of the rules of war. This International Conference, in addition to the celebratory program itself, was also devoted to the analysis and identification of the most pressing issues in the implementation of international law.

The speakers noted that the implementation of international law will repeatedly find its organic application in the local armed conflicts that constantly flare up in various parts of the world. The International Conference, through its participants, conducted a comprehensive theoretical and historical analysis of such issues as the concept of international legal standards related to the human rights relations between states engaged in armed conflict.

They also comprehensively examined the impact of international law on the situation of citizens of various states participating in local armed conflicts. This conference provided a comprehensive discussion of the relationship between international law and domestic human rights norms in local armed conflicts.

Participants in this memorable event emphasized the need to take into account the fact that the legislation of individual states lags behind the international legal framework. Speakers also repeatedly emphasized that international legal instruments governing human rights in local armed conflicts must prevail in the event of any local military action.

Each state participating in such conflicts is obligated to prioritize the content of international treaties addressing these issues over the content of relevant national norms. In the event of a conflict between international and national law, international

agreements ratified by each belligerent state must have clear precedence over national law. On this basis, the participants of the International Conference were able to assert with sufficient confidence that the UN Convention on Human Rights should take precedence over national norms with regard to human rights in local armed conflicts.

The Constitution, as the highest normative act of every civilized state, in their understanding, has already quite clearly and unambiguously defined the place of international treaties in the legal system with regard to human rights in local armed conflicts. At this event, due attention was given to the place and role of international human rights law in local armed conflicts, as well as to the embodiment of universal principles and norms of international law in the process of restoring human rights, the violation of which occurred precisely during such military actions.

Since this work is being written at a time when the Russian army is conducting a special operation on Ukrainian territory, and Ukrainian nationalists are failing to pay due attention to the norms of international humanitarian law, this may indicate that many significant preconditions exist not only for the emergence but also for the development of international humanitarian law.

Thus, based on the research conducted in the first paragraph of the first chapter of this work, it seems possible to conclude that the historical reasons for the emergence of international humanitarian law were the use by the armies of various countries of numerous weapons that cause utterly senseless destruction, disproportionate to the immediate purpose of conducting military operations.

The use of expanding and explosive bullets, as well as other weapons, inflicting unbearable pain and physical suffering not only on the enemy army itself but also on civilians caught in the middle of military operations. The historical reasons for the emergence of international humanitarian law also included numerous acts of civic responsibility, unanimously demonstrated by sensible politicians in the Russian Empire, as well as Austria, Bavaria, Belgium, Denmark, Great Britain, Württemberg, Greece, Italy, the Netherlands, Persia, Portugal, Prussia, Russia, Turkey, France, Switzerland, Sweden, and Norway. The compassion of numerous political and public figures, repeatedly shown toward the victims of military actions committed in various

territories, ultimately led to the creation of the International Committee of the Red Cross, which for many years to come became the internationally recognized guardian of international humanitarian law.

The initiatives of the Russian Empire should be cited as the formal historical reasons for the emergence of international humanitarian law. and, as well as Austria, Bavaria, Belgium, Denmark, Great Britain, Württemberg, Greece, Italy, the Netherlands, Persia, Portugal, Prussia, Russia, Turkey, France, Switzerland, Sweden and Norway to hold international conferences at which the relevant conventions were signed.

Thus, the research conducted in this paper allows us to draw the following conclusions:

The historical reasons for the emergence of international humanitarian law were the use by the armies of various countries of numerous weapons that inflict utterly senseless destruction, disproportionate to the immediate purpose of conducting military operations. The use of expanding and explosive bullets, as well as other weapons, inflicting unbearable pain and physical suffering not only on the enemy troops themselves, but also on civilians caught in the conflict zone.

Furthermore, the historical reasons for the emergence of international humanitarian law were numerous acts of civic responsibility, unanimously demonstrated by sensible politicians in the Russian Empire, as well as Austria, Bavaria, Belgium, Denmark, Great Britain, Württemberg, Greece, Italy, the Netherlands, Persia, Portugal, Prussia, Russia, Turkey, France, Switzerland, Sweden, and Norway.

The compassion of numerous political and public figures, repeatedly shown toward the victims of military actions committed in various territories, ultimately led to the creation of the International Committee of the Red Cross, which for many years to come became the universally recognized guardian of international humanitarian law.

The formal historical causes of the emergence of international humanitarian law include the initiatives of the Russian Empire, as well as Austria, Bavaria, Belgium, Denmark, Great Britain, Württemberg, Greece, Italy, the Netherlands, Persia, Portugal,

Prussia, Russia, Turkey, France, Switzerland, Sweden, and Norway, to hold international conferences at which the relevant conventions were signed.

Local armed conflicts can arise from ethnic, political, economic, religious, and numerous other causes. To avoid the possibility of local armed conflicts, each power must closely monitor the policies of neighboring powers and the place of their own interests within them. The multitude of ways to prevent and resolve local armed conflicts is beyond doubt, provided the art of diplomacy is demonstrated at a sufficiently high level. Therefore, it should be noted that, in order to maintain peace and stability in the region, all available means must be used to quell local interethnic conflicts at their infancy.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латышев О.Ю., Луизетто М. Интеграционный правопорядок в системе национального права на примере Республики Таджикистан // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Часть I. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. – 324 с. – 200 экз. ISBN 978-5-6053022-0-9 – С. 182-186.

2. Латышев О.Ю., Латышева П.А., Луизетто М. Приобретение и прекращение конституционно-правового статуса личности в цифровой телекоммуникационной среде // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III Международной научнопрактической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 2. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. EDN: OMJFVA. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0842-0_2 – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный. - С. 207-211.

3. Латышев О. Ю., Латышева П. А., Павлович С., Тадич-Леско К. Доктринальные подходы к определению конституционно-правового статуса личности в цифровой телекоммуникационной среде // Право в эпоху искусственного интеллекта : перспективные вызовы и современные задачи :

сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения», г. Тюмень, 17–19 октября 2024 г. / гл. ред. С. С. Зенин ; отв. ред. Л. В. Иванова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. — С. 31-35. — 428 с. — Текст : электронный. ISBN 978-5-400-01824-4

4. Латышев О.Ю., Латышева П.А., Павлович С. Трансформационные процессы в области правоведения в условиях цифровой телекоммуникационной среды // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов / отв. ред.: А.Л. Третьяков. — Том 12. — Москва: МПСУ, 2024. — 1740 с. — С. 1393-1397. - DOI: 10.51944/9785977010252. ISBN 978-5-9770-1025-2

УДК 159.99

И.А. Лучинин

*Аспирант кафедры психологии и педагогики филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

ЛИДЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Аннотация: в статье проведен теоретический анализ проблемы готовности российской студенческой молодежи к лидерству в условиях цифровой трансформации общества. Рассмотрены ключевые компетенции цифрового лидера и специфика их формирования в образовательной среде российских вузов.

Ключевые слова: лидерство, психология, цифровая трансформация, российские вузы.

Современный этап развития общества характеризуется масштабной цифровой трансформацией, затрагивающей все сферы жизнедеятельности, включая профессиональную и социальную. В этих условиях возникает потребность в новом типе лидеров, способных эффективно действовать в цифровой среде, управлять командами и принимать решения на основе анализа больших данных. Следовательно, студенты являются ключевым ресурсом формирования такого кадрового потенциала из-за их активной восприимчивости к инновациям и критического значения для будущего страны [4]. Однако вопрос о реальной готовности студентов российских вузов к реализации лидерских функций в цифровом контексте остается предметом научной дискуссии.

Цифровое лидерство представляет собой синтез традиционных лидерских качеств и специфических цифровых компетенций. Как отмечают исследователи, современный лидер должен не только обладать харизмой и навыками командообразования, но и быть способным к работе с цифровыми платформами, аналитике данных, пониманию основ кибербезопасности и управлению проектами в сфере информационных технологий.

Проблема готовности студентов к лидерству в цифровую эпоху носит многофакторный характер. Во-первых, это сформированность цифровой грамотности, выходящей за рамки бытового пользования средствами связи и включающей навыки программирования, анализа данных и понимания цифровых бизнес-моделей. Кроме этого, важнейшим элементом готовности выступает цифровая культура и правосознание, предполагающие ответственное поведение в цифровом пространстве, понимание правовых основ обработки информации и цифровой гигиены. Исследования показывают, что, несмотря на высокое проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь, уровень системных знаний в сфере информационных технологий у значительной части студентов остается недостаточным для комплексного решения профессиональных задач [5].

Во-вторых, ключевым аспектом является развитие т.н. «мягких навыков» (soft skills) в цифровой среде. К ним относятся цифровая коммуникация, управ-

ление виртуальными командами и киберэтика. Трансформация коммуникативных практик в сторону дистанционных форматов требует от лидера новых подходов к мотивации и сплочению коллектива.

В-третьих, не стоит забывать, что цифровая трансформация связана не только с изучением технологий и поиском способов их реализации, но, в первую очередь, с изменениями в человеческих взаимоотношениях [3]. Учитывая быстроизменяющееся положение политической, социальной, экономической и культурной сфер жизнедеятельности человека, особое значение приобретает психическая устойчивость самого лидера и его группы. Высокий темп изменений, информационная перегруженность и неопределённость цифровой среды создают повышенную психоэмоциональную нагрузку. Лидер должен не только сам обладать способностью противостоять стрессу и быстро адаптироваться к изменениям, но и уметь создавать условия для поддержания психического благополучия членов своей команды. Для студенческих групп, которые часто функционируют в гибридном или полностью дистанционном формате, эта задача становится критически важной.

В связи с этим, одной из ключевых компетенций цифрового лидера становится способность формировать и поддерживать комфортный психологический климат в группе. В условиях цифровой коммуникации, лишенной многих невербальных сигналов, риски недопонимания и социальной изоляции возрастают. Задача лидера — целенаправленно выстраивать доверие, поощрять открытый диалог, обеспечивать эмоциональную поддержку и своевременно разрешать возникающие конфликты. Создание такой атмосферы психологической безопасности в студенческой проектной группе напрямую влияет на ее креативность, продуктивность и общую эффективность совместной деятельности.

Краткий анализ образовательных программ многих российских вузов свидетельствует о наличии определенного разрыва между запросами цифровой экономики и содержанием подготовки студентов [1]. Несмотря на внедрение дисциплин, связанных с информатикой, зачастую отсутствует их интеграция с курсами по развитию лидерских качеств и управленческих компетенций. Формирование

цифрового лидера требует междисциплинарного подхода, сочетающего технологическую, гуманитарную, этическую, психологическую и управленческую подготовку.

Таким образом, готовность студентов российских вузов к лидерству в условиях цифровой трансформации можно охарактеризовать как формирующуюся. С одной стороны, студенческая молодежь обладает высоким потенциалом адаптивности и восприятия нового [2, с. 23]. С другой стороны, для достижения необходимого уровня готовности требуется целенаправленная работа по модернизации образовательного процесса, внедрению проектной деятельности, моделирующей реальные трудности цифровой экономики, и развитию университетской среды как экосистемы для выращивания лидеров нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова А.В. Вызовы для российского высшего образования: цифровая трансформация и повышение конкурентоспособности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2020. №2. С. 6–15.

2. Гольева Г.Ю. Развитие лидерских качеств у студентов педагогического вуза [Текст]: монография / Г.Ю. Гольева – Челябинск: Издательство ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018. – 204 с.

3. Губанова, А.В. Характеристика направлений развития цифрового лидерства для эффективного управления организационными изменениями в цифровой экономике / А. В. Губанова // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 487-506.

4. Лехтянская Л.В., Заярная И.А. ВЫПУСКНИКИ ВУЗОВ - ГЛАВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БУДУЩЕГО СТРАНЫ // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2021. — № Т. 10. № 2(35). — С. 225-228.

5. Роцин С.Ю., Травкин П.В., Рожкова К.В. Цифровых навыков, которыми владеет большинство студентов, недостаточно для профессиональной деятельности / Роцин С.Ю., Травкин П.В., Рожкова К.В. [Электронный ресурс] //

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: [сайт]. — URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/737639598.html> (дата обращения: 19.11.2025).

УДК 784.12

З.А. Нуралиева

*Ст. преподаватель кафедры искусствоведения,
Гулистанский государственный педагогический институт*

ЭСТЕТИКА ХОРОВОГО ИСКУССТВА

Аннотация: В статье рассматривается эстетическая природа хорового искусства, его влияние на духовное развитие личности и художественную культуру общества. Анализируется роль хорового звучания в формировании эстетического восприятия, раскрывается значение дирижёра и хормейстера в воспитании художественного вкуса и эмоциональной культуры исполнителей.

Ключевые слова: хоровое искусство, эстетика, дирижирование, художественный вкус, духовное воспитание, хормейстер.

Хоровое искусство на протяжении многих веков занимает особое место в музыкальной культуре человечества. Оно является одним из наиболее демократичных видов творчества, объединяющим людей независимо от возраста, национальности и уровня музыкальной подготовки. Эстетическая природа хора выражается в способности коллективного пения воздействовать на эмоциональную сферу личности, формировать духовные ценности и укреплять культурные традиции общества [1, с. 42].

Хоровое искусство синтезирует в себе художественные, коммуникативные и воспитательные функции. В отличие от сольного пения, оно основано на взаимодействии множества голосов, создающих особую гармонию и единство. По словам Г.П. Стулова, хор воспитывает чувство общности и ответственности [2,

с. 61]. Д.Б. Кабалевский отмечал его влияние на духовное развитие ребёнка [1, с. 74], а Б.В. Асафьев называл хоровое звучание живым процессом, соединяющим форму и содержание [3, с. 105]. Таким образом, хор становится символом культурного согласия [4, с. 142; 5, с. 45].

Однако эстетическое значение хора проявляется не только в гармонии звуков. Само участие в хоровом коллективе формирует у исполнителей чувство ансамбля, ответственности за общее звучание, умение слушать и слышать других. Здесь эстетика соединяется с этикой: красота звука рождается из уважения к партнёру и готовности подчинить личное «я» общему замыслу.

Музыковед **Б.В. Асафьев** подчеркивал, что хоровое искусство обладает синтетической природой: оно объединяет не только голоса, но и духовные усилия участников, их эмоциональное переживание и интеллектуальное понимание произведения. В хоровом звучании достигается единство индивидуального и коллективного начала: каждый певец сохраняет тембровую индивидуальность, но при этом становится частью единого художественного организма. Эстетическая ценность хора также в том, что он способен выразить широкий спектр чувств - от интимной лирики до монументальных философских идей. В народном песенном творчестве хор выступает как носитель традиций, коллективной памяти и мировоззрения народа. В духовной музыке - как символ гармонии и возвышенного общения человека с вечностью. В современной хоровой культуре хор становится площадкой для межкультурного диалога, соединяя различные национальные традиции в едином художественном пространстве.

Таким образом, эстетика хорового искусства заключается в единстве художественной формы, коллективного взаимодействия и воспитательного потенциала. Она выражается не только в красоте звуковой ткани, но и в формировании нравственных и духовных ценностей у исполнителей и слушателей, превращая хоровое пение в важный инструмент культурного и личностного развития.

Эстетика хорового искусства проявляется не только в красоте звучания, но и в глубине эмоционального содержания произведений. Исполнение духовной

музыки, народных песен, классических и современных композиций формирует у слушателей и исполнителей высокие моральные и художественные идеалы.

Важнейшим посредником между композитором и исполнителями является дирижёр-хормейстер. Его задача заключается не только в техническом обеспечении чистоты интонации и ансамбля, но и в раскрытии художественного замысла произведения, формировании у хора целостного эстетического восприятия музыки. Как отмечал Б.В. Асафьев, подлинная красота хорового звучания рождается из единства формы и содержания, которое хормейстер обязан донести до исполнителей [3, с. 101].

Методическая работа дирижёра направлена на воспитание у участников хора чувства ансамбля, гармонии и художественного вкуса. Эстетическая составляющая дирижирования проявляется в пластике жеста, эмоциональной выразительности и способности вдохновлять коллектив.

Хоровое пение способствует формированию нравственных и духовных качеств личности. Через хоровое искусство учащиеся приобщаются к национальной культуре, развивают патриотические чувства и учатся уважению к многообразию традиций разных народов. Особое значение имеет исполнение народной музыки, в которой отражаются эстетические идеалы народа и его культурный код [4, с. 89].

Кроме того, хоровое пение воспитывает коллективизм, взаимное уважение и ответственность. Каждый участник хора понимает, что его голос - это часть общего звучания, а значит, успех зависит от согласованности и гармонии.

Таким образом, эстетика хорового искусства заключается в его способности формировать духовно-нравственные ценности, развивать художественный вкус и эстетическое восприятие. Хоровое пение представляет собой уникальное средство объединения людей и сохранения культурных традиций. В современном музыкальном образовании эстетическая функция хорового искусства должна рассматриваться как основополагающая, так как именно она обеспечивает формирование гармоничной, духовно богатой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабалевский Д.Б. Воспитание ума и сердца. - М.: Просвещение, 1984. - 206 с.
2. Свешников А.В. Хоровое пение и его воспитательное значение. - М.: Музыка, 1973. - 214 с.
3. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. - Л.: Музыка, 1971. - 379 с.
4. Дмитриев Л.А. История хорового искусства. – М.: Музыка, 1990. - 302 с.
5. Стулова Г.П. Хоровое пение. - СПб.: Лань, 2016.- 176 с.

Е.В. Сакаева

Педагог дошкольного образования,

МБДОУ № 55 «Детский сад комбинированного вида «Шалунишка»,

г. Набережные Челны

Д.Э. Ахунова

Педагог дошкольного образования,

МБДОУ № 55 «Детский сад комбинированного вида «Шалунишка»,

г. Набережные Челны

Ю.М. Фатхутдинова

Педагог дошкольного образования,

МБДОУ № 55 «Детский сад комбинированного вида «Шалунишка»,

г. Набережные Челны

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА УЗКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОУ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО, ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Аннотация: Интегрированная деятельность узких специалистов является новым подходом по оптимизации обучения детей с ОВЗ. Так как возникла необходимость в создании специальных условий для проведения фронтальных занятий с учетом индивидуальных особенностей таких детей. Совместная деятельность узких специалистов дополняет и расширяет возможности друг друга, способствуя более эффективному обучению детей в логопедических группах (ТНР). Необычный способ дает толчок в свободе самовыражения детей с ОВЗ.

Ключевые слова: интегрированное обучение, оптимизация, фронтальное занятие, дети с ОВЗ, дошкольное образование

Современное общество предъявляет новые требования к системе образования подрастающего поколения и, в том числе, к первой его ступени – дошкольному образованию. Специалисты нашего ДОО постоянно находятся в поиске новых идей для оптимизации процесса воспитания и обучения детей, так как время диктует новые правила. Одной из главных задач педагогов и узких специалистов в ДОО комбинированной направленности, согласно ФОП дошкольного образования, является воспитание и развитие детей с ОВЗ.

Актуальным является проведение интегрированных фронтальных занятий педагогов и узких специалистов, посредством которых происходит эффективное воздействие на обучение и воспитание детей с ОВЗ в ДОО. Как правило, данная категория детей являются воспитанниками логопедических групп с тяжелым нарушением речи (ТНР). Педагоги этих групп сталкиваются с проблемой, как найти необходимый подход на фронтальных занятиях, суметь заинтересовать ребенка с особенностями в развитии, удержать его внимание, включить в процесс. Например, дети с расстройством аутистического спектра (РАС), имеют поведенческие особенности, характеризующиеся бурным протестом против всего коллективного. Педагог – психолог, учитель – логопед, инструктор по физической культуре работают над решением данной проблемы, так как в саду имеются три логопедические группы, и регулярно проводят совместные интегрированные

фронтальные занятия. По заключениям городской ПМПК в группы (ТНР) поступают дети не только с логопедическими проблемами, но, например, с поставленными диагнозами, инвалидностью. Серьезные логопедические проблемы являются вторичным признаком, а первичный признак — это тотальная недостаточность, либо асинхрония в развитии высших психических функций. Мелкая моторика, внимание, память, мышление, восприятие составляют так называемую психологическую базу речи, без которой невозможно проводить полноценную логопедическую работу. Например, дети с РАС не могут воспринимать словесную инструкцию, обращенную ко всем детям, это связано с особенностями слухового и зрительного восприятия. Так же особое значение придаётся формированию социально – коммуникативных навыков таких детей, которые необходимы для общения и взаимодействия ребёнка в социуме, повышению качества знаний, мотивации обучения, умению регулировать и управлять своим поведением. Педагог совместно с узкими специалистами на фронтальных занятиях создают необходимые условия, чтобы ребенок мог быть самим собой, чувствовал себя комфортно.

Для этого необходим интегрированный подход к обучению и коррекции речевых нарушений дошкольников в группах ТНР. Интегрированное обучение является новой моделью, которое направлено на развитие личности ребенка, на личностно-ориентированное обучение и воспитание детей с ОВЗ, с учетом их склонностей и способностей.

Учитель-логопед является организатором учебного процесса в логопедической группе, однако, дети с ТНР особенно нуждаются в помощи педагога-психолога. Совместная работа учителя-логопеда и педагога-психолога является еще и насущной необходимостью.

Интеграция деятельности учителя-логопеда, педагога-психолога, инструктора по физической культуре распространяется не только на процесс диагностики, обмена данными, анализа компенсаторных возможностей каждого ребенка и разработки индивидуального образовательного маршрута ребенка-логопата. Сама по себе образовательная деятельность значительно выигрывает, если во время неё происходит взаимодействие педагогов – участников коррекционно-

образовательного процесса, которые органично дополняют и расширяют возможности друг друга. Кроме того, смена действующих лиц придает всему процессу динамику и повышает интерес и удерживает внимание детей.

В ДОУ используется интегрированная образовательная деятельность педагога-психолога и учителя-логопеда, педагога–психолога и инструктора по физической культуре в форме фронтальных занятий, развлечений, досугов, викторин и т.д.

Совместная работа учителя - логопеда и педагога – психолога заключается в следующем:

- Совместное обследование детей педагогом - психологом и учителем – логопедом, где выявляются компенсаторные возможности, трудности в личностном развитии и интеллектуально-познавательной деятельности.
- Задачи коррекционной работы учителя - логопеда и педагога – психолога выстраиваются тесно друг с другом, и решаются в рамках целостного подхода по формированию психически здоровой личности ребенка. Обучение направлено на общее развитие, а не на тренировку отдельных процессов. Коррекция нарушений в развитии речи – прерогатива логопеда, задача же педагога-психолога – активизация речевой деятельности ребёнка на занятии.
- Обмен информацией о речевых особенностях и трудностях конкретных детей. Это позволит адаптировать программу коррекции с учетом индивидуальных особенностей каждого ребенка.

Совместная работа учителя – логопеда с узкими специалистами:

- Учитель-логопед проводит совместные мероприятия, фронтальные занятия в группе, направленные на развитие речи и коммуникативных навыков детей. Это позволяет обеспечить постоянное вовлечение и поддержку всех детей в процессе развития и коррекции речи.

- Совместное консультирование узких специалистов, где происходит обмен важной информацией, обсуждается прогресс детей, эффективность используемых методик и техник, разрабатываются рекомендации для дальнейшей работы и поддержки речевого развития каждого ребенка.

Совместная работа педагога – психолога и инструктора по физической культуре заключается в следующем:

- совместное проведение интегрированных фронтальных занятий, где применяются арт-терапевтические методы. Активно применяется цветотерапия (радужные ткани, парашют). Цветотерапия применяется посредством изотерапии (рисования предметами окружающего пространства). В игротерапии, музыкатерапии, релаксации. В качестве заключительной части занятия для создания творческих картин используются кегли, мячи, обручи, атласные ленты, скакалки, мишура, гимнастические палки и т.д., а при создании скульптуры применяются мягкие модули, кубики.

Новые творческие способы мотивируют деятельность детей, направляют и удерживают внимание. Имеет большое значение получение ребенком необычного опыта. Раз опыт необычен, то при его приобретении снижается контроль сознания, ослабевают механизмы защиты. В таком способе присутствует больше свободы самовыражения.

Дети с ОВЗ с удовольствием включаются в создание изображений необычным способом. Арт – терапевтические методы благотворно влияют на физическое развитие и развитие психических процессов, а именно, развитие слухового восприятия, саморегуляции, формирование эмоциональной сферы и поведенческой.

Тесная взаимосвязь и совместная работа узких специалистов в ДОУ является важным аспектом формирования речевых навыков у детей с ОВЗ, психологического и физического здоровья в целом.

Таким образом, система непрерывной работы взаимодействия учителя – логопеда, педагога – психолога, инструктора по физической культуре ДОУ, способствует гармоничному психическому развитию каждого ребёнка, сохранению его индивидуальности и развитию социально – коммуникативных навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нищева Н.В. Планирование коррекционно-развивающей работы в группе компенсирующей направленности для детей с тяжелым нарушением речи (ОНР). - СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2016. - 192 с.

2. Психокоррекционная и развивающая работа с детьми: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / И.В. Дубровина, А. Д. Андреева, Е.Е. Данилова, Т. В. Вохмянина; Под ред. И.В. Дубровиной. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. – 160 с.

3. Психология детей дошкольного возраста / Под ред. А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина. – М.: Просвещение, 1964. - 352 с.

4. Горбатенко О.Ф., Кардаильская Т.А., Попова Г.П. Физкультурно – оздоровительная работа в ДОУ. – Волгоград: Учитель, 2008. - 163 с.

5. Программы дошкольных образовательных учреждений компенсирующего вида для детей с нарушениями речи: Коррекция нарушений речи / Т.Б.Филичева, Г.В.Чиркина и др. - М.: Просвещение, 2014. - 187 с.

УДК 331.54

М.И. Староверов

Студент

Технологический институт – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Научный руководитель: канд. ист. наук А.Г. Константинова

ВЫБОР ПРОФЕССИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ РЫНКА ТРУДА

Аннотация: В статье рассматривается социально-философская проблема выбора профессии в условиях роста числа возможностей и неопределенности современного рынка труда. Анализируются исторические изменения характерных для человека стратегий профессионального самоопределения, влияние образовательной системы и социальных ожиданий на свободу выбора. Делается вывод о необходимости формирования у школьников и студентов механизмов осознанного профессионального развития.

Ключевые слова: выбор профессии, рынок труда, профессиональное образование.

Развитие человечества неизбежно сопровождалось усложнением структуры труда и расширением спектра профессиональных ролей. Если в древних обществах профессиональная деятельность была ограничена земледелием, скотоводством, ремеслами, то к Новому времени людям стал доступен широкий спектр возможностей от науки до инженерных практик. На протяжении столетий профессиональная принадлежность, как правило, передавалась по наследству. Семейственность определяла социальный статус, экономическое положение и жизненный путь индивида. Возможность выхода за рамки профессии семьи была минимальна, а изменение рода деятельности – редким исключением.

Промышленная революция радикально изменила данную ситуацию. Возникла необходимость в массовой подготовке кадров, и система образования стала пространством, где человек впервые получил возможность выбирать направление профессионального развития вне рамок семейной традиции.

Современный этап характеризуется тем, что развитие технологий, информационных систем и цифровой среды создало качественно новые сферы занятости, требующие пересмотра картины мира и формирования иных компетенций.

Однако расширение возможностей сопровождается появлением новых вопросов: **как человеку ориентироваться в мире профессий, когда число доступных вариантов практически не ограничено?**

В современных условиях кардинальной смены образов мира нарастает значимость выбора профессионального образования и сферы профессиональной самореализации как для самого человека, так и для общества и государства. В научно-методическом отношении вопросы профессиональной ориентации в достаточной степени проработаны [2; 3 и др.]. При этом проблема профессионального выбора становится одним из ключевых аспектов не только в педагогике, но и в современных социально-философских концепциях. В исследованиях вопрос выбора профессии остается философской проблемой, поскольку связан с самоопределением человека, с осмыслением собственных способностей и желаний и в то же время ограничений, задаваемых обществом, экономикой и культурой. В современном обществе эта проблема усиливается по мере роста неопределенности и конкуренции.

Несмотря на то что сегодняшнему человеку доступно множество профессий, выбор не становится проще. Наоборот, в условиях «общества возможностей» возникает феномен, который можно назвать **парадоксом выбора**: чем больше вариантов, тем труднее человеку принять решение.

Рассмотрим факторы, осложняющие процесс выбора:

1) **асимметрия информации**. Большинство школьников и даже студентов не знают о существовании многих профессий, не понимают их содержания и перспектив [1].

2) **социальные ожидания**. Давление семьи и общества нередко заставляет выбирать «престижные» профессии, не соответствующие реальным интересам человека.

3) **неравномерная востребованность**, когда некоторые профессии оказываются переполненными соискателями, а другие – дефицитными.

4) **требование опыта при приеме на работу**, что ставит молодежь в заведомо уязвимое положение.

Эти факторы демонстрируют то, что профессиональный выбор становится не только социальным, но и философским вопросом – вопросом о свободе, самоопределении и идентичности человека.

Образование как социальный институт призвано помочь человеку в поиске собственных профессиональных ориентиров. Однако на практике эта функция реализуется недостаточно полно. С нашей точки зрения, современная школа должна решать следующие задачи: формировать у учащихся способность к самопознанию и анализу собственных интересов; давать представление о реальном спектре профессий и механизмах профессионального роста; создавать ситуацию проб разных видов деятельности (олимпиады, кружки, проектная работа).

Что касается среднего профессионального и высшего образования, то практика здесь становится важнейшим компонентом профессионального становления: она позволяет студенту приобрести первичный опыт и адаптироваться к профессиональной среде. Это снижает разрыв между полученными знаниями и реальным рынком труда. При этом отказ от стереотипа «занимайся тем, что любишь» в пользу более зрелой стратегии осознанного и рационального выбора может повысить качество профессиональной подготовки и уменьшить дисбаланс на рынке труда.

Таким образом, проблема выбора профессии выходит за рамки частной жизненной задачи и становится частью социально-философского дискурса. Профессиональный выбор является сложным процессом, включающим ответы на вопросы о свободе, ответственности, самоопределении и социальной адаптации. Современная образовательная система должна создавать условия, при которых человек получает возможность выявить свои интересы и способности, познакомиться с различными видами деятельности и сделать осознанный выбор. Если эти задачи будут решены, возникнет устойчивый приток мотивированных и компетентных специалистов в разные сферы труда, что окажет положительное влияние на развитие общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Более 40% опрошенных одиннадцатиклассников в России не определились с выбором профессии [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство. – 2022. – 18 апреля. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/14399123> (дата обращения: 15.11.2025).

2. Бугров А.С. Профориентация в общем образовании: анализ ситуации, тенденции и перспективы развития / А.С. Бугров // Профессиональное образование и рынок труда. – 2024. – Т. 12, № 1(56). – С. 79-94.

3. Сергеев И.С. Образовательная профориентация и школьная профориентация: совпадение в пространстве, расхождение в смыслах / И.С. Сергеев // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). – 2023. – № 3(15). – С. 11-48.

УДК 330.1

Тоголин В.С.

студент 3 курса, Факультет экономики и бизнеса

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация: рассматривается роль человека в экономике с учётом ограниченной рациональности и влияния среды. Показано, как цифровые платформы и интерфейсы меняют принятие решений и какие задачи решают правила и нормы. Предложены практические рекомендации для компаний и органов власти.

Ключевые слова: поведенческая экономика; цифровая среда; институты; выбор потребителя; экономическая политика.

Введение

Классические модели исходили из полностью рационального выбора. Накопленные исследования показали, что реальный выбор во многом определяется ограниченной рациональностью и особенностями среды. Это изменило подход к анализу поведения и стимулированию экономической активности [1; 2].

1. Поведенческий подход и ограниченная рациональность

Поведенческая экономика систематизировала отклонения от рациональных моделей. Для практики важны такие эффекты, как внимание к ближайшей выгоде, влияние формулировки вариантов и склонность следовать привычному выбору. Эти особенности нужно учитывать при проектировании услуг, финансовых продуктов и государственных программ [1; 2].

Набор типичных ошибок восприятия включает эффект якоря (первое увиденное значение влияет на оценку), эффект по умолчанию (человек соглашается с тем вариантом, который выбрали за него), гиперболическое дисконтирование (завышение ценности немедленной выгоды), фрейминг (одни и те же данные воспринимаются по-разному в зависимости от формулировки). Снижение влияния этих факторов достигается простым языком, симметричным представлением выгод и рисков, показом полной стоимости и наглядными примерами.

2. Цифровая среда и принятие решений

В цифровой среде решения зависят от устройства интерфейса, порядка представления вариантов и сигналов обратной связи. Рейтинги, отзывы, подсказки по умолчанию и напоминания заметно увеличивают вероятность выбора. Исследования на рынках электронных услуг и электронной торговли показывают, что даже простые изменения расположения кнопок и полей ввода меняют долю откликов и повторных покупок [3].

Для финансовых сервисов важны ясные шаги операций и прозрачность комиссий. Человек лучше запоминает путь действия, если видит завершённые этапы, ожидаемое время и результат. Практика показывает, что поэтапная форма ввода данных, возможность вернуться к предыдущему шагу, подсказки с примерами и короткие подтверждения снижают ошибки и улучшают удовлетворённость пользователей.

Проблемой становятся «тёмные приёмы» интерфейсов, когда внимание пользователя уводят от важных параметров сделки. Для устойчивого развития компаний выгоднее строить доверительные отношения: не скрывать платные опции, не навязывать подписки и заранее сообщать об условиях отказа. Такой подход снижает краткосрочные конверсии, но повышает удержание клиентов и число рекомендаций.

3. Роль институтов и правил

Институциональный подход объясняет, как формальные и неформальные правила ограничивают неопределённость и направляют поведение. Согласованные правила снижают издержки координации и повышают предсказуемость. Несогласованность правил или их частая смена, напротив, усиливают оппортунистические действия и тормозят развитие. Для цифровой экономики это означает необходимость прозрачных условий использования и понятных правил обработки данных [4; 5].

Согласованность норм важна и для государственного сектора. Если сервисы разных ведомств предъявляют одинаковые требования к форме ввода, к структуре разделов и к формату подтверждений, пользователю проще ориентироваться, а вероятность ошибок падает. Это экономит время граждан и снижает издержки учреждений на поддержку.

4. Практические рекомендации

Для компаний. Проектировать интерфейсы, которые помогают сделать осознанный выбор: понятные заголовки, краткие пошаговые инструкции, видимые итоги операции, возможность легко отменить действие. Проводить регулярные А/В-тесты формулировок и порядка шагов, выбирать решения, которые уменьшают ошибки и обращение в поддержку. Отдельно оценивать последствия по уязвимым группам пользователей.

Для органов власти. Создавать единые стандарты подачи информации в цифровых сервисах: размер и читаемость шрифта, расположение ключевых кнопок, порядок подтверждений, форма справки. Эффективны напоминания о сроках, шаблоны заполнения и понятные сообщения об ошибках. При внедрении

правил следует обсуждать изменения с пользователями и заранее готовить краткие разъяснения.

5. Примеры и мини-кейсы

Опыт платформ электронной торговли показывает, что отказ от автозаполнения платной доставки по умолчанию приводит к временному снижению выручки, но увеличивает долю повторных заказов через 2–3 месяца. В банковских приложениях наглядные подсказки по итоговой стоимости кредита и графику платежей снижают жалобы и повышают точность планирования расходов. В образовательных сервисах напоминания о сроках и функция «продолжить с того места» увеличивают завершение курсов без материальных стимулов. В каждом случае срабатывают одни и те же принципы: ясный путь действия, прозрачные условия, контроль пользователя над выбором.

На рынках услуг связи сообщения с чётким описанием периода и шага списания уменьшают число отказов от подписок после первого месяца. В государственных услугах разъяснение, зачем нужен каждый документ, снижает долю неполных заявлений. В налоговых сервисах напоминания о сроках уплаты и простые калькуляторы автоматически повышают дисциплину без дополнительных санкций [1; 3].

6. Оценка эффективности решений

Чтобы не полагаться на субъективные впечатления, результаты изменений следует измерять. Базовый набор показателей включает: долю завершённых операций; долю ошибок ввода; среднее время выполнения; обращения в поддержку; долю отказов после просмотра условий; повторные визиты в течение 30–90 дней. Для финансовых продуктов добавляют показатели просрочки и долю клиентов, которые досрочно закрыли продукт из-за непонимания условий.

Полезно рассчитывать эффект с учётом «стоимости ошибок». Иногда небольшое увеличение времени на шаге ознакомления снижает число дорогостоящих отмен и обращений, экономя ресурсы поддержки. Для государственных сер-

висов это означает экономию бюджета и рост удовлетворённости граждан. Методы оценки включают А/В-тесты, квазиэксперименты и анализ естественных экспериментов.

7. Ограничения и направления исследований

Поведенческие приёмы не заменяют качественные продукты и продуманную политику. Если правила сложны и часто меняются, никакие подсказки не компенсируют издержки. Кроме того, результаты зависят от контекста: то, что помогает в одной сфере, может не работать в другой. Нужны исследования переносимости решений между секторами и различиями восприятия у разных групп пользователей.

Перспективное направление — согласование поведенческих подходов с институциональными реформами: когда одновременно упрощают правила, унифицируют процессы и улучшают интерфейсы. Такой «комплект» даёт устойчивый результат: меньше ошибок, выше доверие и предсказуемость поведения [4; 5].

Заключение

Человек принимает решения не только на основе расчёта, но и под влиянием среды. Поэтому успех продуктов и государственных программ зависит от ясных правил и грамотного интерфейса. Учет поведенческих факторов помогает снизить издержки и повысить доверие. Для практиков это означает необходимость простого языка, прозрачных условий и регулярного измерения результатов; для государства — стандарты сервисов и стабильность правил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. — М.: АСТ, 2014. — 656 с.
2. Галер Р. Новая поведенческая экономика. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — 400 с.
3. Радаев В. Экономическая социология: курс лекций. — М.: ГУ ВШЭ, 2002. — 352 с.

4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997. — 180 с.

5. Аузан А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. — М.: Инфра-М, 2011. — 448 с.

УДК: 37.01

Фань Сяоюй

*аспирант Белорусского государственного педагогического университета
имени Максима Танка*

ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ТЕХНИКА ПИАНИСТА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация: В статье рассматривается эволюция исполнительской техники пианиста от истоков до современности. Анализируются ключевые этапы развития, вклад выдающихся педагогов и композиторов, а также современные тенденции, связанные с интеграцией технологий и акцентом на индивидуальной интерпретации. Предложено определение исполнительской техники как синтеза физических, когнитивных и эмоциональных навыков, определяющих уникальность музыканта.

Ключевые слова: фортепианное искусство, исполнительская техника, эволюция пианизма, педагогические школы, методика.

Исполнительская техника пианиста, собственно, как и фортепианная музыка, прошла длительный путь развития, связанный с эволюцией клавишных инструментов. Вплоть до XVIII века исполнительская техника не играла той роли, которую она приобрела впоследствии. Клавесин и клавикорд, распространенные в тот период музыкальные инструменты, имели более ограниченные возможности, и это снижало требования к виртуозности и выразительности, характерным для современного пианизма.

Фундаментальные изменения в подходах к исполнительскому мастерству пианиста начались с работ Иоганна Себастьяна Баха и его сыновей. Они разрабатывали новые методы игры на клавесине, а также на становившемся популярным фортепиано. Их новаторство состояло в усовершенствовании аппликатуры, расширении динамических возможностей нового инструмента, разработке принципов взаимодействия с клавиатурой, логикой движения руки, фразировкой и артикуляцией. Эти принципы стали основой для последующих поколений исполнителей.

В XIX веке фортепианная музыка пережила период небывалого расцвета. На сцене появились композиторы-исполнители Фредерик Шопен, Ференц Лист и др., которые создали музыкальные произведения, отличающиеся повышенной технической сложностью. Это потребовало от исполнителей безупречного владения инструментом, глубокого понимания музыкальной формы и стиля. Такой подход существенно расширил представления о выразительных средствах фортепиано.

Сочинения композиторов стимулировали у исполнителей совершенствование пианистических навыков. На первый план выдвигались такие аспекты, как беглость пальцев, точность артикуляции, контроль динамики, умение создавать богатую палитру тембральных красок. Виртуозность становилась неотъемлемой частью исполнительской культуры – инструментом передачи эмоциональной глубины и художественного замысла композитора. Таким образом в XIX веке исполнительское мастерство достигло качественно нового уровня и оказало влияние на исполнительские традиции в целом [1].

XX век ознаменовался ростом фортепианного репертуара, предъявившим беспрецедентные вызовы исполнительскому мастерству. Композиторы Сергей Прокофьев («Сарказмы»), Игорь Стравинский («Петрушка», транскрипция для фортепиано), Бела Барток (Сонаты для фортепиано) и Оливье Мессиан («Vingt regards sur l'Enfant-Jésus») радикально расширили границы традиционных представлений о фортепиано как о средстве выразительности.

Музыкальные произведения Стравинского, например, потребовали от пианистов виртуозного освоения полиритмических структур и имитации оркестровых тембров, умений создавать «эффект оркестра». Бела Барток выдвинул на первый план диссонантность. Сочинения Прокофьева, в свою очередь, потребовали от исполнителя технической филигранности. Музыка Мессиана бросила вызов способности пианиста передавать медитативное состояние слушателю. Эти и другие произведения XX века вынудили пианистов осваивать новые технические приемы, разрабатывать иные подходы к интерпретации и переосмысливать саму природу фортепианного звучания.

Возможно именно поэтому конец XIX и начало XX века можно назвать «золотым веком» пианизма. В этот период активно стали формироваться различные педагогические школы и авторские методики формирования исполнительской техники при обучении игре на фортепиано. Например, Клод Дебюсси ввел новые принципы звучания фортепиано, в связи с чем стали формироваться особые подходы к педализации и звуковому окрашиванию. Весьма популярным было учение Антона Рубинштейна о необходимости гармоничного сочетания техники и выразительности. В то время большое внимание уделялось изучению анатомии рук исполнителя и разработке специальных упражнений для укрепления мышц кисти. Школа Генриха Нейгауза также акцентировала внимание на выразительности и эмоциональной насыщенности исполнения наряду с техническим мастерством. В своих работах Нейгауз отмечал, что исполнительская техника – это способность извлекать из инструмента звуки так, чтобы они точно отражали музыкальную мысль композитора» [2]. Методика Александра Гольденвейзера сфокусирована на идеях динамической игры [3]. Французский пианист и педагог Альфред Корто является создателем уникальных этюдов для развития техники, сочетающих в себе технические элементы и художественную образность.

В XXI веке наблюдается тенденция увеличения значимости интерпретации при сохранении высокого уровня техники исполнения. То есть, на современном этапе большое внимание уделяется индивидуальности исполнителя – его способности привнести что-то новое в общепринятые интерпретации классических

произведений. Современные технологии предоставляют музыкантам возможность расширять свои горизонты: цифровые инструменты позволяют экспериментировать со звуком, а обучающие программы помогают совершенствовать навыки даже без непосредственного присутствия педагога.

Анализ эволюции пианизма позволяет понять, как с течением времени изменялась исполнительская техника и корректировалось содержание понятия «исполнительская техника». На основании анализа нами в данной статье дано следующее определение: исполнительская техника пианиста – это индивидуальное мастерство, объединяющее в себе физические, технические, когнитивные и эмоциональные навыки, то есть, это синтез личных качеств, высокого уровня музыкального восприятия и постоянного совершенствования технических навыков.

Таким образом, исполнительская техника продолжает эволюционировать под влиянием меняющихся культурных тенденций и технологических инноваций. Несмотря на разнообразие методов обучения игре на фортепиано сегодня существует общее стремление к максимальному раскрытию индивидуальных возможностей каждого музыканта через гармоничное сочетание традиционных основ исполнительского мастерства с современными подходами к его развитию.

Можно констатировать, что именно исполнительская техника пианиста является ключевым аспектом, определяющим успех и уникальность каждого музыканта. Высокий уровень исполнительской техники требует и технического мастерства, и глубокого понимания музыкального текста, и способности интерпретации и эмоционального отклика на художественный строй музыкального текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, А.Д. История фортепианного искусства: в 3 ч. / А.Д. Алексеев. – 2-е изд., доп. – М.: Музыка, 1988–1990.
2. Нейгауз, Г.Г. Об искусстве фортепианной игры / Г.Г. Нейгауз. – М.: Музыка, 1982. – 300 с.
3. Гольденвейзер, А.Б. Статьи, материалы, воспоминания / сост. и общ. ред. Д.Д. Благого. – М.: Советский композитор, 1969. – 488 с.

Р.З. Хайров

*Д.филос.пед.н., доцент кафедры «Искусствоведение»
Гулистанский государственный педагогический институт*

РОЛЬ ИСКУССТВА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается значение искусства в процессе становления личности, его роль в формировании духовно-нравственных и эстетических ценностей современного человека. Особое внимание уделяется педагогическому потенциалу изобразительного искусства в системе образования.

Ключевые слова: искусство, личность, педагогика, эстетическое воспитание, культура.

В современном обществе искусство является важнейшим фактором формирования личности. Оно не только отражает социальные изменения, но и развивает духовный мир человека, формирует ценности, эстетические вкусы и мировоззрение. Обращаясь к эмоционально-чувственной сфере, искусство помогает различать добро и зло, прекрасное и безобразное, воспитывает способность к сопереживанию. Именно поэтому оно играет ключевую роль в духовно-нравственном воспитании и сохранении культурной идентичности личности [1].

Великий педагог К.Д. Ушинский подчеркивал, что без эстетического чувства невозможно полноценное воспитание, поскольку искусство пробуждает в человеке добрые начала и формирует его отношение к миру [4, с. 56]. В свою очередь, Л.С. Выготский в «Психологии искусства» отмечал [1, с. 210], что художественный образ действует не прямо, а через внутренние переживания человека, формируя новые установки и ценностные ориентации.

В истории мирового искусства можно найти немало примеров, когда творчество становилось источником нравственного воспитания. Картины Леонардо

да Винчи и Рафаэля несли гуманистический идеал гармоничной личности, возвышая зрителя до понимания высших духовных ценностей [3, с. 87]. В русской культуре важнейшую роль сыграла живопись И.Н. Крамского, В.Г. Перова, И.Е. Репина, которые обращались к социальным и моральным проблемам, заставляя общество задуматься о судьбе простого человека и ответственности перед ближним [3, с. 198].

Особенно сильное воздействие на нравственное формирование имели произведения Камолиддина Бехзода, выдающегося мастера восточной миниатюры. Его картины не только поражают изяществом и совершенством формы, но и воспитывают чувство гармонии, мудрости и уважения к духовным ценностям [3, с. 145].

Художественное творчество, будучи неразрывно связанным с духовными исканиями человечества, становится важнейшим средством формирования нравственной культуры личности. Искусство не только воспитывает эстетический вкус, но и формирует внутренний моральный компас, позволяя человеку обрести гармонию с самим собой и окружающим миром.

В образовательном процессе изобразительное искусство играет роль не только учебного предмета, но и важного средства формирования личности учащихся. Оно развивает наблюдательность, воображение, креативность, способствует самовыражению и социализации. Через освоение художественных традиций студенты и школьники знакомятся с национальной культурой, что укрепляет их патриотические чувства и уважение к другим народам [2, с. 74].

В.А. Сухомлинский считал, что воспитание невозможно без искусства: красота приносит радость и духовное здоровье ребёнку [2, с. 75]. Он предлагал ежедневно включать художественные впечатления - чтение стихов, рассмотрение картин, музыку.

Методические приёмы преподавания изобразительного искусства позволяют целенаправленно формировать личность. Например, работа над натюрмортом учит наблюдать предметный мир, выделять его эстетические качества, воспитывает аккуратность и внимательность. Пейзажная живопись формирует у

учащихся чувство гармонии с природой, развивает умение видеть красоту в повседневности, что воспитывает бережное отношение к окружающей среде.

Особое значение имеет портрет, который формирует способность к пониманию человеческой индивидуальности, развивает эмпатию, учит видеть и передавать внутренний мир человека. Этот жанр часто используется педагогами для формирования у детей навыков самопознания и самооценки.

Примером может служить методика П.П. Чистякова, профессора Петербургской Академии художеств [5, с. 119]. Он уделял внимание не только технике, но и развитию «глаза художника», способности видеть за внешними формами внутреннюю жизнь. Такой подход воспитывал в учениках не только профессиональное мастерство, но и глубокое гуманистическое отношение к человеку. Современные методисты подчеркивают, что уроки изобразительного искусства должны быть не только технической школой, но и «уроками общения с искусством». Учитель, показывая шедевры мировой живописи, предлагает учащимся высказать свои чувства, интерпретации, тем самым формируя у них критическое мышление, умение вести диалог культур.

Таким образом, искусство занимает центральное место в процессе формирования личности, так как объединяет эстетическое, нравственное и культурное воспитание. Оно не сводится лишь к обучению технике изображения, а формирует у человека способность к сопереживанию, духовную зрелость и творческое самовыражение. Через обращение к национальным и мировым художественным традициям личность осознаёт свою культурную идентичность и развивает чувство принадлежности к истории и культуре. В условиях цифровизации особенно важно воспитывать умение воспринимать искусство глубоко и осознанно. Грамотно организованное художественное образование способствует становлению гармоничной, ответственной и духовно богатой личности, способной преобразовывать окружающий мир [3, с. 194].

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства. - М.: Искусство, 1965. - 570 с.

2. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. - Киев: Радянська школа, 1973. - 154 с.
3. Каган М. С. Философия культуры. - СПб.: Питер, 1996. - 310 с.
4. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. - М.: Педагогика, 1990. - 412 с.
5. Чистяков П. П. Письма, дневники, воспоминания. - М.: Искусство, 1953. - 590 с.

УДК 373.31

М.Р. Хайрова

Магистрант 2-го курса направления «Изобразительное искусство»

Гулистанский государственный педагогический институт

STEAM-МЕТОДИКА В ОБУЧЕНИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация: В статье раскрываются преимущества применения STEAM-методики (наука, технологии, инженерия, искусство, математика) в обучении изобразительному искусству в начальной школе. Показаны возможности развития у детей творческого мышления, наблюдательности и навыков решения проблем. Особое внимание уделяется междисциплинарной интеграции, проектным методам и использованию современных технологий на уроках.

Ключевые слова: начальное образование, изобразительное искусство, STEAM-методика, творческое мышление, междисциплинарная интеграция, проектное обучение.

Современная школа нуждается в инновационных подходах, которые обеспечивают не только передачу знаний, но и формирование универсальных компетенций. Одним из таких подходов является STEAM-методика, основанная на ин-

теграции науки, технологий, инженерии, искусства и математики. Для начальных классов этот метод особенно актуален, так как позволяет сочетать эстетическое воспитание с развитием логического и критического мышления [1, с. 100].

Изобразительное искусство в начальной школе выполняет не только эстетическую функцию, но и способствует развитию аналитического мышления, способности наблюдать, сравнивать и обобщать. Включение искусства в STEAM-систему позволяет школьникам воспринимать художественное творчество как способ познания окружающего мира и средство интеграции знаний из разных областей [2, с. 89].

Современные уроки изобразительного искусства можно эффективно сочетать с цифровыми технологиями. Работа с графическими редакторами, создание 3D-моделей или виртуальные экскурсии в музеи помогают школьникам расширять творческие возможности и формировать технологические навыки. При этом проектное обучение позволяет детям работать над собственными художественными замыслами, связывая их с элементами науки и техники. Например, при изучении темы «Цвета природы» ученики создают палитры и проводят простые опыты с цветовыми смесями, что сочетает искусство и элементы естественных наук [3, с. 28].

STEAM-подход в искусстве предполагает групповую работу и коллективные проекты. В процессе совместной деятельности дети учатся распределять обязанности, уважать мнение одноклассников, аргументировать собственную точку зрения. Например, при выполнении проекта «Наш город» школьники изображают городские пейзажи с элементами математики (пропорции, формы), технологии (цифровая обработка) и искусства. Такая интеграция формирует у детей навыки сотрудничества и развивает социальные компетенции [4, с. 6-7].

Преимущества STEAM-методики для учащихся начальной школы:

1. Междисциплинарная интеграция - позволяет одновременно закреплять знания по нескольким предметам и связывать их с практикой.
2. Развитие творческого мышления - дети учатся самостоятельно мыслить, выражать идеи через художественный образ.

3. Практическая направленность - занятия становятся ближе к реальной жизни.
4. Мотивация к обучению - использование технологий и групповой работы делает уроки интересными и вовлекающими.
5. Индивидуализация - каждый ребёнок может реализовать свои способности в удобной для него форме.

Применение STEAM-методики в обучении изобразительному искусству начальных классов позволяет не только формировать художественные и эстетические навыки, но и развивать у детей критическое мышление, способность решать проблемы и работать в команде. Использование междисциплинарных проектов и цифровых технологий делает уроки более насыщенными и актуальными для современного мира. Таким образом, STEAM-методика становится эффективным инструментом всестороннего развития учащихся и подготовки их к требованиям будущего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдирасилов С.Ф. Изобразительное искусство и методика его преподавания. – Ташкент: Фан ва технология, 2012. - 234 с.
2. Орипов Б. Современные педагогические технологии, дидактика и методика преподавания изобразительного искусства. - Ташкент: Илм-Зиё, 2013. - 162 с.
3. Маматова А.Х. Учебно-методические рекомендации по живописи и рисунку. - Ташкент: Фан ва технология, 2017. - 52 с.
4. Шовдиров С.А. Факторы формирования учебных компетенций учащихся в преподавании изобразительного искусства. // Укитувчи. Научно-теоретический и методический журнал. - Навои, 2024. - № 1. - С. 6-7.

Н.Р. Хайрова

Гулистанский государственный университет

ЖИВОЕ ДЫХАНИЕ КНИГИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы преподавания классической литературы в современной школе. Отмечаются трудности восприятия текстов учащимися и причины утраты интереса. Обосновывается необходимость обновления методики преподавания через диалог с современными формами культуры, использование дискуссий и творческих заданий. Подчёркивается значение литературы как живого собеседника, формирующего духовный опыт школьника.

Ключевые слова: классическая литература, современная школа, методы преподавания, культурный диалог, духовное воспитание.

Современные школьники живут в условиях информационного общества, где доминируют короткие сообщения и визуальные образы. На этом фоне тексты Толстого, Достоевского или Гоголя кажутся чрезмерно сложными и «устаревшими» [1, с. 24]. Однако трудность восприятия объясняется не самими произведениями, а методами их преподавания. Классика часто превращается в набор дат, терминов и «правильных» интерпретаций. Как отмечал Д.Б. Кабалевский, литература должна воспитывать «ум и сердце», а не сводиться к схеме [2, с. 47]. Подобный подход лишает произведения их главного качества - говорить лично и напрямую к читателю.

Другой серьёзной проблемой является перегруженность школьной программы. Десятки авторов следуют один за другим, и у школьников нет возможности глубоко осмыслить текст. В результате литература становится лишь пунктом для контрольной работы, а не личным духовным опытом [3, с. 89].

Тем не менее, классическая литература сохраняет силу. Конфликты у Гоголя, внутренние метания героев Достоевского, тоска по настоящей жизни у Чехова остаются актуальными и сегодня [4, с. 132]. Чтобы эти смыслы стали близки современным детям, необходимо организовать диалог с культурой XXI века: сопоставлять тексты с фильмами, музыкой, современными социальными проблемами. По словам Л.Н. Толстого, «литература - это исповедь народа» [5, с. 214]. Если дать школьникам возможность спорить с автором, находить в героях отражение своих проблем, книги оживают и становятся личным опытом.

Эффективнее всего при обучении литературе работают такие формы, которые вовлекают школьников в диалог с текстом. Одной из важнейших является дискуссия, позволяющая ученикам не просто пересказывать содержание произведения, а спорить, сравнивать позиции, выражать собственное мнение. Дискуссия формирует критическое мышление и делает уроки живыми и эмоционально насыщенными [2, с. 84]. Не менее значимы творческие задания, ориентированные на самостоятельное осмысление произведения. Это могут быть литературные эссе, написание писем от имени героев, создание альтернативного финала или сопоставление классического текста с современной жизненной ситуацией. Подобные формы позволяют школьнику почувствовать себя соавтором, а не пассивным слушателем.

Особый интерес вызывает «перевод классики» на современный язык: инсценировки, театральные постановки, комиксы, подкасты, видеоролики. Эти методы соединяют литературу с привычными для подростков медиаформатами, сохраняя при этом глубокий смысл текста. Так, обсуждение «Войны и мира» через сравнение с современными фильмами о войне позволяет по-новому раскрыть тему человеческой совести и выбора.

Важным приёмом является и проектная деятельность, когда учащиеся работают над исследовательскими или творческими проектами: создают виртуальные выставки по мотивам произведений, готовят доклады о связи писателей с историей и культурой, сравнивают переводы. Проектная работа развивает

навыки самостоятельного поиска информации и командного взаимодействия [3, с. 112].

Как отмечал В.А. Сухомлинский, «учеба должна быть проникнута радостью открытия» [6, с. 178]. Поэтому важна не столько форма, сколько эмоциональная вовлечённость: глубокое чтение даже одного текста способно принести больше пользы, чем механическое знакомство с десятками произведений. Педагогическая практика показывает, что лучше детально работать с «точечными» произведениями (например, рассказами Чехова, повестями Тургенева или отдельными главами Толстого), чем перегружать детей огромными объёмами без анализа [5, с. 214].

Таким образом, методические приёмы должны быть направлены на то, чтобы классическая литература воспринималась как живой опыт, который помогает школьникам формировать мировоззрение, ценностные ориентиры и эстетический вкус. Классическая литература не утратила актуальности. Устарели методы её преподавания, превращающие произведения в музейные экспонаты. Если вернуть книгам «живое дыхание» - показать, что они собеседники, способные обсуждать самые важные вопросы жизни, - школьник будет читать не из обязанности, а из внутренней потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. - Л.: Просвещение, 1972. - 274 с.
2. Кабалевский Д.Б. Воспитание ума и сердца. - М.: Просвещение, 1984. - 206 с.
3. Корман Б.О. Теория литературы. - М.: Высшая школа, 1991. - 256 с.
4. Дмитриев Л.А. История русской литературы XIX века. - М.: Просвещение, 1989. - 304 с.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. - М.: Художественная литература, 1951. - Т. 45. - 442 с.

6. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. - Киев: Радянська школа, 1979. - 383 с.

УДК 378

Ц. Чэнь

Студент

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования межкультурной личности в обучении РКИ и обосновывается необходимость интеграции языкового и культурного компонентов. Подчёркивается значимость развития межкультурной компетенции, эмпатии и культурной рефлексии для успешного межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: межкультурная личность, РКИ, межкультурная компетенция, лингвокультурология, культурная рефлексия.

В условиях глобализации и интенсификации международных контактов особую значимость приобретает подготовка специалистов, способных эффективно функционировать в многоязычной и поликультурной среде. Обучение русскому языку как иностранному (РКИ) перестаёт быть исключительно лингвистической задачей — оно трансформируется в мощный инструмент формирования межкультурной личности, обладающей способностью к диалогу культур и осознанному межкультурному взаимодействию. Данный процесс предполагает не просто усвоение языковых норм, но и глубокое постижение культурно-специфических кодов, ценностных ориентаций и коммуникативных стратегий носителей русского языка.

Межкультурная коммуникация представляет собой сложный семиотический процесс обмена информацией между представителями различных лингвокультурных сообществ, требующий не только владения языковыми компетенциями, но и развитой способности к интерпретации культурно обусловленных смыслов. В контексте обучения РКИ это означает, что освоение грамматического строя и лексического фонда должно сопровождаться системным погружением в русскую культурную парадигму — её аксиологические установки, традиции, поведенческие паттерны и дискурсивные практики. Только такой интегративный подход обеспечивает формирование у обучающегося способности к адекватной перцепции и интерпретации коммуникативных сигналов в межкультурном пространстве.

Ключевым теоретико-методологическим конструктом в данной области выступает понятие вторичной языковой личности. Вторичная языковая личность характеризуется как "показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации" [1, с. 65]. Под ней понимается субъект, который в процессе освоения иностранного языка приобретает способность проникать в «дух» изучаемого языка и культуру его носителей, овладевая не только системой языковых знаков, но и культурно-специфическими способами мышления и коммуникации. Формирование вторичной языковой личности детерминировано множеством факторов: степенью лингвокультурной дистанции между исходной и целевой культурами, возрастными особенностями обучающегося, уровнем его когнитивного развития, мотивационной сферой и социокультурным опытом. Важнейшим условием успешной интериоризации инокультурных смыслов выступает развитие эмпатической способности и культурной рефлексии — умения осуществлять децентрацию, то есть взглянуть на мир с позиции носителя изучаемой культуры.

Лингвокультурологический подход к обучению РКИ предлагает концептуальную базу для системного формирования межкультурной личности. Его сущность заключается в освоении лексико-фразеологического фонда сквозь призму его культурно-исторической семантики, что позволяет обучающимся постигать

механизмы взаимовлияния и взаимообогащения культур, формировать устойчивый познавательный интерес к русской культуре, осознавать культурно обусловленные поведенческие стереотипы русского этноса, осваивать способы использования лингвокультурных знаний в ситуациях межкультурного общения. Однако эффективная реализация данного подхода требует включения в учебный процесс не только абстрактных культурных концептов, но и конкретных норм повседневного коммуникативного поведения. На основе полученных результатов были сделаны выводы о необходимости учета коммуникативно-поведенческого аспекта культуры повседневности <...> [2, с. 247].

Сопоставительный метод обучения выступает значимым инструментарием в формировании межкультурной компетенции. Посредством последовательного контрастивного анализа системных элементов изучаемого и родного языков обучающиеся осмысливают аксиологические доминанты народа-носителя изучаемого языка, познают этнопсихологические особенности коммуникативного поведения, изучают специфику дискурсивных практик и речевых жанров в русской лингвокультуре. Реализация сопоставительного метода на практике подразумевает работу с четко определенным культурным материалом. Для педагогического дискурса в сфере РКИ характерны следующие культурные: межъязыковые лакуны; прецедентные имена; прецедентные тексты; прецедентные высказывания; прецедентные ситуации [3, с. 261]. В большинстве случаев исследования носят сопоставительный характер, так как он позволяет выявить национально-культурную специфику каждого языкового явления и определить те проблемы, которые могут возникнуть в процессе межкультурной коммуникации [4, с. 191]. Сопоставление лакун, например, позволяет выявить уникальные концепты каждой культуры, а анализ прецедентных феноменов способствует пониманию общих для лингвокультурного сообщества фоновых знаний.

Структура межкультурной компетенции представляет собой иерархически организованную систему взаимосвязанных компонентов. Когнитивный компонент включает совокупность знаний о целевой культуре, её ценностных установках, нормах и символических системах. Аффективный компонент предполагает

развитие эмпатийных способностей, толерантности, уважения к культурному многообразию и готовности к межкультурному диалогу. Операциональный компонент охватывает владение стратегиями межкультурного взаимодействия, умение идентифицировать культурные различия и адаптироваться к ним в коммуникативных ситуациях.

Для эффективной реализации данных компонентов целесообразно применять комплекс методических приёмов, включающий работу с текстовым материалом, репрезентирующим культурно-специфические феномены России, моделирование ситуаций культурологического дискурса, стимулирующих рефлексию над культурными различиями, тренинговые задания, воссоздающие типовые сценарии межкультурного общения, проектную деятельность, направленную на исследование и сопоставление культурных реалий.

Существенную роль в формировании межкультурной личности играют внеаудиторные мероприятия. Конкурсы чтецов, тематические викторины, культурологические презентации и межкультурные проекты способствуют углублённому погружению в русскую культурную среду, развитию коммуникативной гибкости и адаптивности в межкультурном взаимодействии, формированию позитивного отношения к культурному плюрализму и готовности к диалогу.

Принцип интеграции предполагает использование разнородных учебных материалов — аутентичных текстов, мультимедийных ресурсов, проектных заданий — как единого дидактического комплекса, формирующего целостное представление о русской национальной культуре. Такой подход позволяет обучающимся конструировать системную картину мира носителя русского языка, развивать навыки межкультурной коммуникации в разнообразных социокультурных контекстах, осваивать культурно маркированные символы и коды, релевантные для носителей языка.

Психолого-педагогические аспекты межкультурного обучения требуют особого внимания, поскольку именно они обеспечивают осознанное восприятие иной культуры и формирование устойчивых навыков межкультурного поведения.

В процессе обучения важно целенаправленно развивать у студентов сензитивность к культурным различиям, то есть умение замечать и корректно трактовать отличия в нормах поведения, стратегиях общения и ценностных ориентациях. Такая чувствительность позволяет избежать стереотипных интерпретаций и способствует более точному пониманию намерений собеседника.

Преподаватель в данном контексте выступает не только как транслятор лингвистических знаний, но и как медиатор культур, направляющий обучающихся в освоении норм и ценностей иной культуры. Он демонстрирует образцы уважительного межкультурного поведения, помогает студентам увидеть относительность собственных культурных установок и развивает у них способность учитывать точку зрения партнёра по общению.

Кроме того, преподаватель играет ключевую роль в преодолении этноцентрических барьеров, создавая условия для открытого обсуждения культурных различий и разъясняя причины возможных коммуникативных несоответствий. Он обучает стратегиям межкультурного взаимопонимания, таким как осознанное слушание, уточнение смыслов и внимательное отношение к культурным маркерам речи. В результате педагог способствует формированию у обучающихся более гибкого и толерантного подхода к межкультурному взаимодействию.

Также необходимо формировать уважение к уникальности каждой культурной системы и готовность принимать культурные проявления, которые могут казаться непривычными или нестандартными с позиции родной культуры. Развитие толерантности и гибкости в коммуникативных стратегиях помогает обучающимся адаптироваться к различным моделям общения и снижает риск межкультурных недопониманий. Важной частью процесса является и способность к культурной адаптации, подразумевающая осознанное принятие различий и умение корректировать собственное поведение в зависимости от коммуникативного контекста.

Таким образом, формирование межкультурной личности в процессе обучения РКИ представляет собой многомерный, поликомпонентный процесс, включающий лингвистическую подготовку, обеспечивающую владение системой

языка, культурологическое просвещение, формирующее знание о ценностно-нормативной системе целевой культуры, развитие коммуникативных компетенций, позволяющих эффективно взаимодействовать в межкультурном пространстве, формирование аксиологической установки на межкультурный диалог и взаимное уважение. Эффективность данного процесса детерминирована комплексным применением современных педагогических технологий, направленных на интеграцию языкового и культурного компонентов обучения, а также на развитие у обучающихся способности к межкультурной эмпатии, рефлексии и конструктивному взаимодействию в условиях культурного многообразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова И. М. Межкультурное деловое общение на русском языке (для иностранных граждан) / И. М. Белоусова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. – 103с.

2. Некрасова Е. Ю. Концепция коммуникативности как феномен функционального взаимодействия в педагогическом дискурсе / Е. Ю. Некрасова // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 11. – С. 259-263.

3. Чепинская М. А. Учёт особенностей национального коммуникативного поведения в сфере общественного питания в содержании обучения русскому языку китайских студентов / М. А. Чепинская // Вестник ТГГПУ. – 2023. – № 2 (72). – С. 246–253.

4. Архипкин О. В. Русский язык как средство формирования ценностных ориентаций в сфере диалога культур при обучении лингвистов и специалистов торгово-экономической направленности (опыт Иркутского государственного университета) / О. В. Архипкин, И. М. Белоусова, Е. А. Колодина // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. – 2025. – № 2. – С. 187–193.